

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

1
2013
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Акимова О.А.</i> (Москва). «Господин своего языка»: о попытке строительства государства в Хорватии в конце XIII – первой половине XIV века	3
<i>Косик В.И.</i> (Москва). Вардарская Македония между двумя мировыми войнами	11
<i>Гибянский Л.Я.</i> (Москва). Балканские страны в перекрестье политики Гитлера и Сталина в начале Второй мировой войны: от поражения Франции до установления господства «оси» на Балканах	24
<i>Улуян Ар.А.</i> (Москва). Тайна операции «прорыв». Как готовился Э. Ходжа к «хаосу после Тито»	43
<i>Гусев Ю.П.</i> (Москва). Образы России в творчестве классика венгерской литературы Мора Йокаи. Размышления над книгой	60
<i>Широкова Л.Ф.</i> (Москва). Словацкая проза после 1989 года: тенденции, авторы, произведения	68
<i>Старикова Н.Н.</i> (Москва). Поэтика инакомыслия. К ситуации модернизма в литературах Югославии	76
<i>Лифанов К.В.</i> (Москва). Проблема диалектной основы словацкого литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком	83
<i>Матвеев О.В.</i> (Краснодар). Некоторые итоги и перспективы изучения культуры славянского населения Кубани и Черноморья	91

СООБЩЕНИЯ

<i>Калиганов И.И.</i> (Москва). Болгария и болгары глазами русской женщины XIX века (воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 годов С.А. фон Кёниг)	99
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Кулик М.</i> Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830	105
--	-----

<i>Бирюкова Е.В.</i> Náboženství v 19. století. Nejcírkevnější století, nebo období zrodu českého ateismu?	107
<i>Мельников Г.П.</i> В. Пукиш. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010	109
<i>Фролова М.М.</i> Болгария и Россия (XVIII–XX вв.): взаимопознание. Сб. статей	111
<i>Лунькова Н.А.</i> И. Мадач. Трагедия человека	116
<i>Макарецв М.М.</i> Съпоставително езикознание. Анотирана библиография 1976–2009	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Пожидаева Г.А.</i> «История и культура славян в прошлом и настоящем»	123
---	-----

:

.. . . . (. . .) ,
 , , , ,
 , , , ,
 , , , ,

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
 Телефон 8-495-938-01-20
 E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2013 г.
 © Редколлегия журнала «Славяноведение»
 (составитель), 2013 г.

© 2013 г. О.А. АКИМОВА

«ГОСПОДИН СВОЕГО ЯЗЫКА»:
О ПОПЫТКЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА В ХОРВАТИИ
КОНЦА XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV века

В статье рассматриваются источники разных жанров, относящиеся к истории хорватского феодального семейства Шубичей конца XIII – первой половины XIV в. и содержащие сведения о попытке строительства хорватского независимого государства и его идеологии.

The article considers sources of different provenience related to the history of Croatian feudal family of Šubić in the late thirteenth – first half of the fourteenth century and containing references to the attempt to build an independent Croatian state and its ideology.

Ключевые слова: Хорватия, Далмация, Средние века, государственное строительство, идеология.

Раннесредневековое хорватское государство, существовавшее почти три столетия, в конце XI в. перешло под власть венгерской короны. За его территорией сохранялся статус и название «королевство», а представители венгерской династии Арпадовичей в течение долгого времени короновались, помимо венгерской, еще и хорватской короной, демонстрируя этим непрерывность хорватской династической истории. Политическая история средневековой Хорватии не знала борьбы за возрождение собственной независимой монархии и соответственно – восстановление в прежнем объеме собственной государственности. Вместе с тем о некоторых тенденциях такого рода могут свидетельствовать документы и тексты разных жанров, прежде всего относящиеся к истории семейства Шубичей конца XIII – первой половины XIV в. Выявлению в этих текстах понимания возможных путей государственного строительства, основанного на особой идеологии, и посвящена настоящая статья.

На фоне относительно слабой центральной королевской власти в Хорватии на протяжении XII–XIII в. происходил естественный процесс стабилизации, укрепления и борьбы феодальных родственных коллективов, аналогичных западноевропейским линиям. Одним из них было семейство из исторической области Брибир в срединной части Далматинской Хорватии, за главной ветвью которого к середине XIV в. закрепилось родовое имя Шубичи (впоследствии – Зринские). История этого рода привлекала внимание исследователей, поскольку его представители ярко проявили себя во всех значимых событиях средневековой

Акимова Ольга Анатольевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Хорватии¹. С ними связана и попытка объединения земель Далматинской части Хорватии под их независимой от венгерского короля властью.

В 70–80-е годы XIII в. власть Шубичей распространилась на большинство далматинских и хорватских городов-коммун адриатического побережья, а в борьбе с другими феодальными семействами они сумели занять почти все средневековые хорватские земли до границ со Славонией и остановились только перед владениями крцких князей по побережью Кварнерского залива. Возвышение семейства было связано с именами братьев Павла, Юрая и Младена. В 1273 г. по распоряжению венгерского короля на Павла были возложены обязанности «приморского бана» (*vicem gerit pro bano maritimo*), подчиненного бану «всей Славонии» (полномочия которого распространялись на хорватские и славонские земли), но впоследствии он фактически приобрел независимый статус. Послания венгерского короля Владислава (Ласло) IV свидетельствуют, что действия Шубичей оценивались центральной венгерской властью как сепаратистские и нацеленные на достижение политической самостоятельности. Король сетовал на «хорватов, которые пожелали выйти из-под нашей юрисдикции» [6. Vol. 6. P. 385–386], говорил о необходимости «усмирения необузданного народа хорватского, упорно сопротивляющегося нашему достоинству» [6. Vol. 6. P. 430–431].

В 90-е годы XIII в. Павел со своими братьями приложил много усилий, чтобы привести на венгерский престол Анжуйскую династию. Показательно послание признательного за поддержку неаполитанского короля Карла II Анжуйского и его жены Марии Венгерской от 1292 г., определяющее объем власти и территориальных прав Шубичей. Король «признает и дарует» Павлу и его родственникам земли «Хорватии и Далмации, которые располагаются от границ комитата Кливно до Сеня, Гацки и Модруше со всеми баронами, вассалами, крепостями и весями, а также всеми расположенными в море островами и со всеми правами» [6. Vol. 7. P. 104–105]. В 1300 г. Юрай и Павел сопровождали сына Карла II, будущего венгерского короля Карла Роберта, из Неаполя в Загреб, где тот был встречен сторонниками Анжуйской династии. Однако отношения Шубичей с новым венгерским двором не отличались ожидаемой активностью и, напротив, выстраивались, исходя из их политических амбиций.

Зафиксированные в документах сведения о полномочиях представителей семейства Шубичей и их титулатуре показывают эволюцию представлений о политическом статусе занимаемой ими территории и ее правителе в сторону оформления независимой политической структуры. К 90-м годам XIII в. положение Павла и его братьев на своих территориях видится им настолько прочным, что неаполитанский король Карл II в одной из грамот 1291 г. предоставляет торговые привилегии «господам всей Словонии и Далмации» («*dominorum tocius Sclavonie et Dalmacie*») [6. Vol. 7. P. 57]. В 1293 г. Павел провозглашается «баном хорватов», причем банство даруется венгерским королем «навечно» всему семейству [6. Vol. 7. P. 145, 173], т.е. является не должностью, как у присылаемых из Венгрии банов, а в сущности наследственным титулом, которым Шубичи впоследствии и пользовались. Определяется и политико-административная структура подвластной им территории. Своему брату Юраю Павел выделил в управление область приморских городов с центром в крепости Клис, где находился и двор Юрая, сам же он именовался князем (*comes*) этой области [6. Vol. 7. P. 174]. Когда в 1302 г. власть Шубичей распространилась на Боснию, она была передана в управление Младену, ставшему «боснийским баном». Земли и соответствующие титулы получили впоследствии от Павла и его сыновья – «князя Триполья, Кливно и Дувно» [6. Vol. 8. P. 3]. После завоевания на следующий год Хума Павел поставил

¹ Подробнее об истории рода Шубичей см. [1–2; 3. S. 407–453; 4–5].

управлять им своего сына Младена II. Он и занял после смерти Павла в 1312 г. место главы семейства.

Показательно использование брибирскими князьями, прежде всего в титулатуре, терминов «хорваты» и «Хорватия» – «бан хорватов», «господин Хорватии» и пр., что также отражало стремление к консолидации хорватских территорий и их независимости. Полный титул Младена II выглядел следующим образом: «Мы, Младен Второй, бан хорватов и Боснии, а также верховный господин Хума» («Nos Mladinus secundus Croattorum et Bosne banus terreque Hlm dominus generalis») [6. Vol. 8. P. 497]. В грамотах имеются сведения о сословных собраниях хорватской знати, где, в частности, говорится, что Младен II решал спорные земельные вопросы «советуясь с нобиллями и знатью Хорватии», «согласно обычаям Хорватии» (*secundum consuetudinem Croacie*), причем синонимом к слову «Хорватия» выступало слово «отечество» (*patria*) [6. Vol. 9. P. 21–23]. В средневековых хорватских и далматинских источниках термины *chroati (chrouati)*, *slavi (sclavi)*, соответственно *Chroacia (Chrouatia)* и *Slavonia (Sclavonia)* могли выступать в качестве синонимов. Однако зафиксированный на ряде печатей Павла его титул «banus totius Sclavonie» касался не только Хорватии, но имел явно более широкое географическое и семантическое наполнение, схожее со значением венгерской должности «бана всей Славонии» (см. выше) [7. S. 162–163]. Шубичи создавали слой преданного дворянства, именуя их «наши дворяне и бароны под нашей властью» (*nobis servientes ac sub nostra dominatione barones constituti*) [6. Vol. 8. P. 308], которых награждали за заслуги и верность землями из собственного патримония (*de nostro proprio patrimonio*) [6. Vol. 8. P. 309].

Политическое образование Шубичей оказалось непрочным: неповиновение далматинских городов, недовольство хорватской знати, противоречия внутри самого рода Шубичей, стремление короля Карла Роберта вернуть Хорватию под власть венгерской короны привели к тому, что в 1322 г. оно пришло в упадок, а Младен II был свергнут. Глубоко враждебное и конкурентное отношение к Шубичам в хорватской и далматинской среде нашло отражение в сохранившемся значительном фрагменте хроники середины XIV в. сплитского автора Михи Мадия де Барбазаниса, которая хотя и была посвящена деяниям правителей Священной римской империи и римских пап, но не обходила вниманием и наиболее значительные, с точки зрения автора, события местной истории [8. P. 535–654; 9. S. 159–183]. Хронист принадлежал к старой патрицианской фамилии Сплита, а его сочинение является одним из немногих средневековых литературных текстов, созданных светским автором. Хроника написана с точки зрения безусловного апологета власти Анжуйской династии как защитницы городских свобод. Здесь, в частности, представлены события, связанные с выступлением далматинских городов Шибеника и Трогира против суверенитета Шубичей. Причем восстание городов поддержали тогда не только ранее преданные Младену II рыцари и вассалы, но и его близкие родственники: прежде все они «служили ему из страха» [8. P. 646], подчеркивал Миха Мадий, предлагая тем самым приемлемое для себя объяснение былой их приверженности брибирским князьям. Автор дал уничтожающую характеристику Младену и в целом правлению Шубичей: «О, благодать Божья [...] не желающая терпеть то зло, которое в королевстве хорватов и далматинцев ежедневно вершили управляющие и служащие самого бана. Они забирали церковные доходы, не почитали браков, нападали на торговцев, силой забирали земли и владения приморских городов, присваивая себе то, что принадлежит нам» [8. P. 647]. Поэтому его так радовала победа над Шубичами войска венгерского короля и его сторонников, которая описывается как лишение власти суверенного правителя: «Бог, праведный Судья [...] поднял против них свет для сопротивления их власти [...] и пожелал отнять у них королевство и могущество (*regnum et dominationem*)» [8. P. 647–648].

При всем признании автором верховной власти венгерского короля, даже апологии этой власти, хроника фиксирует характерную для этого времени неустойчивость властных приоритетов как в среде хорватских феодалов, так и в далматинских городах. Так, автор сообщает, что после возвращения в Венгрию королевского войска «все вместе хорватские магнаты заключили договор с венецианцами и далматинскими городами против венгерского короля и направленного к ним бана, намереваясь противостоять королевской мощи и тем, которые были посланы королем». «Это была, – обращается хронист к хорватской знати, – злостная и отвратительная затея в отношении короля, который вас по вашей же просьбе освободил от тиранической власти, свергнув бана Младена с банства в Далмации и Хорватии, который бросил его самого в тюрьму, и дал вам привилегии на ваши земли и свободу» [8. P. 650–651].

Неустойчивость ситуации и политических предпочтений в городах подтверждает и актовый материал. В договоре Венеции с городом Нином о признании верховной власти дожа говорилось, что коммуна Нина меняет суверена, поскольку хочет жить под такой властью, которая могла бы обеспечить ей мирную жизнь [10. S. 373–376]. В одной из грамот, составленной жителями Шибеника в 1322 г., содержалась обращенная к дожу просьба нобилей и коммуны города принять их под свою власть как своих верных подданных, но при условии, что «сохранятся все права в городе, которые имеет или если потребуется, то может иметь господин король Венгрии» [10. S. 330–335].

Несмотря на противодействие короля, хорватских феодалов и расхождений в самом семействе Шубичей, они в течение ряда лет еще оставались хозяевами некоторых прежних владений, сохраняя при этом политические амбиции. В задарском памятнике середины XIV в. «Осада Задара» [11] рассказывается о военном походе 1345 г. сына Карла Роберта венгерского короля Людовика (Лайоша) I, имевшего целью «подчинить своей власти города и крепости провинции Далмация и Хорватии». Неизвестный автор этого текста, сторонник венгерского короля, подчеркивал открытый сепаратизм членов рода Шубичей. «Все хорваты, – писал он, – пришли [к королю], выражая ему должное почтение и предлагая ключи от крепостей и всех своих владений». Королю не подчинились лишь три укрепления, которые принадлежали Шубичам – князю Павлу (город Островица) и князю Младену (крепость Клис и город Скрадин). Автор подчеркивал стремление этих двоих противостоять властной феодальной структуре, ориентированной на венгерского короля: по взаимному сговору «они восстали против святой власти [...], не желая выказывать королевскому величеству какого-либо знака верности» [11. S. 27].

Упомянутый в этом тексте Младен, противившийся венгерскому суверенитету, – это продолжатель династической линии Шубичей Младен III (1329–1348); он умер от чумы в Трогире, который находился тогда под властью Венеции. Сохранилась стихотворная эпитафия на его захоронении в соборе Трогира [12. S. 56–59]. Хотя Младен представлял лишь остатки остатков прежней власти, набор его достоинств показывает, как мыслился в идеологии политической структуры Шубичей образ идеального правителя и его выдающееся место в Хорватии. В первой же строке Младен назван «сверкающим драгоценным камнем». Он – «своего народа единственная надежда» (*suis sola spes*), ушедшая столь рано. Младен – «славный князь Клиса», «господин Омиша и Скрадина». Титул князя Клиса носил и его отец Юрай, который тоже упомянут в эпитафии в качестве «князя доброй памяти» (*bone memorie comitis*). Ниже Младен назван внуком банов, так что династическое родословие наследственной власти играло важную роль. Младен, как и большинство других членов рода, вел постоянные войны, и первыми в ряду его достоинств называются качества, маркирующие рыцарский идеал – сила, храбрость, причем ниже эти качества будут усилены («сильнейший из всех» – *inter omnes fortior*) и т.п.). Более того, он называется «могучим щитом хорватов» (*Croatorum clipeus*

fortis). Здесь важна еще одна сентенция, подчеркивающая общественную значимость фигуры усопшего: «Плачьте, славяне (Slavi), о благородном внуке банов, вашем щедром залого мира и славы» [12. S. 57–59].

Примечательно, что эпитафия не обезличена, в ней есть намек на диалог с ее гипотетическим читателем, благодаря которому авторское осмысление происходящего акцентируется, становится более определенным. На вопрос «Ты хочешь знать, как это случилось», т.е. как умер Младен, автор отвечает: «Я вижу, что его смерть произошла из-за грехов славянского народа (pro peccatis Slavoniae gentium)» [12. S. 59]. Что касается «грехов», которые привели к гибели Младена, то, возможно, имелись в виду жесткие действия против Шубичей хорватских, славонских, боснийских феодалов и далматинских коммун, которые в конечном итоге (вместе с военными действиями против Шубичей венгерских королей) не позволили осуществиться плану Младена. Учитывались, возможно, и принципиальные, сопряженные с предательством, разногласия внутри самого рода Шубичей. Представленное в эпитафии осмысление печальной участи хорватского народа, потерявшем из-за своих преступлений идеального правителя, который был гарантом его будущего процветания, соответствует по своей основной идее ряду текстов XIV в., посвященных смерти короля раннесредневекового Хорватского государства Звонимира. И на этой связи следует остановиться особо.

Звонимир (1075–1089), один из наиболее ярких хорватских правителей, получивший корону от папы Григория VII, умер, не оставив наследников. После недолгого периода правления его преемника Стефана, страну охватили междоусобные раздоры и борьба за власть. И в результате военных походов венгерского короля Владислава (Ласло) I, а затем Коломана Хорватское королевство перешло под управление династии Арпадовичей. Женой Звонимира была Елена, сестра Владислава, так что династическое право венгерского короля на хорватский престол стало основой описания соответствующих событий в официальной венгерской хронистике. Звонимир при этом назывался последним хорватским королем, а обращение Елены за помощью к брату объяснялось ее притеснениями со стороны хорватской знати. Изображение Звонимира последним хорватским королем присутствует и в различных вариантах повествования об установлении венгерской власти в далматинской и хорватской историографии, а сюжет о неких насильственных действиях хорватов против представителей местной знати перерастает в рассказ об убийстве Звонимира его же приближенными².

Для сопоставления с эпитафией Младена интерес представляют два источника. Один из них – так называемая «Большая история Салонны» (*Historia Salonitana maior*)³. Здесь имеется рассказ о Звонимире, который призывает своих вассалов принять по призыву папы участие в некоем мифическом крестовом походе, и недовольные этим воины убивают Звонимира. После чего король Венгрии, мстя убийцам мужа своей сестры, занимает Хорватию [17. С. 110–112]. Далее рассказывается о том, что в память о Звонимире была составлена эпитафия, и приводится ее текст: «Кто был бы в силах унять стенания этого народа при виде великого множества рыдающих истинными слезами? [...] Смерть [короля] нельзя назвать страшной, чем она была на самом деле в результате гнусных преступлений зло-

²Реальность этого убийства и, соответственно, историческая или легендарная основа различных версий жизнеописания Звонимира обсуждалась и продолжает обсуждаться в исторической литературе. Наиболее весомый аргумент в пользу легендарности версий об убийстве Звонимира и возникновения их не раньше конца XIII–XIV в. состоит в том, что в источниках конца XI – середины XIII в. смерть Звонимира описана как естественная. Историографические обзоры и анализ средневековых легенд о Звонимире см. в: [13. С. 229–270; 14. S. 169–286; 15. S. 73–92; 16. С. 42–56].

³Этот текст, сохранившийся в рукописях XVI–XVIII в., по мнению многих исследователей, был создан приблизительно в XIV в. на основе начальных глав хроники XIII в. сплитского архидиакона Фомы с добавлением текстов других источников [17].

счастливого народа (*populi nephandi*). Они позволили увлечь свой рассудок низменными порывами и жестоко убили короля, чье мужество было неколебимым, а рука сильной, блаженного Звонимира, бесконечно смиренного, который был для них щитом от врага (*qui clipeus fuerat pro eis in hostes*⁴) [...] Плачьте же, знатнейшие, старцы и юноши земли хорватов, по государю чести. Прежде было торжество королевства, ныне же честь его и слава разом повержены» [17. С. 111–112].

Идея упадка государства после предательства и убийства достойнейшего правителя от рук его подданных и вины вследствие этого самих подданных за грядущие несчастья страны еще более определена в рассказе о Звонимире из созданной предположительно также в XIV в. хорватской редакции южнославянского памятника XII в. «Летописи попа Дуклянина» [20. С. 66–68; 21. С. 412–416]. Сюжет о хорватском короле приобрел здесь выраженный житийный характер и одновременно в нем усилился патриотический подтекст – осмысление судьбы народа и причин потери независимости. Звонимир здесь совершенный правитель, который после восшествия на престол «стал церкви почитать и любить, и стал добрым помогать, а злых изгонять». При нем Хорватия переживала «золотой век», когда «вся страна была весела, потому что полна была всяким добром, а города – серебром и золотом» [20. С. 70]. В связи с призывом Папы к крестовому походу определяется важное место Звонимира в христианском мире и среди христианских правителей: Папа обращается к нему как к «дорогому брату и почитаемому королю среди христианских королей» и просит «брата нашего Звонимира со знатными людьми и народом его королевства быть с нами вместе и помочь другим христианским правителям». Но не пожелавшие покинуть родину хорваты набросились за Звонимиром и «пролили кровь своего доброго короля и господина, который, лежа в крови, с глубокими ранами, проклял тогда неверных хорватов [...], чтобы хорваты больше никогда не имели господина своего языка (*gospodina od svoga jazika*), но всегда были подчинены языку чужому (*tuju jaziku*)» [20. С. 70–75]. Тогда, продолжает автор, пришел венгерский король и занял их земли и стал он их «господином, так как своего они убили [...] и подчинялись его неволе по своей воле, и из свободных сделались рабами. И расплатились проклятые и неверные хорваты за свой грех, так как погубили своего доброго короля Звонимира как евреи Иисуса Христа» [20. С. 76].

Присутствующая в приведенных текстах о Звонимире оценка венгерской власти как рабства и проклятья хорватского народа за грехи предательства и убийства своего правителя, а также стилистика рассказов в целом соответствовала идеологии Шубичей⁵. Показательно, что противопоставление в тексте собственного правителя и венгерского короля как господина своего и чужого языка соотносилось с терминологией латинских документов, выходящих из хорватской среды этого времени⁶.

Таким образом, развитие представлений о Звонимире как идеальном правителе совершенного хорватского государства и размышления о трагической судьбе этого государства, лишившемся правителя «своего языка», находятся в контексте

⁴ Ср. определение из эпитафии Младена III – «*Croatorum clipeus fortis*». О стилистическом сходстве двух эпитафий см. [18. С. 235–240]. Об эпитафии Звонимира как примере латинского стихосложения XIII–XIV вв. см. [19. С. 557–558].

⁵ Имеется и еще одно обстоятельство, позволяющее привязать рассказ о Звонимире из хорватской редакции «Летописи попа Дуклянина» к землям Шубичей с их традиционно сильными глаголическими корнями и развитой глаголической книжностью. В нем обнаруживается прямое влияние чешской житийной легенды о святом Вацлаве, наиболее ранняя (X в.) версия которой имела хождение в хорватских землях и сохранилась в составе шести хорватскоглаголических бревиариев XIV–XV вв. [22. С. 29–43].

⁶ Так, в документе 1326 г., сообщавшем о выступлении против венгерского короля ряда хорватских феодалов и далматинских городов, венгры выступали под термином «*lingua extranea*» [6. Vol. 9. P. 305–306].

определенных тенденций государственно-политического строительства в Хорватии XIV в. Нет данных о том, что Шубичи стремились к установлению династической преемственности от правителей прошлого, однако хорватский исследователь Д. Карбич обнаружил факты, свидетельствующие о включении Звонимира в их политическую идеологию [23. С. 33–51]. Так, имеются сведения о ныне утраченных надписях в церкви св. Марии в Брибуре с именем Звонимира, сама церковь представлялась местом захоронения Звонимира, а место его гибели определялось в окрестностях Брибура. Церковь св. Марии, видимо, мыслилась как особое сакральное место для рода Шубичей. Во всяком случае, там был захоронен бан Павел. Сохранился также сокращенный список XVIII в. письма бана Павла и его брата Юрая Папе Бонифацию VIII, в котором говорилось о том, что Хорватия являлась владением святого престола со времен Звонимира [24. Р. 97–99].

Создание идеологии централизованного самостоятельного государства, продолжающего традиции королевства Хорватии и управляемого национальным, наделенным многими достоинствами, монархом, укладывалось в рамки деятельности семейства Шубичей по строительству такого государства, которое они, однако, не смогли достроить и удержать. Общеευропейская схема централизации предусматривала опору монархии на свои наследственные земли, вовлечение в процесс централизации городов при выделении одного из них в качестве центра страны. Шубичи явно шли по этому пути, пытаясь подчинить сильные центры адриатического побережья, развивавшие собственные структуры коммунального управления. Но ситуация здесь была во многом похожа на соседнюю Италию, где города-коммуны, будучи носителями собственной государственности, не желали объединяться в единый политический организм. Далматинские города, отстаивая свободу и подвластные им земли от местных феодалов, предпочитали опираться на внешние силы – Венгрию и Венецию. Реальной опорой Шубичей оставалась небольшая территория патримониальных владений, а сами они не были достаточно сильны, чтобы сдерживать хорватские феодальные семейства и противостоять усиливающемуся венгерскому давлению. Сохранение единства страны в качестве составной части иного государства и с опорой на иноземную династию оказалось тогда исторически более востребованным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Klaić V.* Bribirski knezovi od plemena Šubić do god.1347. Zagreb, 1897
2. *Antoljak St.* Ban Pavao Bribirski «Croatorum dominus» // Radovi Instituta JAZU u Zadru. 1972. Br. 19.
3. *Klaić N.* Povijest Hrvata u razvijenom Srednjem vijeku. Zagreb, 1976.
4. *Karbić D.* Šubići Bribirski do gubitka nasljedne banske časti (1322) // Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU. 2004. Br. 22.
5. *Karbić D.* Zlatni vijek Bribira // Hrvatska revija. 2007. God. 7. Br. 2.
6. Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. / Ed. T. Smičiklas. Zagreb, 1907–1909. V. 6–8.
7. *Belošević J.* Pečatnik hrvatskog bana Pavla I Bribirskog iz Zadra // Diadora. 1965. Sv. 3.
8. *Michae Madii de Barbazanis de Spaletu.* Historia de gestis Romanorum, Imperatorum et summorum Pontificum // *Schwandtner J.* Scriptores rerum Hungaricarum, Croaticarum et Sclavonicarum veteres ac genuini. Vindobonae, 1768. Vol. 3.
9. *Miha Madijev de Barbazanis.* Historija / Prev. V. Rismondo // Legende i kronike / Ured. V. Gligo, H. Morović. Split, 1977.
10. Listine o otkošajih između južnoga slavenstva i Mletačke republike / Ured. S.Ljubić. Zagreb, 1868. Knj. 1. (=Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Vol. 1).
11. Obsidio Iadrensis / Opsada Zadra. Zagreb, 2007. (=Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Vol. 54. Scriptores, Vol. 6.
12. Inscriptio sepulcri comitis Mladini // Hrvatski latinisti. Croatici auctores qui latine scripserunt. Zagreb, 1969. Vol. 1. Iz latinитета 9–14. stoljeća.
13. *Klauß H.* О легендарној смрти краља Звонимира // Историјски записи. Титоград, 1963. Год. 16. Св. 20. Д. 2.
14. *Gunjaća S.* Ispravci i dopune starijoj hrvatskoj istoriji. Zagreb, 1975. T. 3.

15. *Nemet D.* Smrt hrvatskog kralja Zvonimira – problem, izvori i tumačenja // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Zagreb, 2006. Vol. 38.
16. *Акимова О.А.* Образ хорватского короля Звонимира в позднесредневековых источниках // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б.Н. Флори. М., 2008.
17. *Клаућ Н.* Historia Salonitana maior. Београд, 1967.
18. *Братулић Ј.* Legenda o kralju Zvonimiru // Zvonimir kralj hrvatski. Zagreb, 1997.
19. *Катић Р.* Litterarum studia. Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja. Zagreb, 1998.
20. Ljetopis popa Dukljanina / Prir. V. Mošin. Zagreb, 1950.
21. Летопис попа Дукљанина / Уред. Ф. Шишић. Београд; Загреб, 1928.
22. Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile / Usp. J. Vajs. Praha, 1929.
23. *Karbić D.* Mythological and real heritage use of genealogy and history in political schemes of the counts of Zrin/Zrinyi/Zrinski and their medieval ancestors // Militia et litterae. Die beiden Nikolaus Zrinyi und Europa/ Hrsg. von W. Kühlmann und G. Tüskés. Tübingen, 2009.
24. *Kerchelich Adam B.* Historiarum cathedralis ecclesiae Zagrabiensis. Zagreb, s.d. T. 1. P. 1.

© 2013 г. В.И. КОСИК

ВАРДАРСКАЯ МАКЕДОНИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Статья посвящена хозяйственной, партийной, политической, национальной, полиэтнической истории Вардарской Македонии в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство Югославия). В ней рассматриваются сюжеты, связанные с колонизацией края, деятельностью качаков, македонских революционеров, политической Белграда и Софии.

The article deals with the economic, party, political, national and multi-ethnic history of the Vardar's Macedonia in the framework of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians (the Kingdom of Yugoslavia). It considers issues related to the colonisation of the region, activities of the Kachaks, Macedonian revolutionaries, policy of Belgrade and Sofia.

Ключевые слова: македонская проблема, комиты, четники, ВМРО, качаки, колонизация, коррупционность, просвещение, балканский менталитет.

Первая мировая война и крушение традиционных империй ускорили решение национального вопроса для некоторых славянских народов, но только не македонского. Можно сказать, что произошедший после окончания войны раздел македонской территории только усугубил проблему. Если раньше православные македонцы находились «под колпаком» мусульманской Турции, то в новой ситуации они оказались поделенными соседними христианскими государствами, что только обострило проблему достижения национальной независимости.

Для сербских властей новоприобретенные владения, когда-то входившие в Великую Сербию воителей и святых из рода Неманичей, давно носили название Южной Сербии, юга Королевства. Для болгарских властей население македонских земель, отошедших к их давним соперникам, составляли болгары, искусственно разделенные великими державами. Сама история, по утверждению болгарской стороны – от политики «слова» до практики «дела», подтверждала их права на Вардарскую Македонию, откуда бежали от новых «правителей» на болгарскую сторону тысячи беженцев-болгар. Проблема беженцев, отягощавших, кстати, бюджет болгарской короны, только добавляла «холода».

Ситуация в Вардарской Македонии может быть обрисована через ряд сюжетов, представленных в статье.

Итак, по Видовданской конституции (ст. 95) страна была разделена на 33 области, из которых три были условно македонскими – Битольская, Брегалничкая, Скопльская. Меньшей административной единицей являлась околия. В Вардарской Македонии насчитывалось 31 околия, из которых 14 входили в Битольскую область [1. С. 25].

Косик Виктор Иванович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Сведения о количестве жителей Южной Сербии или «Юга», как они ее называли, по переписи 1921 г. были таковы: общее число 1 476 747 человек, из них 59.5% – «сербов или хорватов», 28.2% – арнауты, 10% – турки, и «остальные». Все они жили на территории, площадь которой, согласно статистике 1921 г., составляла 45 717 кв. км. [2. С. 45].

В 1929 г. Южная Сербия была разделена по новому административному делению на девять бановин. Вардарская бановина с центром в Скопье охватывала территорию Вардарской части Македонии, часть Южной Сербии и земли Метохии. Белградская власть намеренно связала македонские и сербские края в единую административную единицу [1. С. 27]. По переписи населения 31 марта 1931 г. Вардарская бановина была поделена на 44 околии и 453 общины. Число населенных мест – 2169. Вардарская часть Македонии, входившая в состав бановины, состояла из 29 околий, часть Сербии в бановине охватывала восемь околий, часть Метохии – семь околий [1. С. 28].

Перед Белградом встала нелегкая задача «завоевания» «своего Юга» во времени, богатом на идеи сепаратизма, революции, когда терроризм становился средством достижения справедливости, когда национализм, патриотизм, коммунизм, сепаратизм и другие «измы» чрезвычайно затрудняли столь желанную органичность вхождения новых земель в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Постараюсь здесь сжато обрисовать социально-экономическую, политическую, революционную картины того времени.

Первое. Природные рудные богатства: хромиты, олово, цинк, золото, серебро, мрамор оставались почти нетронутыми. Соответственно и не было пролетариата в его европейском смысле, этой движущей силы революции. Практически, на рудниках трудились бывшие крестьяне, не равные с землей, помогавшей им выжить в тяжелые времена.

В 1937 г. вардарский бан М. Новакович писал в Белград: «Промышленность в бановине в своем большинстве не развита. Сравнительно большие текстильные фабрики находятся в Лесковце и его окрестностях. В Южной Сербии расположена одна фабрика алкалоида, фабрика цемента, много фабрик по производству растительного масла, мыла, большое количество модернизированных мельниц и несколько складов табака. Остальные небольшие фабрики, по сути, представляют собой расширенное ремесленное производство» [3. Ф. 37. Д. 51]¹.

В 1938 г. в Македонии было 103 предприятия, на которых работали 3028 человек или 1.1% от общего числа работников в Югославии [4. С. 32].

Второе. Традиционность крестьянского труда. На полях выращивали пшеницу, кукурузу, табак, опийный мак, рис и другие пользующиеся спросом продукты земли. Сельское население традиционно продолжали грабить откупщики, приобретаемая задешево и продавая на порядки выше продукты сельского хозяйства.

Так, покупая в у крестьян табак по 50 динаров за килограмм, они продавали его по 150–200 динаров. Судя по критическому выступлению депутата в скупщине от Лесковачского района Т. Тоница крестьяне были вынуждены отдавать центнер пшеницы за 50 динаров, кукурузы – по 40–45 динаров, пара волов стоила 800 динаров, корова 300 динаров, в то время как один день депутата оценивался в 500 динаров, а занавес для туалета в скупщине стоил свыше 2000 динаров [3. С. 158].

Тяжелое положение было и с опием. Только в Скопле находился единственный пункт по откупу опия, где он приобретался по 100–150 динаров за килограмм вместо «нормальной цены» от 400 до 450 динаров [5. С. 158]. Во время мирового кризиса экономическое положение в здешних краях ухудшилось, например, производство хлопка упало почти на 40% [5. С. 162].

¹ Здесь и далее отсутствие указания на лист обусловлено тем, что нумерации страниц нет в деле.

Перед началом Второй мировой войны положение несколько выправилось. М. Новакович в письме председателю Совета министров и министру иностранных дел М. Стоядиновичу от 7 октября 1937 г. отметил следующее: «Экономическое положение в бановине благоприятное. Сельскохозяйственное производство здесь весьма различно: одни края занимаются зерновыми культурами, другие овощными, третьи животноводством, четвертые рыболовством, а юго-восточные края занимаются выращиванием экзотических растений, как, например, хлопка, риса, арахиса, фиников, афюна. Табак выращивается в восточном крае от Вранье до Преспе. Культура хлопка развивается очень хорошо. В этом году срез Струмичский обработал 1600 гектаров. Джевджеля, Валандово, Неготин, Кавадар и Овче поле – все вместе около 2000 га. Самый лучший урожай в Струмице до 1200 кг на гектар, самый низкий на Овчем поле – до 700 кг по гектару, где он начал выращиваться только в этом году. Министерство сельского хозяйства купило машины по отделению семян от хлопка. Семена употребляются для отжима масла» [3. Ф. 37. Д. 51].

Но не все было так гладко.

Большим местом в Вардарской бановине оставались дороги, вернее, их отсутствие. Так, по свидетельству депутата Д. Поповича (выступление в скупщине 10 марта 1934 г.) крестьяне должны пройти 30 км до рынка, чтобы продать воз дров, за который выручат 20–30 динаров. Причем на рубку леса им нужен целый день, к этому следует добавить и необходимость приобретения на вывоз особого документа, за который они должны заплатить самое меньшее 500 динаров, «а если бедняк не может платить и если идет без бумаги, сторожа леса конфискуют дрова или взимают штраф от 80 динаров» [5. С. 163].

К этому следует присовокупить немного слов о настроениях самого крестьянства в новой стране. 22 июня 1921 г. в Белград ушло донесение от одного из высших армейских чинов, дивизия которого была размещена на македонских землях. В нем он, в частности, писал: «Здесьнее македонское население далеко отстало от любой культуры и прогресса. Оно долгое время было в рабстве и приучилось слушаться, при этом принимая все те характерные особенности, которые влечет за собой рабство.

Масса не способна думать [...] и еще меньше способна понимать данные ей великие политические свободы и ее цели.

Это факты, которые болгары использовали в своей длительной агитации в массе здешнего населения, имели, к сожалению, большой успех. Они в массах создали болгарское чувство, привлекли его для своих идей, для своего интереса [...]

Не является ничем новым, что ядро болгарской интеллигенции, как и большая часть болгарских министров из нашей Македонии [...] неустанно работают, чтобы добиться для Македонии свободы, которую бы она имела только вместе с Болгарией [...]

В своей [...] акции они не выбирают средств и таким образом ставили болгарскую национальную идею [...] на службу коммунизму [...]

Наибольший ущерб несут нам плохие воспитатели массы народа – учителя и священники [...]

Все эти обстоятельства внимательно отслеживали болгары, и когда видели, что наша администрация подготовила им почву, что население будет недовольно нашей громоздкой администрацией, то развили агитацию [...], которая сейчас тормозит наш государственный механизм» [3. Ф. 14. Д. 179].

Комментарий к этому любопытному письму я дам в своем дальнейшем освещении истории македонских земель.

Третье. Колонизационная политика Белграда по «разбавлению» сербами местного населения и связанная с ней аграрная реформа, объявленная в 1919 г., растянулась до 1930-х годов. В заявленном властями процессе передела земель

(крупных турецких владений), связанного с отменой прежних порядков османской Турции, продекларированная новыми властями «справедливость» оказалась на стороне сербов. Надо отметить, что новые поселенцы также обкрадывались нередко «своими чиновниками» [2. С. 212, 213].

С конца 1925 г. в Македонии было роздано свыше 70 тыс. га, в основном, колонистам [4. С. 26]. Согласно приводимым В. Йовановичем данным из книги В. Бурзевского, 52,4% земли получили колонисты, 39,5% македонские крестьяне, остаток в 8% был разделен между школами, армией и жандармерией [2. С. 216].

А сколько поселенцев было вообще? Судя по работе А. Апостолова к июню 1940 г. в Македонии было 280 колоний с 4167 семьями (цит. по [4. С. 25]).

Много это или мало? По переписи 31 марта 1931 г. в 29 околиях Вардарской Македонии насчитывалось 1 574 243 человека. Но не надо забывать, что туда входили восемь околий из Сербии, а именно: Босилградска (Босилград), Ябланичка (Лебане), Лесковачка (Лесковац), Масуричка (Сурдулица), Пчиньска (Вранье), Польяничка (Владички хан) Прешевска (Прешево), Власотиньска (Власотинци), в которых проживали 348 040 жителей или 22,11% от общего числа, и часть Метохии из семи околий: Гньиланска (Гньилане), Горска (Драгаш), Грачаничка (Приштина), Качаничка (Качаник), Неродимска (Урошевац), Подгорска (Сува Река), Шар-Планинска (Призрен), где жили 276 245 человек или 15,55% [1. С. 28].

Сербский историк Б. Петранович приводит другие данные, а именно: в Королевстве СХС проживали 630 000 македонцев. Примерно такую же цифру (около 600 000) приводят британские аналитики [2. С. 46].

Уже из приведенных цифр видно, что число колонистов не было таким уж значительным.

Тем не менее, поселенцы, даже там, где их было меньше, играли в общественно-политической жизни «ведущую или почти ведущую роль» будучи в абсолютном большинстве членами Югославской радикальной партии [3. Ф. 37. Д. 51].

Историк Дж. Крстич писал: «Результат нашей колонизационной политики ни по количеству поселений и переселенческих семейств, ни по положению переселенцев, ни по способу их расселения в колониях и по потраченному времени и средствам не имеет успеха, которым наш государственный аппарат мог бы гордиться» (цит. по [4. С. 65]).

К этому надо добавить, что постоянные перемещения чиновничества с места на место препятствовали налаживанию нормальной государственной работы на местах. Власти, признавая этот крупный недостаток, подчеркивали необходимость найти способ, чтобы чиновники не чувствовали себя «временщиками» [3. Ф. 14. Д. 179].

Однако это было весьма трудным делом. Прибыть в какое-либо место, обогатиться через взяточничество и ... уехать – вот, пожалуй, что было традицией для местного чиновничества. В качестве примера: командир Битольской дивизии получил информацию о том, что на пути из Дебра в Стругу замечен «караван коней, нагруженных вещами одного полицейского чиновника, который пару месяцев назад прибыл в Дебар с одним чемоданом» [2. С. 78]. Как подчеркивает сербский историк В. Йованович, «чиновничество в южном крае характеризовали такие черты, как “сила турецкой традиции”, “балканский менталитет” и коррумпированность всех типов, что не мешало стремительному увеличению их численности». В 1931 г. в Вардарской бановине насчитывалось 22 319 «чиновников и служащих» [2. С. 79].

Местное население также не было расположено к «людям нездешним». В корреспонденции человека, близкого к Министерству внутренних дел и объехавшего за 13 дней августа 1938 г. Скопле, Велес, Прилеп, Битоль, Охрид, Ресан, Кавадар, Куманово подчеркивалось, что он всюду слышал негодование на так называемых

ульезов, т.е. приезжих, которые в Южной Сербии обжились и считали себя призванными работать во имя народа из Южной Сербии [3. Ф. 37. Д. 51].

Ко всему этому стоит добавить, что, судя по выступлению 18 марта 1933 г. депутата Овчепольского района в Скупщине М. Стоядиновича, содержание аппарата, проводившего аграрную реформу «юга Сербии» обошлось дороже, нежели сама реформа [5. С. 161].

И, конечно, неуспех, а, может быть, провал колонизации был обусловлен и нападениями комитов – членов различных революционных отрядов, для которых террор был одним из средств борьбы с «сербскими захватчиками». Так, нападение на одно из сел в окрестностях Щипа (Штипа), совершенное 16 января 1923 г., вызвало отъезд многих колонистских семейств не только оттуда, но и из других мест Македонии [4. С. 32].

Четвертое. Комиты. Вначале немного статистики. За период 1919–1934 официально учтено 467 нападений комитов, во время которых погибли 185 человек, ранены 253 служащих и 288 гражданских лиц [2. С. 194].

На страницах донесений в Белград от представителей сербских властей разного ранга в первые годы постоянно присутствовала тема комитов. Соответственно, центру надо было обеспечить безопасность границ, не допускать перехода ее врагами Королевства, членами Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) и ограничить вплоть до полной ликвидации ее антигосударственную деятельность на территории новых владений, точнее, на македонских землях. И враги эти были весьма серьезными.

Лидер ВМРО Иван Михайлов перед Рождеством 1932 г. в интервью хорватскому политику Марко Дошену заявил, что «македонцы еще давно сказали, что с сербом можно разговаривать только с винтовкой и гранатой. Я уверен, что мирным путем такая программа не осуществляется» [6. С. 119].

Для него Белград, создавший из Македонии «южную Сербию», сотворил там «южный ад». «Или достойная свободная жизнь для человека и народа или – честная смерть. Среднего пути в борьбе за свободу нет!» – заключал Иван Михайлов в дружественном Загребе, где по его выражению Белградом был устроен «северозападный ад», от которого и хорватам нужно избавляться «любой ценой» [6. С. 120].

Борьба требовала оружия, денег, и, главное, людей. С оружием дело обстояло неплохо, учитывая, что на Балканах после прошедших войн его было вдоволь. Только два примера.

В газете «Старое время» сообщалось: «По официальным сведениям из Охрида местная полиция в одном из сел обнаружила склад оружия – 120 пулеметов и патроны к ним. Пулеметы оказались болгарского типа и по показаниям крестьян находились под землей еще с начала войны. Между тем власти утверждают, что это один из складов Тодора Александрова, которых много в Южной Сербии. Вблизи склада был найден один болгарский комит, который при аресте пытался застрелиться. Предполагают, что пойманный комит имел задачу снабжать недовольное население оружием и подчинить его болгарским комитским отрядам» [7. 26 II 1924]. 14 июля 1926 г. Леринский воевода ВМРО Асен Горов выдал свидетельство своему четнику Христо Д. Хлебарову о том, что он направляется на лечение в Болгарию, в связи с чем у него было принято А. Горовым следующее снаряжение: карабин № 1374 и нож, патронташ с 200 патронами, четыре больших гранаты, ½ кг пироксилина, парабеллум № 2084, патронов для парабеллума 150, обоймы для парабеллума шесть, один плащ, один ранец и пр. [13. Ф. 14. Д. 28. Л. 10–11].

Итак, с оружием проблем не было.

Теперь о деньгах: левы, динары и другая валюта. Одним из главных источников финансирования служили средства, полученные от местного населения, жившего в болгарском приграничье: Петричский и Кюстендилский края. Не «забывались»

и селяне, жившие по другую сторону границы. Причем, комиты здесь, случалось, действовали с крайней жестокостью. Так, в одном из документов, датированных весной 1921 г., сообщалось следующее: «Чета Глигорова 17 марта перешла границу около села Перпорие. Здесь от надежных людей получила продовольствие и проводника. В село несколько дней тому назад возвратились некие отходники, работавшие в Америке. Чета у них требовала денег для болгарского дела, на что они им ответили, что здесь Югославия и они больше ничего не хотят знать о четах [...] Эти тогда заперли их в дома и дома подожгли, но крестьяне их спасли, чтобы не сгорели внутри» [3. Ф. 14. Д. 29. Л. 101].

Не отставали и качаки, так называемые повстанцы-албанцы, у которых были свои счеты с сербами, нередко зарабатывавшие себе на жизнь разбоем. В качестве примера приведу одно из донесений в Министерство внутренних дел от 17 сентября 1921 г. В нем говорилось, что в «округе Скоплянском одна чета арнаутских качаков из 60 человек дождалась и захватила в плен на дороге Скопле – Тетово 60 путников, назначила сумму за выкуп и отвела их в горы» [3. Ф. 14. Д. 179].

Ставшие обыденными такие факты были обусловлены, как признавали сами власти, во многом коррумпированностью полицейской власти. Надо было заменять местную пограничную стражу на «людей из внутренней Сербии», увеличить количество жандармов и усилить над ними контроль [3. Ф. 14. Д. 179]. Все это, полагаю, делалось, но не так быстро.

И, теперь, вновь о комитетах. Безусловно, они знали, за что ведут борьбу. Один из комитов писал в 1926 г. неким своим «дорогим Крсто и Боре»: «Всем вам шлем сердечное поздравление из этого милого края лазурного неба, дивно-прекрасных лесов, в которых поют гайдуцкие песни, и цветущих полей, заброшенных, вытоптаных отвратительными пресмыкающимися – от разных насильников греков и сербов. Пишу с дивного красивого места. Мой взор охватывает все родные горы.

Неописуемое одушевление, мятежная душа горит от желания, чтобы вновь броситься на проклятого врага и окончательно его уничтожить. Он [...] грабит, колет наш невинный народ. Но уже мало ему остается. Чаша терпения переливается. Закипят волны народного негодования и тогда куда пойдут палачи народа? Родные сыновья измученной и исстрадавшейся страны блуждают по непроходимым горным лесам, оберегая народ от [...] тиранов, готовые положить жизнь на святой алтарь свободы» [3. Ф. 14. Д. 28. Л. 12].

Только «популярный» терроризм, по убеждению многих его сторонников, мог «сломать» империю, жесткая политика которой по сербизации македонского населения снижала опасность ее революционизации. Белграду в немалой степени помогали зачастую кровавые, внутренние раздоры в среде ВМРО. Свой «вклад» вносила и борьба македонцев-автономистов со своими соплеменниками-федералистами, поступившими на сербскую службу.

Эта борьба началась еще в 1921 г. Тогда же группа «сознательных» македонских революционеров конституировалась в организацию под названием «Македонская Федеративная организация», отделилась от ВМРО и начала борьбу по ее уничтожению. Руководителем этой новой группы стал Славе Иванов. Как писал один из членов этой группы, укрывшийся под инициалами С.И. (скорее всего это был сам Славе Иванов), Тодор Александров «сделал из ВМРО орудие в руках [...] болгарских политических партий, которые манипулировали ею, исходя из своих партийных интересов и интересов болгарской государственной политики [...] ВМРО служила и болгарскому Двору и военной лиге, с которой поддерживала тесную связь и получала инструкции». Александров не остался в долгу и поспешил в своем воззвании назвать «федералистов» «предателями и сербскими шпионами». Последовали вскоре и убийства с обеих сторон. В итоге, небольшая группа С. Иванова была вынуждена укрыться на территории Королевства СХС, власти которой (Н. Пашич прежде всего) снабжали ее деньгами для борьбы с

ВМРО. В 1925 г. «беглецы» создали организацию под названием «Объединение против болгарских бандитов». Бывшие члены ВМРО тогда «говорили, что мы эту организацию создавали и мы ее уничтожим как пакостную и ненужную для македонских интересов» [17. Ф. 37. Д. 51].

Снова началась кровавая борьба с жертвами с обеих сторон.

О ситуации, сложившейся в Вардарской Македонии с болгарами, последние информировали Лигу Наций. В январе 1930 г. их представители Гр. Атанасов, Д. Шалев, Д. Илиев – адвокаты из Кавадарцы, Скопле и Велеса подали ее главному секретарю Эрику Друммонду в Женеве петицию, в которой просили признать «болгарское меньшинство в Югославии, которое составляет компактную массу, живущую в Македонии». Однако королевское правительство в ответ на запрос секретариата Лиги Наций ответило, что «славянское население в Южной Сербии не является меньшинством ни по языку, ни по расе, ни по религии и неотличимо от других сербов в королевстве», поэтому оно не может иметь какие-либо права считать себя меньшинством [4. С. 70–71].

В Вардарской Македонии действовали и коммунисты, однако их деятельность не была успешной среди населения.

Пятое. В ход шло не только оружие, но и сама история, просвещение. На этом поле наступательной стороной была Сербия.

Еще в 1906 г. сербский проф. Йован Цвиич представил идейную и научную основу для «сербизации» Македонии. По его мнению, Македония в этнографическом и лингвистическом отношении была ближе к сербам, нежели к болгарам. Он считал македонское население аморфной массой, из которой легко можно сделать как болгар, так и сербов (цит. по [4. С. 52]).

Практик Н. Пашич считал, что Македония может быть «сербизирована» за десять лет. Главный удар был направлен против болгар, так как, по мнению сербских властей, их ассимиляция как национальной группы, которая в языковом, религиозном и этнографическом отношении стоит ближе всего к сербам, легче осуществима. Для этой цели власть закрывала все училища, церкви, читальни, библиотеки македонских болгар, запрещала болгарскую речь, периодическую печать, не допускала проникновение болгарской книги в Македонию. В каждом учреждении на видном месте были надписи «Говори только на официальном языке». В училище перед чтением молитвы ученики должны были громко три раза сказать: «Я настоящий серб, отец мой и мать моя настоящие сербы». Сербская власть в Вардарской Македонии (без Струмишского округа) уволила пять болгарских владык, 647 священников, закрыла 677 церквей, 48 монастырей, 556 начальных (основных) училищ с 847 учителями и 33 056 учениками [4. С. 49].

Сюда можно добавить, что в церквах появились списки с сербскими именами, которые можно давать новорожденным. Насильственно менялись окончания фамилий с «ов» на «ич» [4. С. 52]. Для детей из Македонии щедро открывались пансионы в Белграде и других крупных городах.

Массовое просвещение по-сербски осуществлялось в самой Вардарской Македонии, в ее городах и селах. Каким оно было? Вначале информация из 1921 г. Судя по письму окружных властей Скопье, «на школы обращается большое внимание, в районе скопльском строится семь новых школ. В районе Велешком есть тридцать восемь школ. В самом Скопле община предприняла ремонт всех основных школ. Школы в городах хорошо посещаются, в селах слабее.

Средние школы в Скопле и Велесе, гимназии, торговая школа, учительская школа отлично посещаются [...] Для женских ремесленных школ (две в Скопле и одна в Велесе) окружная скупщина вотиrowала большую помощь» [3. Ф. 14. Д. 179].

Теперь позволю представить городскую «картинку»: Охрид – 1568 домов, 10 416 жителей, суд, гимназия, основная школа, трудовая, вечерняя ремесленная

школа и старые церкви, четыре адвоката. Приедор – 1040 домов, 6000 жителей, гимназия и две начальные школы, железный рудник Любия – 13 км от города, ярмарка с 2 августа. Прилеп – 4448 домов, 20 623 жителей. В городе действовали: суд, финансовое управление, жандармское управление, архиерей, муфтий, гимназии, учительская школа, семь начальных и вечерняя торгово-промышленная школа, три адвоката [8. С. 696, 701].

В Вардарской бановине действовали женские ремесленные школы, торговые школы, специализированные, торговые академии [9. С. 103].

В начале 1930-х годов на одну тысячу жителей приходилось одно среднее училище. В начальных школах изучали, прежде всего, сербский язык и литературу [4. С. 51].

М. Новакович 16 декабря 1937 г. писал в Белград, что «каждое село хочет иметь свою школу. Многие новые школы строят. По возможности выделяем деньги из бюджета бановины» [3. Ф. 37. Д. 51]. В 1937 г. государство одобрило кредит на сумму 4 800 000 динаров на строительство гимназий в Скопье и Приштине, больниц в Штипе и Призрене [3. Ф. 37. Д. 51].

23 января 1938 г. была торжественно открыта четвертая начальная школа «Доситей Обрадович». Вместе с двором она занимала площадь в 13 тысяч кв. м. и могла принять свыше 700 детей. Стоившая около 2 млн динаров, не считая земли, школа отвечала всем условиям дидактического, гигиенического и эстетического характера [3. Ф. 38. Д. 10].

Безусловно, образовательным центром было Скопье, с 1929 г. – столица Вардарской бановины. В 1920 г. там был открыт философский факультет как филиал Белградского университета. На него возлагалась «культурно-национальная миссия» стать проводником сербкой культуры и просвещения [4. С. 50]. На факультете читали лекции замечательные русские ученые, такие как Петр Михайлович Бицилли, историк культуры, Владимир Алексеевич Мошин, преподававший историю Византии и Римского царства, Евгений Васильевич Аничков, историк литературы.

Почти одновременно (с 1923 г.) в главном городе Вардарской бановины начал работать Народный университет, основанный по образцу Коларчева университета в Белграде. Основная цель была направлена к решению двух задач: 1) знакомить широкую общественность с новейшими научными достижениями из разных научных областей; 2) через лекции наиболее авторитетных представителей сербской и югославянской науки повышать общую культуру и образовательный уровень в широких слоях городского населения, а также поощрять молодое поколение отечественной интеллигенции к изучению основных проблем прошлого и настоящего краев. В Народном университете, согласно статистическим данным, за первые пять лет было прочитано 99 лекций по различным специальностям [10. С. 123].

Среди преподавателей были и русские, например, Петр Митропан, знакомивший слушателей с современной русской литературой в эмиграции и в СССР, и Алексей Елачич – с царствованием Екатерины II, рассказывавший о славянских апостолах Кирилле и Мефодии. Предполагаю, что для слушателей была интересна его лекция «Россия на переломе в начале царствования Петра Великого». В ходе лекции было спето русскими несколько арий из оперы Мусоргского «Хованщина» в исполнении актрисы Народного театра Анны Дориан. В мини-концерте принимали участие профессор Учительской школы Димитрий Шатуленко, преподаватель музыки Сергей Красовский, профессор гимназии Виктор Петров [10. С. 124, 126–128].

Шестое. Политика противоборствующих сил. К вопросу о самосознании населения.

В 1921 г. в Белграде был убит болгарский посол Димитров. 23 марта 1923 г. лидер Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) Ст. Стамболийский

подписал Нишское соглашение, по которому формально отказывался от притязаний на Македонию. 14 июня 1923 г. произошло убийство С. Стамболийского, принявшего за месяц до гибели ряд мер против революционных организаций. Новый глава Болгарии Александр Цанков при открытии Народного собрания упомянул «болгарскую Македонию» [2. С. 154], что только усугубляло двусторонние отношения, которые уже были «подпорчены» вторжением комитетских отрядов с территории Болгарии. Сменивший Цанкова уроженец Ресена (Македония) Андрей Ляпчев пытался «утихомирить» ВМРО «бескровно», без применения силы, убеждая И. Михайлова не создавать проблем с четами и т.д. Однако все уговоры были тщетны [15. С. 195]. В октябре 1927 г. был убит в Штипе болгарофоб генерал Ковачевич. Ответ не замедлил последовать: убиты отец и брат И. Михайлова. В Юго-Западной Болгарии (Петричском и Кюстендилском краях) вводился режим чрезвычайного положения. 13 января 1928 г. в Скопье был убит В. Прелич – «инспириатор и вдохновитель гонений на болгар в Вардарской Македонии» [11. С. 197]. В 1928 г. И. Михайлов руками своих «подопечных» ликвидировал соперника генерала Ал. Протогерово. Вновь развернулась кровавая борьба между михайловистами и протогеровистами. В этой обстановке, как писал сам А. Ляпчев, «он не хотел быть палачом ВМРО», т.е. вел себя пассивно в развернувшейся распре, что дало преимущество михайловистам, наиболее радикальному крылу в ВМРО [1. С. 203–204].

Болгарские интересы в Вардарской Македонии в 1927 г. попыталась защищать, но безрезультатно, Великая ложа Болгарии, обратившаяся к своим «братьям» из Великой ложи Югославии. Таким же безуспешным стало обращение Великой ложи Болгарии ко всем своим «собратьям» в мире с призывом остановить «кровавое вытеснение» болгар из Вардарской Македонии. «Братья» из королевства ответили, что в Македонии «живут только сербы» [2. С. 158].

В процесс урегулирования отношений включился и царь Борис, пославший своего адъютанта на прием в югославское посольство (начало декабря 1929 г.) по случаю дня рождения короля Александра. Этот шаг и выражение сочувствия, проявленное болгарским правительством в связи с кончиной одного из югославских дипломатов, расценивались внимательно следившими за болгаро-югославскими отношениями британскими дипломатами как знак потепления между двумя странами [12. Т. 1. С. 169].

10 декабря 1933 г. в Белград прибыл с официальным визитом царь Борис и царица Йоанна в сопровождении принца Кирилла и министра иностранных дел А. Бурова. В официальном коммюнике говорилось о безотлагательности начала переговоров по заключению торгового договора, ветеринарной конвенции и соглашению по облегчению паспортного режима [12. Т.1. С. 282].

Но все это для простых жителей «Юга Сербии» оставалось пока политикой.

В Вардарской Македонии народ был исключен из общественно-политической жизни, он не имел права организовывать свои политические партии, участвовать в органах власти и администрации. Любой, кто «хотел занять место незначительного чиновника, должен был открыто и аргументированно заявить себя сербом, защитником существующей власти» [1. С. 22].

Но известно, что в Народной скупшине были македонцы от Вардарской бановины. Разумеется, они должны были называть себя сербами. В результате выборов в 1923 г. из 24 депутатов 17 были сербами, четыре албанцами и три турками. Из 17 депутатов, заявивших себя сербами, шесть были македонцы [13. С. 151, 152]. На выборах 1927 г., учитывая вышеназванное, только два депутата из двадцати двух, заявивших себя сербами, были македонцы [13. С. 240].

Если говорить о депутатской работе, то, как признавали сами власти, «многие депутаты ничего не сделали [...] Многие использовали мандат для личной выгоды, даже для обогащения, а многие полностью неспособны защищать интересы своих

избирателей» [3. Ф. 37. Д. 51]. Хотя, следует сказать, что некоторые депутаты от Вардарской бановины довольно активно выступали в скупшине, отстаивая интересы своих избирателей, интересы своего региона. Так, в октябре 1933 г. депутат М. Димитриевич выступил в скупшине за установление братских и дружеских отношений с Болгарией, так как они отвечают интересам осуществления «идеи мира и самого сердечного сотрудничества в духе нашего общего балканского девиза: Балканы балканским народам» [5. С. 167]. Это мнение, судя по последующим событиям, было далеко не единичным.

В 1937 г. по известным внешнеполитическим причинам был заключен болгаро-югославский пакт о «вечной дружбе». Двусторонняя ситуация нормализовалась, но говорить о ликвидации македонского вопроса было преждевременно. Судя по информации одного из федералистов, военный министр Христо Луков в 1937 г. во время приема делегации «македонствующих» сказал: «Потерпите парни. Болгария не забудет Македонию, за которую дали огромные жертвы. Сейчас политики Болгарии требуют вести миролюбивую политику с Югославией, потому что Болгарии нужно вооружение. Когда Болгария будет хорошо вооружена, тогда мы знаем, какую политику вести» [3. Ф. 37. Д. 51].

В этой связи весьма интересны впечатления скопльского торговца Ячуловича, посетившего летом 1938 г. Болгарию. В письменном виде они были переданы баном М. Новаковичем главе правительства М. Стоядиновичу. «По Болгарии кружат намеренно и злобно вброшенные неправды о нашем режиме в Южной Сербии. “Если это так, почему нам запрещен свободный доступ туда, – говорят они, – когда и пакт о дружбе существует”. Я им отвечал, что, прежде всего, нужно увериться в том, что этот пакт искренен и нужно перестать [выступать] со старыми лозунгами македонского комитета. У нас нет потребности пускать людей, которые нам нарушают работу и спокойствие, а каждому примерному болгарину въезд свободен, и много таких ежедневно въезжают.

Народ Южной Сербии – потомок того народа, который потерпел поражение на Косово [...] Болгарские школы, которые здесь были во время турецкого управления, были плод болгарской пропаганды, а не потому, что народ себя болгарским считал. Поэтому народ сейчас не имеет болгарских школ, так как никому не нужен болгарский язык, и никто с болгарским языком не может устроиться на государственную службу [...] На все это отвечали мне: [...] “Наша политика должна быть повернута на Добруджу и Солун. Югославия нам поможет. Болгария, выступая за искреннее и вечное соглашение, ввела строгую цензуру печати и ничего неблагоприятного мы за Югославию не можем написать”. Об обновлении македонского комитета не может быть и речи. “Братства”, которые раньше имели чисто политический характер, сейчас занимаются культурными и социальными вопросами» [3. Ф. 37. Д. 51].

Можно сказать, что и в самой Вардарской бановине сербы достигли многого: они, казалось, контролировали все, вплоть до денежных потоков – в 1939 г. Народный банк в Скопье имел 40 тыс. акций, из которых 35 тыс. принадлежали сербским банкирам [4. С. 43]. Не происходило только одного – желанной сербизации жителей.

Среди населения продолжали действовать антисербские настроения даже среди чиновников, ставших ради карьеры или по другим причинам «сербями». Одним из свидетельств может служить пение ими на свадьбе своего коллеги из Прилепа (17 июля 1938 г.) «революционных болгарских песен», а также о геройстве болгар во время войны с сербами, румынами и греками, т.е. Второй балканской войны. Были слышны старые речи о том, что в Сербии сейчас нет уже даже овечьих пастухов, все переселилось на новые земли и стали чиновниками. Это ненормальное положение могло быть исправлено только через раздел: «Македонию македонцам, Хорватию хорватам, а не сербам и словенцам [...] Сербские чиновники хотели

бы, чтобы у них была самая высокая плата, потому что они сербы. В этой стране нужно вводить федерацию, только тогда будет достаток у каждого, в противном случае кровь прольется в этой стране» [3. Ф. 37. Д. 51].

Однако такой «кровавый» радикализм был свойственен больше речам, нежели делам. В одной из бумаг (4 августа 1938 г.) Министерства внутренних дел сохранился реферат о «путешествии друга», проехавшего за 13 дней Скопле, Велес, Прилеп, Битоль и другие города. В этом любопытном документе утверждается, что среди молодой интеллигенции популярна идея о создании автономной Македонии в рамках Югославии, идут речи о локальном патриотизме, о сохранении македонского языка, о заботе о македонской культуре, об организации разбросанных македонцев по Югославии. Сам народ, утверждалось в реферате, «далек от этой новой промакедонской акции. Всюду чувствуется свобода, которой никогда раньше в Македонии не было. Никто больше не надеется на Болгарию и комитет» [3. Ф. 37. Д. 51].

Ситуация, действительно, изменилась. Неизменной оставалась идея о самостоятельной Македонии. Вновь получила распространение организация, выступавшая за автономную Македонию, члены которой утверждали, что народ в Македонии – это не сербы и не болгары, а македонцы. Автономисты активно старались привлечь молодежь, старались привлечь к себе людей, имеющих хотя бы какое-то влияние в своей среде. Наиболее широко организация действовала в небольших городках. Ее лидер Спира Китинчев ставил прямую задачу – создание Македонской партии, прежде всего, с помощью хорватского федералиста В. Мачека [3. Ф. 37. Д. 51].

Однако такая задача была трудно осуществима в условиях, когда «македонцы» для власти еще не существовали.

В тех условиях отсутствия своей партии жители «южной Сербии» ориентировались на другие партии, главным образом демократическую, полагая, что через нее могут легче воплотить в жизнь свою желанную цель. В радикальной партии их было меньше уже по той причине, что ее считали «сербской национальной партией по преимуществу». Преследуя свои интересы, «антисербы» шли в оппозицию вместе с В. Мачеком [3. Ф. 37. Д. 51].

По мнению властей, при проведении тайных выборов 75% населения голосовали бы за оппозицию, чтобы, повторяю, с их помощью достичь автономии, а потом потребовать объединения с Болгарией и «расширения границы в этническом смысле», т.е. имея в виду греческую Македонию [3. Ф. 37. Д. 51].

При этом подчеркивалось, что македонцы считали белградских сербов «узурпаторами, пришельцами, эксплуататорами, постоянно [...] неприятельски настроены и объединенными силами систематически работают над вытеснением [...] по всем направлениям» [3. Ф. 37. Д. 51].

Одновременно власти Скопле признавали, что «время стагнации в хорватском вопросе, ликвидация болгарского революционного комитета, наши хорошие отношения с Болгарией, и, напоследок, наши отношения с Италией и Австрией (исчезла поддержка хорватского сепаратизма)» – все это привело к открытому, без конспирации, призыву: «Македония для македонцев» или сербскими словами «Южная Сербия южносербиянцам». Для достижения этой цели, население призывалось активно участвовать в выборах в скупщину, оказывая поддержку и оппозиции, и проправительственной партии, чтобы в парламенте бороться за осуществление лозунга – «Македония для македонцев», а все остальные остаются в своих границах! [3. Ф. 37. Д. 51].

В такой ситуации для сербских властей было главным «не давать им пройти в большом количестве в парламент», «больше и лучше, и планово помогать нашим (сербам местным уроженцам и так называемым пришельцам) в этих краях» и «только их видеть как можно больше как представителей Южной Сербии в парламенте» [3. Ф. 37. Д. 51].

Добавлю, что для властей «македонец (и серб, и экзархист) позитивен, реальный и грубый материалист [...] их больше всего удовлетворит народное благосостояние, экономическое процветание, при все большем равноправии.

Мила им автономия Македонии, но им милее, чтобы через умную табачную, афионскую и вообще хозяйственную политику» добиться «денег, благосостояния. Кто на том поле даст больше, они и будут с ним» [З. Ф. 37. Д. 51].

Весьма грубо, но вся сложность, не забывая о национальном вопросе, заключалась и в том, что, по мнению провинциальных властей, ни политики, ни государственные деятели не имели достаточного представления о ситуации на «Юге». Отсюда и проистекали «фатальные ошибки в сфере проведения экономической и национальной, государственной и партийной политики» [З. Ф. 37. Д. 51].

31 мая 1938 г. по приглашению министра внутренних дел А. Корошца в его кабинете встретились генеральный секретарь общества Св. Савы Хадживасильевич, ответственный работник Министерства внутренних дел Д. Лазич, ответственный работник Министерства иностранных дел М. Смильнич, заместитель шефа центрального прессбюро Б. Богданович, директор агентства «Авала» М. Йованович и инспектор Цв. Джорджевич для обсуждения ситуации в «Южной Сербии». Тамашняя обстановка вызывала тревогу в связи с инспирированной извне, т.е. из Софии, деятельностью части «южносербийской интеллигенции», проведения там «легальной акции», направленной против интересов государства.

В развернувшемся обсуждении приняли участие все гости министра. Богданович видел лекарство, прежде всего, в хорошей администрации, в газете, имеющей влияние на читателей, в устранении «экзархистских учителей и священников». Лазич, в свою очередь, обращал внимание присутствующих на работу болгарского радио с его передачами «болгарам из порабощенных краев». Йованович, подчеркивая опасность от «легальной акции», утверждал, что она инспирирована из Болгарии, с которой хотя и заключен пакт о вечной дружбе, но верить ей нельзя. Смильнич считал, что опасность не так велика, и был склонен верить тому, что «легальная акция» скорее может быть инспирирована из Загреба, а не из Болгарии, правительство которой «в границах возможного сделало очень много, чтобы разогнать революционный комитет и другие македонские организации» [З. Ф. 34. Д. 51].

Однако обсуждение закончилось ничем, министр лишь обещал обсудить настоящий вопрос с другими представителями власти. По сути, ситуацию можно было разрешить на международном уровне, точнее, с очередным переделом Балкан в результате надвигающейся очередной мировой войны.

Болгария могла бы «забыть» Македонию «на пятьдесят лет вперед» при условии присоединения к ней давно желанной Южной Добруджи. Именно так утверждал царь Борис в беседе с британским дипломатом Дж. Рендлом в январе 1939 г. [12. Т. 2. С. 185]. Однако все хитросплетения и «обещания» в политике были разрушены Второй мировой войной, по результатам которой монархические режимы Болгарии и Югославии были ликвидированы и начато строительство новых государств на иных основах.

Все это и позволило в рамках Федеративной народной республики Югославии впервые после долгого времени воссоздать македонскую государственность.

В настоящее время проблемы, связанные с самим существованием македонского государства после слома СФРЮ, опять-таки замыкаются на национальном вопросе, вернее, албанском. Уже типичным стало искать выход в членстве новых «самостоятельных» государств в различных европейских союзах, в объединенной Европе. В сущности, все они нуждаются в очередной «империи цивилизованного образца», способной защитить их государственность от «чужеродных посягательств». Соответственно, для Европы Македония может служить лишь «почвой» для «выращивания» на ней «македонских европейцев» или очередной оккупации

онной зоной, в которую уже постепенно и последовательно превращается Македония. Обретя свободу от «тоталитарной» Югославии, Македония теперь должна доказывать свою толерантность к албанцам через, грубо говоря, самоликвидацию и вхождение в европейское пространство, но в нем македонцев уже не будет – одни европейцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цветковска Н.* Македонското прашање во југословенскиот парламент меѓу двете светски војни. Скопје, 2000.
2. *Jovanović V.* Jugoslovenska država I Južna Srbija 1918–1929. Makedonija, Sandžak, Kosovo I Metohija u Kraljevini SHS. Beograd. 2002.
3. Архив Србије и Црне Горе.
4. *Палеиутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия 1918–1941. София, 1983.
5. *Бодрожич М.* Прилог о ставу посланика Вардарске бановине према ситуацији у том делу Краљевине Југославије од 1932–1934 // Вардарски зборник. № 3. Београд, 2004.
6. *Кайчев Н.* Разговор на Иван Михайлов с хрватскиот политик Марко Дошен // Македонски преглед. 2005. Кн. 4.
7. Старое время. Белград.
8. Краљевина срба, хрвата и словенаца. Алманах. Загреб, б/г. С. III. Д. 7–9, 1927–1928.
9. Буџет Вардарске бановине за 1940–1941 годину. Скопје, 1940.
10. *Лилић Б.* Делатност народног универзитета предратне јужне Србије у Скопљу // Вардарски зборник. № 4. Београд, 2005.
11. *Божинов В.* Земното кълбо не престава да се върти, ако ние и да спим Ръказ за живота на Андрей Ляпчев. София, 2005.
12. Цар Борис III в британската дипломатическа кореспонденция. София, 2005. Т. 1. (1919–1934 гг.). София, 2007. Т. 2 (1934–1941 гг.)
13. *Цветковска Н.* Политичките партии во парламентарните изборни борби во вардарскиот дел на Македонија (1919–1929). Скопје, 2004.

© 2013 г. Л.Я. ГИБИАНСКИЙ

БАЛКАНСКИЕ СТРАНЫ В ПЕРЕКРЕСТЬЕ ПОЛИТИКИ ГИТЛера И СТАЛИНА В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТ ПОРАЖЕНИЯ ФРАНЦИИ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ГОСПОДСТВА «ОСИ» НА БАЛКАНАХ

В статье рассматриваются советская и нацистская политика на Балканах в указанный период и взаимоотношения там Москвы и Берлина. Прослеживаются основные этапы эволюции этих взаимоотношений вплоть до установления господства «оси» в регионе и поражения тогдашней балканской политики Сталина. В сопоставлении с широким кругом источников оцениваются различные историографические версии тех событий.

The article considers the Soviet and Nazi politics in the Balkans in the given period as well as the relations between Moscow and Berlin in the region. It traces main stages in the evolution of these relations up to the establishment of the dominance of the Axis in the region and defeat of Stalin's Balkan policy. Different historiographic versions of those events are compared against the background of a wide range of sources.

Ключевые слова: начало Второй мировой войны, Балканы, отношения Гитлер – Сталин.

Наступление германских войск, развернутое в апреле 1940 г. на севере, а в мае – на западе Европы, привело не только к нацистской оккупации и установлению контроля гитлеровской Германии в этих частях континента. Поражение Франции, закрепленное 22 июня Компьенским перемирием, означавшим ее фактическую капитуляцию перед «третьим рейхом», стало важнейшим поворотным пунктом в начальном ходе войны, повлиявшим на ситуацию в других европейских регионах. В том числе на Балканах. У Гитлера и присоединившегося к нему Муссолини оказались развязаны руки для более решительных действий, направленных на подчинение балканских государств, как тех, которые до сих пор удавалось вовлечь в орбиту «оси» лишь частично, так и особенно тех, которые еще продолжали лавировать между воюющими лагерями либо даже тяготели к антигитлеровской стороне. Последние лишились столь важного внешнеполитического фактора, как англо-французская коалиция, чего не могла компенсировать одна Англия, влияние и возможности которой на Балканах после разгрома Франции резко упали.

Вместе с тем в обстановке, вызванной поражением Франции, политику в этом регионе резко активизировал СССР, уже перед тем начавший попытки стать одним из основных игроков на балканской сцене. В результате преобладающая часть государств на Балканах, включавшая наиболее крупные из них – Румынию,

Гибианский Леонид Янович – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Югославию и Болгарию, оказалась в перекрестье устремлений, с одной стороны, Гитлера, с другой – Сталина.

Германия, для которой большинство балканских стран представляло тогда интерес главным образом в качестве поставщика сырья и продовольствия, приступила прежде всего к усилению нажима на них для еще более интенсивного выкачивания важных для нее ресурсов. Так, 15 июня 1940 г., когда поражение Франции стало уже очевидным, Берлин указал правительству самого большого государства региона, Югославии, что в новых условиях оно должно отдавать себе отчет в полной экономической зависимости от держав «оси». А месяц спустя Белград, под нацистским давлением, фактически обязался прекратить югославский экспорт в страны, находящиеся в войне с Германией [1. Кнj. 1. Док. Вр. 241. S. 711], что имело в виду Англию.

Усилия Советского Союза на Балканах шли в ином направлении. Уже 23 июня 1940 г., на следующий день после Компьенского перемирия, В.М. Молотов, тогдашний председатель Совнаркома и нарком иностранных дел СССР, через посла Германии в Москве Ф.В. Шуленбурга уведомил Берлин о решении Кремля потребовать у Бухареста немедленной передачи Советскому Союзу Бессарабии, а также Буковины. И указал на ожидание Москвы, что Германия не будет мешать СССР, а окажет ему поддержку на основе существующего соглашения [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 217. С. 365–366; 3. Vol. X. Doc. № 4. P. 3–4]. Имелся в виду секретный советско-германский протокол к договору от 23 августа 1939 г., фиксировавший «интерес СССР к Бессарабии» и «полную политическую незаинтересованность» в ней Берлина [2. Т. XXII. Кн. 1. Док. 485. С. 632]. Однако в протоколе не было и намека, чтобы эта договоренность о Бессарабии относилась к Буковине. И нацистское руководство 25 июня 1940 г. ответило через Шуленбурга, что поддержит перед Бухарестом требования Москвы о Бессарабии, но их распространение на Буковину – новый вопрос, усложняющий дело. Хотя Молотов и пытался доказывать послу правомерность претензий на всю Буковину, однако 26 июня уведомил его, что, учитывая мнение Берлина, требования СССР в этой области ограничиваются ее северной частью [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 225. С. 374–375; 3. Vol. X. Doc. № 13. P. 12–13; Doc. № 20. P. 21; Doc. № 25. P. 26].

В тот же день Молотов вручил посланнику Румынии ультимативное требование о передаче Бессарабии и Северной Буковины, подкрепленное сосредоточением крупной, почти в 640 тыс. человек, советской военной группировки, изготовившейся к удару по румынским войскам. По поводу Бессарабии ультиматум аргументировался тем, что СССР никогда не признавал ее присоединения к Румынии в 1918 г. и претендовал на нее как на территорию, принадлежавшую с 1812 г. России. А по поводу северной части Буковины, которая до 1918 г. находилась в составе Австро-Венгрии и никогда России не принадлежала, претензии аргументировались тезисом, что население Буковины в большинстве – украинцы и должно соединиться с Украинской ССР. Но линией советско-румынской границы, обозначенной на приложенной к советскому ультиматуму карте, в пределы СССР молчаливо включался и расположенный между Бессарабией и Северной Буковиной район на севере румынской Молдовы, являвшийся частью Румынии от ее возникновения как государства на рубеже 50–60-х годов XIX в. (о советско-румынских дипломатических контактах в связи с ультиматумом Москвы см. [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 229. С. 380–384; Док. 238. С. 391–392; 4. Док. 163. С. 310–315; Док. 165. С. 315–317; Док. 166. С. 318; Док. 170. С. 327–328; Док. 171. С. 329; Док. 174. С. 331; Док. 178. С. 336; Док. 183. С. 339]; о советской военной операции, готовившейся на случай отказа Румынии от выполнения условий ультиматума, см. [5. С. 275–338; 6. С. 77–113; 7. Док. № 21, 22, 23; 8. С. 62–68]).

После получения румынской стороной советского требования нацистское руководство, соответственно договоренности с СССР, посчитало нужным «посовет-

товать» Бухаресту уступить Москве [3. Vol. X. Doc. № 28. P. 27–28; Doc. № 33. P. 34; Doc. № 34. P. 34–35; 4. Док. 164. С. 315]. Сообщив тут же о своей позиции правительству Италии и одновременно запросив его, как оно намерено поступить, Берлин фактически воздействовал на принятие и Римом такого же решения [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 227. С. 378; 3. Vol. X. Doc. № 8. P. 9 (Note 14); Doc. № 18. P. 18–19; 4. Док. 175. С. 331–332]. В этой ситуации, а к тому же опасаясь, как бы одновременно с СССР, воспользовавшись его акцией, не выступили с территориальными претензиями к Румынии также Венгрия – по поводу Трансильвании и Болгария – по поводу Южной Добруджи, Бухарест был принужден выполнить ультиматум Кремля (о том, как принималось румынским руководством это решение, см. [9. Разд. VII. Док. 20. С. 357–361]).

При рассмотрении этих событий, в последние два десятилетия – с использованием советской документации, становившейся частично доступной, в историографии продолжают проявляться различия в оценке и объяснении мотивов акции СССР, предпринятой при фактической поддержке Германии и Италии.

В работах западных авторов, не говоря уже о румынских, преобладает оценка упомянутых выше советских действий как оккупации или аннексии. Однако некоторые западные историки, подобно Г. Городецкому или Дж. Робертсу, были склонны ставить во главу угла тезис о том, что действия Кремля диктовались не экспансионизмом, а исключительно целями укрепления безопасности СССР. Но если Городецкий при этом писал о советской аннексии Бессарабии и Северной Буковины, то Робертс в основном пользовался более неопределенной формулировкой об их «включении» в СССР [10. С. 44–47; 11. P. 55–56].

В российской историографии некоторые авторы писали об аннексии, как, скажем, А.Д. Богатуров, применительно, по крайней мере, к Северной Буковине, в прошлом России не принадлежавшей, либо, как А.Г. Ложкин, по поводу не только Северной Буковины, но и Бессарабии [12]. Или подобно, например, М.Д. Ерещенко, указывали на «имперский диктат», проявленный СССР в отношении Румынии, на «циничные переговоры» и согласованные действия Москвы и Берлина [13. С. 356, 357]. А.О. Чубарьян не давал общей оценки советской акции, но отмечал, по его определению, неуместную жесткость, амбициозность и «весьма негибкие методы» Кремля [14. С. 358]. В работах Л.Я. Гибианского [15] или Ю.Г. Голуба и В.А. Аблизина [6], в которых эти действия СССР рассматривались в контексте общей ситуации на Балканах и советско-германских отношений, акцент, хотя и в различной мере, делался на том, что ультиматум стал успешным для Москвы при поддержке Берлина, а также Рима. Но что затем последствия советской акции оказались противоположны устремлениям Кремля на Балканах. Часть же российских историков, особенно в первое постсоветское десятилетие, предпочитая в той или иной мере воздерживаться от прямых оценок, делала, однако, в качестве стержня в действиях СССР упор на возвращении Бессарабии, по поводу которой эти авторы считали аксиомой официальный тезис советской политики, что данная область была просто аннексирована в 1918 г. Румынией. Подобная позиция, хотя и в разной степени, проявилась, например, в таких вышедших тогда трудах, как книги В.Я. Сиполса [16. С. 242–246] и М.И. Мельтохова [17. С. 214–233]. Вместе с тем заметно присутствует в российской историографии тенденция исключительно позитивной оценки советских действий, вызванных, согласно этой оценке, как стремлением усилить обороноспособность СССР на юго-западных рубежах, так и целью, как формулируется, «освободить» население территорий, о которых идет речь, от «гнета боярской Румынии». Такая тенденция, выраженная, например, тем же Мельтоховым в его более поздней работе [5], прямо продолжает версию советской историографии.

В ряде случаев реанимируются и свойственные советской историографии приемы искажения исторической реальности. Так, в получившем известность четы-

рехтомнике о мировых войнах XX в., где советская акция в отношении Румынии охарактеризована исключительно как «укрепление юго-западных границ СССР», при этом, хотя и упоминается – очень, правда, усеченно – о предварительном обращении Москвы к Берлину, однако полностью умалчивается об ответе «третьего рейха», о германской поддержке советского ультиматума и о той важнейшей роли, которую такая позиция нацистского руководства сыграла в вынужденном принятии ультиматума Бухарестом. Полностью умалчивается и о подготовленном на случай несогласия Бухареста ударе по Румынии мощной группировки советских войск [18. С. 92–93].

Подобное наследие советской историографической традиции все еще сказывается не только в современных работах тех или иных авторов, но даже в некоторых публичных документах официальных структур. Наглядный пример – так называемая справка Историко-документального департамента МИДа России, помещенная на сайте МИДа в ноябре 2011 г. и посвященная характеристике советской внешней политики накануне гитлеровского нападения на СССР. В справке, в которой специальное внимание уделено и акции по включению Бессарабии и Северной Буковины (о районе на севере румынской Молдовы там вовсе не упоминается) в состав СССР, нет ни слова о предварительной советско-германской договоренности по данному вопросу. Вместо этого говорится, что румынское правительство «обратилось к Германии, Италии, Югославии, Греции и Турции с запросом: как они расценивают советские предложения», а перечисленные страны «посоветовали Бухаресту урегулировать конфликт с СССР мирным путем». И в результате «румыны полностью согласились с предложениями советской стороны» [19]. Подобным изображением искусственно зачислены в один ряд, с одной стороны, державы «оси», с другой – союзники Румынии по Балканской Антанте. На самом же деле позиция первых была следствием советско-германской договоренности и содействием ультиматуму Москвы. А позиция вторых, не знавших о договоренности и опасавшихся как держав «оси», так и СССР, диктовалась боязнью того, что в случае советско-румынского военного столкновения все участники Балканской Антанты могут быть затянуты в водоворот большой войны. Таким образом, путем комбинации умалчивания о советско-германской договоренности и произвольного объединения позиций держав «оси» и стран Балканской Антанты справка искажает обстоятельства проведения акции СССР в отношении Румынии, характер предпринятых тогда действий Кремля, в том числе скрывает роль его взаимодействия с «третьим рейхом».

Среди тех российских и зарубежных историков, кто характеризовал советскую акцию как целиком или преимущественно призванную усилить оборону СССР, имеет место, однако, существенная разница в представлениях о том, против какой конкретной угрозы была направлена эта акция. В большинстве случаев утверждается, что Кремль названными действиями хотел приобрести более благоприятные рубежи для противостояния возросшей опасности со стороны Германии. И с данной целью, как говорится, к примеру, в упомянутом четырехтомнике о мировых войнах XX в., создавал «стратегическое предполье на западе» [18. С. 92–93]. А скажем, по утверждению Городецкого, советская акция была связана не только с планами по поводу Германии, но в еще большей мере с тем, что Сталин серьезно опасался британской интервенции на Черном море с использованием Румынии. И потому стремился превентивно установить контроль над устьем Дуная [10. С. 45–46]. Ни в пользу одного, ни в пользу другого из этих утверждений никакой документации руководства СССР не приводилось. Ибо из-за значительной ограниченности и целенаправленной селективности в рассекречивании российских архивных материалов, относящихся к сталинской внешней политике, в большинстве случаев вообще не известны документы о том, как и из каких непосредственных соображений принимались тогда Кремлем внешнеполитиче-

ские решения. Это касается и рассматриваемого нами случая. Соответственно, указывая в одной из своих предыдущих работ на обе названные версии, я мог лишь констатировать отсутствие конкретных документальных данных в подтверждение какой-либо из них [15. С. 488]. Но с тех пор стали известны сведения из новых источников. И они говорят, скорее, в пользу версии, более близкой тезису Городецкого.

Речь идет о советских военных планах и подготовительных мероприятиях, которые разрабатывались весной – в начале лета 1940 г.

Так, 19–23 апреля 1940 г. в штабе Киевского особого военного округа (КОВО) состоялась фронтовая оперативная игра по штабным картам, содержанием которой было моделирование действий советских войск против Румынии. По сценарию игры, эти действия готовились ввиду угрозы организованного англо-французской коалицией нападения на СССР из Румынии и Турции. В нападении, наряду с румынскими и турецкими, участвовали бы и англо-французские войска. Их в Румынию пропускала бы через свою территорию Югославия. И сама Югославия, проведя мобилизацию, сосредоточила бы собственные войска на северо-востоке страны, у границы с Румынией, что, в конечном счете, значило – тоже в направлении СССР. Согласно тому же сценарию, советская сторона, узнав о предстоящем нападении, наносила удар первой, стремясь к прорыву своих войск в глубь Румынии, к окружению и уничтожению румынских вооруженных сил на северо-востоке и в центре страны. При этом предусматривалось, что справа от направления действий Красной Армии, т.е. с севера и запада, «войска КОВО обеспечивают границу» с оккупировавшими Польшу немцами, а также с Венгрией, которые бы не вмешивались в события [20. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 425. Л. 152–240]. Правда, Мельтюхов, в значительной мере излагавший в одной из недавних работ содержание упомянутых документальных данных об этой игре, утверждал, что она «являлась не отработкой готовящегося наступления, а обычным этапом оперативной подготовки высшего комсостава и штабов армий КОВО» [5. С. 273]. Но очевидных аргументов в пользу столь категоричного суждения документы не содержат. Между тем, спустя всего немногим больше месяца после игры стал, по заданию советского военного руководства, разрабатываться план не игровой, а реальной военной операции против Румынии.

Об этом плане пойдет речь ниже. Но сначала обратимся к вопросу, который Мельтюхов вовсе не ставил. Откуда взялись международно-политические параметры апрельской штабной игры, ее контекст возможной перспективы столкновения с англо-французской коалицией? Трудно себе представить, чтобы в условиях крайне жесткого контроля, свойственного тогда советскому режиму, эти параметры могли быть отсебятиной командования КОВО, а не отражением общих установок, исходивших от Кремля. Тем более что командующим КОВО являлся С.К. Тимошенко, которого вслед за тем, в начале мая 1940 г., назначили наркомом обороны СССР. Но если таковыми были установки сверху, то выходит, что даже за месяц с небольшим до развернувшегося поражения Франции руководство СССР наиболее актуальным противником считало англо-французскую коалицию.

Это являлось продолжением той линии враждебности к Англии и Франции, которая была взята Кремлем с рубежа лета – осени 1939 г., когда его внешнеполитическая активность стала развиваться под знаком альянса с «третьим рейхом»¹. В конце 1939 – начале 1940 г. данная линия особенно ужесточилась в связи с

¹ Эта позиция выражалась публично в официальных советских заявлениях и пропаганде: Англия и Франция объявлялись «поджигателями войны», теми, кто «несет ответственность» за нее, в то время как Германия выставлялась в роли миролюбца, не говоря уж о том, что в такой роли фигурировал, разумеется, сам СССР. Непосредственное участие в подобной публичной кампании принимал даже открыто Сталин [22].

крайне негативной реакцией англо-французской коалиции на агрессию СССР против Финляндии (см., например, «Сообщение ТАСС» от 14 XII 1939 г. по поводу исключения СССР из Лиги Наций, вызванного этой агрессией [21. Док. № 386. С. 475–477]). Весной 1940 г. ужесточение продолжилось в связи со сведениями об обсуждавшейся Парижем и Лондоном возможности нанесения ударов по советским нефтедобывающим и нефтеперерабатывающим объектам на Кавказе, чьей продукцией снабжалась Германия, противник Англии и Франции в войне. Эти сведения во многом воспринимались как та угроза нападения на СССР с юга и юго-запада, которая была положена в основу сценария игры, проведенной в штабе КОВО в апреле. Из документов видно, что с конца 1939 г., а особенно весной 1940 г., проводились не только штабные игры, но и принимались серьезные практические меры по подготовке к возможным действиям Красной Армии против турецких и англо-французских сил в приграничном с Турцией районе Южного Кавказа. И к нанесению советской авиацией ударов на значительном пространстве Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока (о подобных документальных данных см. [23. С. 199–200]).

Даже на рубеже мая–июня 1940 г., когда поражение Франции становилось почти очевидным, упомянутое отношение к англо-французской коалиции все еще имело место. И ясно сказалось при начавшемся составлении упомянутого выше плана реальной военной операции против Румынии. В первоначальном варианте этого плана, который, по заданию сверху, представил 3 июня наркому обороны Тимошенко начальник штаба КОВО Н.Ф. Ватутин, по-прежнему не исключалось, что на помощь румынской армии могут быть брошены англо-французские силы через Югославию. Предусматривалось также, что советский Черноморский флот (ЧФ) должен «захватить Босфор и Дарданеллы и запереть выходы из них» в Черное море [20. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 668. Л. 2, 7]. Операция в отношении проливов могла иметь лишь одну направленность: против действий англо-французского – преимущественно британского – флота, преобладавшего тогда в Восточном Средиземноморье. Более того, когда затем уже в Генштабе было продолжено планирование операции против Румынии, при этом еще некоторое время по-прежнему ставилась перед ЧФ задача быть готовым к установке минных заграждений у Босфора и не допустить прохода через него в Черное море «враждебных флотов и подводных лодок» [20. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 658. Л. 7, 15, 23].

Лишь позднее в разработках Генштаба такие задачи ЧФ были сняты. И отсутствовали в появившихся 20–23 июня директивах об операции против Румынии, исходивших от наркома обороны, начальника Генштаба и командования Южного фронта, специально образованного для этой операции [20. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 656. Л. 6–7; Д. 658. Л. 7, 23; Д. 666. Л. 26–27, 51]. В доступных документах Генштаба вариант задач ЧФ, сокращенный путем исключения пункта о проливах, первый раз содержится в записке начальника Главного морского штаба Л.М. Галлера [20. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 658. Л. 9]. Указывая на данное обстоятельство, Мельтюхов утверждал, что на сокращении, как он формулировал, «настояло» военно-морское командование [5. С. 286]. Однако сама записка Галлера не является тому свидетельством. Ведь решение о проливах могло приниматься лишь Кремлем, ибо касалось не только собственно военной, но прежде всего – международно-политической стороны дела, а в документах, о которых идет речь, нет сведений, из чего исходило при этом руководство СССР. Формулируя свое утверждение, Мельтюхов оставляет без внимания, что в течение первой половины июня 1940 г., ввиду разгрома Франции и вступления 10 июня Италии в войну на стороне Германии, просто отпала возможность англо-французского военного противодействия операции СССР в Румынии. Такого противодействия не могла оказать и Англия, оставшаяся в Европе в одиночестве и получившая на Средиземноморье итальянского противника.

В обстановке подобных перемен и резкого усиления позиций Германии и вообще «оси» в Европе корректировались определенным образом и другие важные аспекты замысла советской военной акции в отношении Румынии.

В первоначальном плане, который Ватутин представил 3 июня 1940 г. нарком обороны, присоединение Бессарабии и Буковины не фигурировало как цель: об этом ничего не говорилось. Планом намечались две операции советских войск. Цель первой операции, выходявшей далеко за пределы упомянутых территорий, к центральным районам Румынии, заключалась в разгроме основной части румынской армии. А при успешном выполнении первой предусматривалась вторая операция – нанесение главного удара на Бухарест «с целью окончательной ликвидации Румынии, захвата Добруджи и дальнейшего овладения Европейской Турцией и Дарданеллами» [20. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 668. Л. 1–10]. В плане не пояснялось, что означала формулировка об «окончательной ликвидации Румынии». Имелось ли в виду просто полное военное поражение этой страны или же вообще ликвидация Румынии как государства? Если подразумевался лишь военный разгром, что же мыслилось по поводу последующего социально-политического и государственного строя в Румынии: его смена на просоветский либо даже советский режим или какие-то другие варианты? А если имелось в виду вовсе прекратить существование румынского государства, то каким образом: присоединением ли всей Румынии к СССР или ее разделом между ним и двумя другими претендентами на части ее территории – Венгрией и Болгарией? И в частности, как, к примеру, намеченная планом Ватутина цель «захвата Добруджи» могла сопрягаться с болгарскими притязаниями на ее южную часть?

Мельтюхов в одной из работ отвел значительное место этому плану, подробно пересказывая или цитируя его. Однако никаких подобных и даже вообще каких-либо вопросов не ставил. Более того, вовсе воздержался от всякого анализа документа. Но замысел второй операции сопроводил репликой: «Как видим, предложение начальника штаба КОВО было достаточно радикальным» [5. С. 283]. Подобная реплика вольно или невольно ориентирует на впечатление, что такой широкомасштабный замысел мог быть следствием чуть ли ни умозаключений самого Ватутина. Но, как и в случае с игрой в штабе КОВО в апреле, едва ли Ватутин, получив задание составить план задуманного в Кремле удара по Румынии, мог позволить себе, исходя лишь из собственных соображений, представить наркому предложение, содержавшее столь далеко идущие цели. И не просто военные, а международно-политические. Скорее это отражало исходившие сверху установки либо, по меньшей мере, обсуждавшиеся руководством варианты действий при подходящей международной ситуации. В данной связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что цель второй операции корреспондирует с предпринятой затем в конце 1940 г. попыткой Кремля добиться советского военного присутствия в зоне Босфора и Дарданелл (об этой попытке еще пойдет речь ниже) и с высказанным тогда намерением Сталина лишить Турцию ее европейской территории [24. С. 203].

Но если подобные калькуляции и имели место к моменту составления плана, поданного начальником штаба КОВО наркому обороны, оказав влияние на сам план, то во время дальнейшего планирования, продолженного теперь уже в Генштабе в течение 2–2,5 недель июня, последовавших за вариантом Ватутина, проведение второй операции исключили. А первая операция во многом сохранялась такой, как в плане Ватутина. Однако ее территориальные пределы были несколько сужены, и указывалась цель: «разгромить румынскую армию», преобладающая часть которой была сосредоточена на северо-востоке, и «занять Бессарабию» [20. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 658. Л. 1–8, 10–36]. То же содержалось в спущенной 20 июня итоговой директиве наркома обороны и начальника Генштаба, а затем, соответственно, в приказах командования Южного фронта [20. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 656;

Д. 666. Л. 2–35, 47–54] (документы почти целиком опубликованы в [5. С. 286–292, 295–313]).

Хотя фигурировала цель занятия лишь Бессарабии, но значительно более широкая территория намеченной операции, охватывавшая также ряд районов Буковины и румынской Молдовы, была обусловлена отнюдь не только чисто военной задачей окружения румынских войск, размещенных на северо-востоке. Это ясно видно из датированного 21 июня приказа Г.К. Жукова, которому поручили командовать операцией. В приказе перечислялись подлежавшие занятию города, куда назначались руководители гарнизонов: помимо бессарабских, список включал также города Северной Буковины и района на севере румынской Молдовы [20. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 666. Л. 73–82] (перечень городов см. также [5. С. 293]). Указанная территория и была затем присоединена к СССР.

Почему же 23 июня, при первом обращении к германской стороне по поводу предстоявшего советского ультиматума Бухаресту, Кремль выдвинул претензии на всю Буковину, если уже перед тем намечалось занять лишь ее северную часть? Это наводит на мысль, что советское руководство опасалось категорического возражения Берлина против присоединения Северной Буковины к СССР. И предприняло тактический маневр: заявило о видах на всю Буковину, чтобы добиться от нацистского партнера согласия на «компромисс» в виде «ограничения» требования Москвы лишь Северной Буковиной. Было ли так или как-то иначе, в любом случае то, как вопрос о Буковине решался между СССР и Германией, свидетельствует, что в июне 1940 г. при подготовке акции в отношении Румынии Кремлю пришлось исходить из вынужденной необходимости считаться с Берлином. В том числе по поводу пределов своих территориальных устремлений. Возможно, этим и обусловлено обрезание того, что было намечено планом Ватутина.

Необходимость учета позиции «третьего рейха» сказывалась в политике СССР не только по поводу Румынии. Кремль стал направлять усилия и на то, чтобы расширить свои возможности путем соглашения с Гитлером, а также с Муссолини о взаимном учете Германией, Италией и Советским Союзом интересов друг друга на Балканах в целом.

В течение июня 1940 г. Молотов через послов Германии и Италии предпринял на этот счет зондажи, начатые 3 июня, когда он задал Шуленбургу вопрос, отражает ли мнение о возможности совместного решения балканских проблем Германией, Италией и СССР, высказанное в конце мая германским послом в Риме тамошнему советскому поверенному в делах, точку зрения германского и итальянского правительств (о зондажах см. [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 178. С. 312; Док. 217. С. 364–365; Док. 224. С. 372–374; 25. Док. 99–100. С. 186–187]). Однако, едва начавшись, зондажная кампания уже на рубеже июня – июля застопорилась, ибо ни германская сторона, ни – в более мягкой форме – итальянская не проявили желания продолжать с СССР обсуждение возможности трехсторонней договоренности о Балканах. Подобная позиция Берлина вполне определилась к середине июня [25. Док. 102. С. 189–190], заблокировав продолжение советско-германских переговоров на сей счет (подробнее см. [15. С. 490–491]). Позже министр иностранных дел Германии Й. Риббентроп уведомил итальянского коллегу Г. Чиано о нежелательности участия СССР в решении балканских проблем, и эта позиция разделялась Римом [3. Vol. X. Doc. № 290. P. 419; Doc. № 348. P. 487; 26. С. 424].

Вместе с тем Кремль столкнулся на Балканах с непредвиденными им последствиями советской акции в отношении Румынии. Ею как прецедентом немедленно воспользовались Венгрия и Болгария, тоже предъявив Бухаресту претензии, соответственно, на Трансильванию и Южную Добруджу. Советская сторона, стремясь усилить свои позиции, уведомила венгерское и болгарское правительства о своем благосклонном отношении к их претензиям [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 251. С. 416; Док. 252. С. 416; 3. Vol. X. Doc. № 165. P. 208–209]. Но как Будапешт, теснее свя-

занный с «осью», так и София, отчасти ориентированная на такую связь, а отчасти еще пытавшаяся лавировать на полунейтралистских позициях, обратились за помощью к Германии. И туда же за защитой от венгерских и болгарских требований и от возможности новой советской угрозы обратился Бухарест, заявив о разрыве с данными ему раньше англо-французскими (теперь лишь английскими) гарантиями и о готовности полностью встать в ряд с «третьим рейхом» [3. Vol. X. Doc. № 37–38. P. 37–39; Doc. № 45. P. 47; Doc. № 53. P. 54; Doc. № 80. P. 91; Doc. № 161. P. 200–201; 27. Док. 114. С. 195–196]. Ибо в каждой из трех названных столиц считали нацистскую Германию наиболее в тот момент мощной державой, к покровительству которой есть смысл апеллировать. В итоге Берлин выступил в роли центра, регулировавшего спорные территориальные проблемы. Германия вместе с ассистировавшей ей Италией продиктовала 30 августа 1940 г. решение 2-го Венского арбитража, передававшее Северную Трансильванию Венгрии, и почти одновременно под давлением Берлина было согласовано передать Южную Добруджу Болгарии. При этом Германия и Италия выступили гарантами целостности территории, остающейся у Румынии [3. Vol. X. Doc. № 413. P. 581–584, 587; 27. Док. 119–121. С. 206–210; Док. 123. С. 212–213]. Таким образом, начавшийся на Балканах территориальный передел, чье развязывание было стимулировано ультимативной акцией СССР в отношении Румынии, дальше стал осуществляться под руководством и по указаниям Берлина, использовавшего итальянское участие. Москва же, вопреки ее претензиям на влиятельную роль в регионе, оказалась исключенной из происходившего.

Руководство СССР было обескуражено и возмущено. 31 августа, когда Шуленбург, по поручению из Берлина, информировал Молотова о 2-м Венском арбитраже, тот заявил, что в уже опубликованных сообщениях печати «сказано больше, чем в информации Германского правительства». И что последнее нарушило имевшееся в советско-германском договоре от 23 августа 1939 г. положение о консультации в вопросах, интересующих обе стороны [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 348. С. 546–547]. Берлин ответил, что после удовлетворения территориальных требований Москвы к Бухаресту, произошедшего в июне 1940 г. с германской помощью, у СССР больше нет территориальных интересов в Румынии, а потому Германия и не была обязана консультироваться с ним при принятии венского решения. Но Молотов 9 сентября 1940 г. выразил Шуленбургу категорическое несогласие с подобной трактовкой и заявил, что с германской стороны «имеет место нелояльное отношение» к обязательству о консультации. 21 сентября Шуленбургу была вручена памятная записка, в которой повторялось это обвинение [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 366. С. 582–583; Док. 367. С. 583–585; Док. 394. С. 615–617, 618–621]. Вместе с тем в советских демаршах вновь, путем повторения ссылок на упомянутое выше заявление германского посла в Риме, задавался вопрос о возможности решения балканских проблем совместно Германией, Италией и СССР. И одновременно указывалось, что правительство СССР не признавало права Германии на «исключительную заинтересованность в вопросах Румынии, а также в прочих вопросах, касающихся Дунайского бассейна» [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 348. С. 547; Док. 367. С. 583–584; Док. 394. С. 618–619]. Это было реанимацией июньских зондажей, чтобы добиться договоренности с державами «оси», прежде всего с Германией, о совместных решениях в балкано-дунайском регионе.

Гитлер ответил тактической игрой, призванной отвлечь внимание Кремля от целей в Европе, в том числе на Балканах, и дезориентировать Сталина по поводу реальных германских намерений в отношении самого СССР. В рамках этой тактики последовало в середине октября приглашение Молотову посетить Берлин, сопровождавшееся заявлением о том, что Германия, Италия и Япония, заключившие 27 сентября 1940 г. Тройственный пакт, и Советский Союз вместе должны согласовать «свои долгосрочные политические цели» и разграничить между собой

«сферы интересов в мировом масштабе». На приглашение Кремль быстро ответил согласием [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 456. С. 695; Док. 458. С. 699; 25. Док. 132. С. 228–235]. И как видно из подготовленных 9 ноября директив о позиции, которую Молотову следовало занять на переговорах в Берлине, на них-то советская сторона рассчитывала обсудить вопрос о Балканах наряду с другими вопросами о «сферах интересов» СССР и держав «оси» [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 491. С. 31].

Тем временем в регионе шло наращивание германской экспансии, давления с целью включения некоторых балканских стран в Тройственный пакт и ввода в них немецких войск. Раньше всего это стало осуществляться в отношении Румынии, где в начале сентября произошли смена короля и создание правительства Й. Антонеску, еще больше усилившего связь с Германией. 20 сентября Гитлер принял решение срочно направить в Румынию войска. В официальном сообщении 9 октября они фигурировали как будто бы лишь армейская и авиационная миссии по оказанию помощи в организации и обучении румынских вооруженных сил. В секретном же решении фюрера указывались в качестве реальных целей защита нефтепромыслов Румынии от захвата и разрушения «третьей державой», подготовка введения в дело из Румынии германских и румынских войск «в случае навязанной нам войны с Советской Россией» [3. Vol. XI. Doc. № 75. P. 126–128; Doc. № 80. P. 136–137; Doc. № 84. P. 144–146]. А после заключения Тройственного пакта возник и вопрос о присоединении Румынии к нему. Такое же предложение, с требованием быстрого ответа, было сделано Берлином в середине октября Болгарии [3. Vol. XI. Doc. № 217. P. 364–365; 13. С. 382].

В ожидании переговоров с Германией Кремль на известие о посылке в Румынию якобы лишь военной миссии с учебными подразделениями предпочел не вдаваться в объяснения с Берлином. Но выразил свое негативное отношение косвенно – через опровержение ТАСС сведений в датской газете, будто СССР был «в должное время» информирован о посылке войск, их численности и целях [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 439. С. 671]. Однако главной задачей Кремля стала подготовка к визиту Молотова в Берлин.

Упомянутыми выше директивами к его поездке предусматривалось, как важнейшая задача, выяснение возможности соглашения с Германией и Италией о сферах интересов в Европе. К своей сфере в балкано-дунайском регионе Кремль хотел отнести в первую очередь Болгарию, на той же основе предоставления ей «гарантий» со стороны СССР, как было сделано Германией и Италией в отношении Румынии, причем «с вводом советских войск в Болгарию». Следовало также добиваться, чтобы с СССР «договорились» о «дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии», лишь с его неперемным участием решали «вопрос о Турции и ее судьбах». В отношении же Греции и Югославии, первая из которых к тому времени уже подверглась нападению Италии, предусматривалось лишь выразить на переговорах в Берлине пожелание узнать, что там «думает Ось предпринять» [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 491. С. 31].

В ходе встреч с Гитлером и Риббентропом 12–13 ноября 1940 г. Молотов вел переговоры в русле этих директив, чуть корректировавшихся телеграфными инструкциями Сталина [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 501, 508, 509]. Однако почти все советские требования, в том числе по балкано-дунайскому региону, натолкнулись на негативную реакцию нацистского руководства. По поводу Болгарии Гитлер, не говоря прямо «нет», ссылаясь на необходимость выяснить, согласятся ли на предлагаемую Молотовым комбинацию сама София, а также Рим. Но их отрицательный ответ был predetermined. По поводу претензий, чтобы с Москвой договаривались о Румынии и Венгрии, германская сторона то указывала на свой особый экономический интерес в дунайских странах в условиях войны, то заявляла, что после войны германские войска уйдут из Румынии и что в отношении

нее не отрицаются интересы СССР, но обсуждать это преждевременно. Гитлер и Риббентроп уклонялись от конкретного обсуждения вопросов о Турции, высказывались за пересмотр в пользу СССР Конвенции в Монрё о проливах, но одновременно с ее аналогичным пересмотром в пользу Германии и Италии. Характеризуя поднимавшиеся Молотовым вопросы как частности, его собеседники настойчиво выдвигали взамен идею договоренности участников Тройственного пакта и СССР о почти общемировом распределении сфер интересов между четырьмя державами. При этом они усиленно подчеркивали, что центр тяжести территориальных устремлений СССР должен лежать не в Европе, а в якобы более выгодном направлении юга, к Индийскому океану. В данной связи было сделано Молотову предложение о соглашении, которое бы на такой основе объединило державы Тройственного пакта и СССР. Молотов в общей форме выразил положительное отношение к «совместной работе» четырех держав. Но заявил, что предложение должно рассмотреть советское руководство, а затем обсуждение между Москвой и Берлином может быть продолжено (советские записи переговоров см. [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 497, 498, 511, 512]; немецкие записи: [25. Док. 138–141]).

В историографии продолжается дискуссия о том, как оценили в Кремле результаты берлинской встречи и какие выводы сделали. Дискуссия ведется главным образом вокруг интерпретации данного 25 ноября Москвой ответа о согласии на заключение «пакта четырех держав», но при условии принятия ряда требований СССР, в основном уже выдвигавшихся при переговорах в Берлине. На Балканах это было отнесение Болгарии к «сфере безопасности» СССР, что закреплялось бы заключением советско-болгарского пакта о взаимопомощи. Говорилось о необходимости соглашения между Германией, Италией и СССР о создании советской военной и военно-морской базы у Босфора и Дарданелл. Предусматривалось, что при согласии Турции присоединиться к четырем державам Германия, Италия и СССР гарантируют ее независимость и территориальную целостность. А при ее отказе предпримут в отношении нее «необходимые военные и дипломатические меры» [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 548. С. 136–137]. О Венгрии и Румынии, уже присоединившихся 20 и 23 ноября к Тройственному пакту, на сей раз ничего не говорилось. Но Болгария еще оттягивала такой шаг, чем Кремль торопился воспользоваться.

Параллельно Москва обратилась с предложением о советско-болгарском пакте и к Софии. Такое предложение уже делалось осенью 1939 г., но было тогда отклонено Болгарией [2. Т. XXII. Кн. 2. Док. 769. С. 279–280; 28. Док. 506. С. 464–465; Док. 510. С. 468–469]. На сей раз предложение сопровождалось обещанием, что СССР окажет Болгарии экономическую помощь и поддержит ее «справедливые территориальные притязания» к Греции (которая тогда отражала итальянскую агрессию), а при определенных обстоятельствах – и к Турции. Особо оговаривалось, что при заключении советско-болгарского пакта отпадут возражения Москвы против присоединения Болгарии к Тройственному пакту и вполне возможно присоединение к нему самого СССР [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 532. С. 109–110; Док. 549. С. 137–138; 3. Vol. XI. Doc. № 438. P. 772–773]. Очевидно, как раз подразумевалось создание «пакта четырех держав».

В историографии сталкиваются два взгляда. Один – что согласие Москвы на заключение «пакта четырех» было чисто дипломатическим маневром: не отвергая прямо германское предложение, торпедировать его выдвижением неприемлемых для Гитлера условий. А другой взгляд – что Кремль, наоборот, решил пойти на заключение «пакта четырех». Пока не известны документы, в которых бы сохранились данные о решениях руководства СССР по итогам визита Молотова в Берлин. Правда, ряд авторов, главным образом в России, использовал свидетельство управляющего делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаева о якобы заседании Политбюро ЦК ВКП(б) вечером 14 ноября 1940 г. с отчетом вернувшегося из

Берлина Молотова. Первым это сделал Сиполс, утверждавший, будто есть стенографическая запись заседания, выполненная Чадаевым. Сиполс, протагонист первого из двух упомянутых взглядов, писал, что запись предоставил ему Г.А. Куманев из своего личного архива. Согласно ей, Молотов сказал на заседании, что в Берлине советская делегация «решительно отклонила» германское предложение о присоединении СССР к «военному блоку Германии, Италии и Японии», а слова Молотова вызвали одобрение Сталина. У Сиполса это фигурировало как доказательство подобной позиции Кремля [16. С. 274–275; 29. С. 158–159]. Но В.К. Волков и Л.А. Безыменский обратили внимание на то, что Сиполс ничего не сообщал ни об археографических характеристиках указанного источника, ни о том, каким образом он, если это стенографическая запись заседания Политбюро, мог оказаться в личном архиве. Других же сведений о подобном заседании нет, а содержание материала, приведенное Сиполсом, противоречило ряду известных фактов. Это ставило под сомнение аутентичность данного материала [13. С. 282–283; 30. С. 360–362].

Сомнение подтвердилось, когда появились публикации Г.А. Куманева, среди прочего содержавшие тот самый материал [31. С. 399–406; 32. С. 469–476]. Оказалось, это не стенографическая запись заседания Политбюро, а один из письменных ответов, которые в мае 1982 г. Чадаев дал на вопросы Куманева. Хотя Чадаев утверждал, что «в основном опирался» на записи, сделанные им на упомянутом заседании Политбюро, это не поддается проверке: в публикации Куманева говорится, что Чадаев «ликвидировал» все свои такого рода материалы [31. С. 390; 32. С. 461]. Между тем в сведениях Чадаева содержится ряд недостоверных данных. Ошибочны указанные им даты отъезда Молотова в Берлин 9 ноября (вместо на самом деле 10-го) и возвращения в Москву 13 ноября (вместо на самом деле 15-го). А потому утверждение, что «заседание Политбюро» с отчетом Молотова состоялось «вечером 14 ноября» [31. С. 400–401; 32. С. 470–471], абсурдно. Сиполс, увидев, очевидно, такую несообразность, «исправил» ее путем подлога: изменил датировку заседания на «вечером 15 ноября», но сослался на Чадаева [16. С. 274; 29. С. 158]. Еще серьезнее несостоятельность заявления, якобы сделанного, по утверждению Чадаева, на упомянутом заседании Молотовым, что в Берлине советская сторона «решительно отклонила» германское предложение о присоединении СССР к державам Тройственного пакта [31. С. 402–403; 32. С. 472]. В связи с этим уже отмечалось, например, Безыменским и мною, что не только немецкие, но и советские записи берлинских переговоров свидетельствуют: Молотов там не отверг предложение относительно соглашения о сотрудничестве между державами Тройственного пакта и СССР, а сказал, что оно будет рассмотрено советским руководством, после чего обсуждение может быть продолжено [15. С. 507–508; 30. С. 362]. Либо изложение Чадаевым слов Молотова и одобрения их Сталиным – вымысел, либо эти первые кремлевские лица вводили остальных членов Политбюро в заблуждение.

Впрочем, недавно Куманев опубликовал новую версию свидетельств Чадаева, связанных с поездкой Молотова в Берлин. В этой публикации, являющейся, по словам Куманева, фрагментом из неизданных мемуаров Чадаева, «заседание Политбюро» уже не фигурирует. Вместо него речь идет о некоем проведенном Сталиным «специальном заседании» с заслушиванием Молотова и обсуждением итогов поездки, а его датой указан «вечер 16 ноября». Всякая конкретика доклада Молотова отсутствует, в том числе нет и его якобы утверждения, что в Берлине советская сторона решительно отклонила предложение о присоединении СССР к державам Тройственного пакта. Соответственно, нет и будто бы выраженное Сталиным одобрения такой позиции. В этом варианте изложение Чадаевым выступления Сталина, значительно более обширное, чем в варианте, данном в предыдущей публикации Куманева, не содержит ни слова о названном выше гер-

манском предложении. Даже упоминая на сей раз ту самую встречу Молотова с Шуленбургом 25 ноября (в публикации она ошибочно датирована 26 ноября), на которой послу было передано советское согласие с этим предложением при условии принятия ряда требований СССР, Чадаев выборочно указывает лишь на два из требований, произвольно умалчивая как об остальных, так и – самое главное – о самом германском предложении и о выраженном Кремлем согласии (всю публикацию см: [33], о заседании и встрече Молотова с Шуленбургом: [33. С. 133–138]).

В свете перечисленных различий и прямых противоречий, с одной стороны, между двумя вариантами опубликованных Куманевым сведений Чадаева, а с другой – между этими сведениями и некоторыми бесспорными фактическими данными из ставших доступными архивными документов, то, что фигурирует как свидетельство Чадаева о реакции советского руководства на итоги переговоров в Берлине, вряд ли выглядит как надежный, достоверный источник.

Но какой бы ни была действительная подоплека направленного Берлину 25 ноября согласия Москвы на то, чтобы – при желательных ей условиях – заключить «пакт четырех держав», нацистское руководство, планировавшее нападение на СССР, не ответило. А София, поощряемая Берлином, отвергла предложение о советско-болгарском пакте [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 564. С. 158–161; Док. 654. С. 343–344; Док. 660. С. 357]. СССР оказался в роли бессильного наблюдателя того, как в конце 1940 – начале 1941 г. Гитлер усиливал давление на Болгарию, приведшее 1 марта 1941 г. к ее присоединению к Тройственному пакту и вступлению в нее немецких войск. Остались безрезультатными возражения Москвы, напминавшей Берлину, что считает Болгарию сферой своих интересов [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 645. С. 327; Док. 654. С. 344–345; Док. 699. С. 434–435; Док. 703. С. 443–444].

С присоединением Болгарии к Тройственному пакту Гитлер усилил нажим на Югославию, добиваясь от нее того же. Такое пожелание было выражено Берлином Белграду в начале декабря 1940 г. и повторялось все настойчивее, в частности на переговорах Гитлера и Риббентропа с премьер-министром Югославии Д. Цветковичем и министром иностранных дел А. Цинцар-Марковичем в середине февраля 1941 г. [1. Кнj. 1. Док. Вр. 331. S. 975–976; Кнj. 2. Док. Вр. 25–26. S. 77–93]. В канун этих переговоров, на фоне сообщений об увеличении немецких войск в Румынии, готовившихся к последующему вступлению в Болгарию, правительство Югославии, пытавшееся лавировать под знаком нейтралитета, поручило посланнику в Москве М. Гавриловичу прозондировать позицию СССР в связи со складывающейся ситуацией [1. Кнj. 2. Док. Вр. 17. S. 62].

Югославия занимала существенное место в устремлениях Кремля. С первых месяцев Второй мировой войны советская сторона стала нацеливаться на установление отсутствовавших до того прямых отношений с Югославией, что было осуществлено в мае–июне 1940 г. При этом руководство СССР проявило заинтересованность поддержать Югославию против угрозы ее подчинения «осью». В мае 1940 г., во время экономических переговоров в Москве, на югославский зондаж был получен ответ о возможности приобретения у СССР вооружения. Молотов весьма прозрачно высказался о необходимости противодействовать опасностям, грозящим Югославии со стороны Германии и Италии, подчеркнул важность усиления югославской обороноспособности [34. Док. 261. С. 314–315; 35. Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 34; Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 11. Л. 120–123]. В сентябре 1940 г. югославский военный атташе в Москве Ж. Попович был принят наркомом обороны и начальником Генштаба, которые выразили стремление пойти навстречу югославским нуждам в вооружении. После чего между Наркоматом обороны и Поповичем начались переговоры о поставках [36. Вох 1. Folder 12. P. 1–2; Folders 14, 18, 21]. С самого начала контактов с югославскими представителями Молотов

поднимал вопрос о возможностях установления более тесных болгаро-югославских отношений, выражая советскую заинтересованность в этом [35. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 11. Л. 120–121; П. 28. Д. 364. Л. 1, 5]. Видимо, в Кремле раздумывали над идеей образования некоего альянса между Югославией и Болгарией, который находился бы под эгидой СССР.

Но Москва пыталась совместить свои интересы в отношении Югославии с сохранением советско-германского взаимодействия, основанного на договорах 1939 г. Отсюда возникало постоянное советское опасение, как бы не обнаружить себя в качестве противовеса Берлину в Югославии и не поставить под угрозу отношения с Германией. На попытки югославской дипмиссии в Москве прояснить, какова может быть позиция СССР при том или ином критическом обороте событий на Балканах, а особенно при непосредственной угрозе независимости или территориальной целостности Югославии, советская сторона предпочитала уклониться от ответа [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 257. С. 425–426; Кн. 2 (Ч. 1). Док. 485. С. 24; 35. Ф. 06. Оп. 2. П. 28. Д. 364. Л. 1–5²; Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 74, 79, 81–82, 90, 94; 37. Vox 31. Folder 2. Gavrilović – MIP, 22.08.1940]. А в посланной 17 октября 1940 г. Молотовым установке о том, какой линии поведения следует придерживаться полпредству СССР в Белграде в отношениях с югославским руководством, указывалось, что Москва сочувствует делу независимости Югославии, но если речь идет об отношениях СССР с Германией, то, поскольку последняя выполняет августовский договор 1939 г., у советского правительства нет оснований для вмешательства в ее действия [2. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 450. С. 687]. Такая позиция сказалась и в переговорах о поставках советского вооружения Югославии. Они тянулись с перерывами до февраля 1941 г. Но несмотря на достижение договоренности об объеме, ассортименте, способах поставок, Москва, вопреки обещаниям, так их и не начала. Судя по непрерывно высказывавшемуся советскими представителями Поповичу опасению, как бы тайна поставок не была нарушена при их осуществлении, главным в советской позиции оставалась боязнь нанести ущерб отношениям СССР с Германией [36. Vox 1. Folders 18, 21, 23, 24, 26, 27, 28, 30, 32, 33, 35, 36. P. 2–3; Vox 2. Folder 28. P. 4–5; Vox 3. Folder «Др Гаврилович, Москва». P. 6, 7] (см. также [13. С. 418, 423, 438–441]). Москва реально избегала ангажироваться оказанием какой-либо поддержки Белграду.

То же произошло, когда 8 февраля 1941 г. Гаврилович, выполняя упомянутое выше поручение своего правительства, попытался выяснить позицию СССР в связи с наращиванием германских войск в Румынии, подготовкой их вступления в Болгарию и опасностью, складывавшейся для Югославии. На вопросы Гавриловича первый заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский уклонился от определенного ответа, в результате чего посланник сообщил в Белград о впечатлении, что СССР, несмотря на свою заинтересованность в Балканах, пока предпочитает выжидать и не вступать в прямой конфликт с Германией [1. Кпј. 2. Док. Вр. 24. S. 74–76; 2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 673. С. 387–389]. Вывод Гавриловича был верен, но, как и неполучение вооружения из СССР, не способствовал упрочению позиции Белграда в противостоянии давлению Берлина.

Однако некоторые источники ставят исследователя перед загадкой, не изменилась ли позиция Кремля в начале марта 1941 г., когда Болгария, уступив гитлеровскому нажиму, присоединилась к Тройственному пакту, а Югославия все еще колебалась перед тем, как сделать окончательный выбор. Ибо 9–14 марта Гаврилович в телеграфной переписке с Белградом, причем вначале по каналам связи британского посольства в Москве, сообщал, что какие-то советские военные представители дали понять: желательно заключение военного пакта между СССР и Югославией, но с такой инициативой должна выступить сама югославская сто-

² Частично опубликовано в [34. Док. 273. С. 333–334].

рона. Этих представителей посланник не называл, но настойчиво рекомендовал своему правительству откликнуться на их пожелание, а пока не соглашаться на требование Берлина. В качестве того, к кому обратились анонимные советские военные, в телеграммах Гавриловича фигурировал отставной полковник Б. Симич [37. Vox 32. Folder 2. Gavrilović, Moskva, 9.03.1941. Str. Pov. Br. 111; 38. № 3. С. 12–15³]. По решению, принятому еще в декабре 1940 г. фактическим правителем Югославии принцем-регентом Павлом Карагеоргиевичем, Симич прибыл в Москву на рубеже февраля – марта 1941 г. под прикрытием должности атташе югославской дипмиссии и имел полномочия для переговоров с советскими властями [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 591. С. 200; 36. Vox 1. Folder 58. P. 15; Vox 2. Folder 28. P. 5; 39. № 1. С. 9; 40]. Не известны ни суть его задания, ни какие-либо данные о его деятельности в Москве. Есть лишь догадки в историографии, что он контактировал с советской военной разведкой. Но из единичных упоминаний о нем в некоторых советских документах, относящихся к чуть более поздним событиям, можно понять, что у Симича были довольно серьезные связи с советской стороной [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 531, 532; 39. № 13. С. 20]. Так что ее тайные предложения могли через него делаться. Однако есть телеграмма Молотова от 14 марта 1941 г. полпредству СССР в Белграде о том, что ставшие распространяться слухи о переговорах с югославами о военном союзе – вымысел [39. № 3. С. 11].

В историографии не раз высказывались сомнения, не являлись ли сообщения Гавриловича предпринятой им с участием Симича (оба были против присоединения к Тройственному пакту), а возможно, и англичан, мистификацией с целью толкнуть Белград на предложение Москве о заключении военного союза. Ибо была надежда, что в случае согласия СССР произойдет укрепление позиции Югославии, которое позволит отвергнуть требование Гитлера. Не исключалось в историографии и то, что намеки Москвы на возможность советско-югославского военного пакта имели место, а телеграмма Молотова была призвана замести следы ввиду боязни осложнения советско-германских отношений (подробнее об историографии см. [13. С. 446–454]). Но бесспорно другое. Стремясь воспрепятствовать принятию Белградом требования Гитлера, Лондон попытался включить в эти усилия СССР. 22 марта британский посол в Москве Стаффорд Криппс обратился к Вышинскому с запросом, не может ли советское правительство выступить против присоединения Югославии к Тройственному пакту. По предложению Криппса, аналогичный шаг предпринял одновременно Гаврилович, без ведома своего правительства. Но оба, после доклада Вышинского Сталину, получили отказ [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 730. С. 490; Док. 731. С. 493–494; 37. Vox 32. Folder 2. Gavrilović – MIP, 23.03.1941, Str. Pov. Br. 133; 41. С. 329; 42. P. 539].

Между тем на встрече с Павлом Карагеоргиевичем 4 марта 1941 г. Гитлер поставил ребром вопрос о присоединении Югославии к Тройственному пакту, и вскоре югославское руководство согласилось, хотя и выторговав у Берлина уступки. 25 марта протокол о присоединении был подписан. Однако, как известно, 27 марта в Белграде произошел военный переворот, наследный принц Петр провозглашен королем, а к власти пришло правительство во главе с одним из руководителей путчистов генералом Д. Симовичем. В ответ Гитлер в тот же день принял решение о предстоящем нападении на Югославию.

Традиционно считалось, что организаторы переворота были связаны с британской разведкой. В югославской историографии и публицистике время от времени появлялись отдельные соображения о том, что советские спецслужбы, возможно, тоже были в курсе подготовки переворота, а то и повлияли на нее. Но ни фактов, ни источников при этом не приводилось (см., например, [43. S. 16; 44. S. 460–461]).

³ Не вполне точный перевод на русский язык опубликован в [39. № 2–3. С. 9–11].

В постсоветское время опубликованы мемуары П.А. Судоплатова, в начале 1941 г. замначальника разведуправления Наркомата госбезопасности (НКГБ) СССР, в которых говорится, что представители советских разведслужб, в соответствии с решением Сталина и Молотова, оказали «помощь», «активно поддержали» переворот [45. Р. 118–119; 46. С. 136–137⁴; 48. С. 129–130]. Хотя о том, в чем конкретно это выражалось, у Судоплатова нет ни слова, авторы некоторых работ, например Ж.А. и Р.А. Медведевы или С.А. Романенко, приняли его утверждение, без всяких оговорок, за истину, включая и версию о посылке из Москвы в Белград для содействия путчистам нескольких видных работников разведки НКГБ и военной разведки [49. С. 16; 50. С. 311–312]. Однако по крайней мере об одном из тех, кто фигурирует среди посланных, известном деятеле военной разведки М.А. Мильштейне, участии которого авторы упомянутых работ склонны придавать особое значение⁵, существуют сведения, противоречащие версии Судоплатова. Согласно мемуарам Мильштейна, тоже опубликованным в постсоветское время, он ездил в Югославию, но еще осенью 1940 г. и вне всякой связи с югославскими делами: Белград был лишь местом его нелегальной встречи с Ш. Радо, руководителем базировавшейся в Швейцарии советской разведывательной группы [53. С. 59]. Между тем никакие документальные данные о советской причастности к перевороту исследователям так и не известны⁶. И утверждение Судоплатова остается лишь версией.

Но документы свидетельствуют, что Москва проявила сильнейшую заинтересованность, как только глава нового правительства Югославии Симович сразу же после переворота передал через полпредство СССР в Белграде устное предложение заключить советско-югославский договор о взаимопомощи. На состоявшейся утром 30 марта встрече с руководством полпредства министр армии и флота Б. Илич официально повторил предложение. Он не скрывал расчета на то, что такой шаг, с одной стороны, вынудит Германию и ее сообщников по «оси» воздержаться, хотя бы на время, от нападения на Югославию, а с другой стороны, обеспечит получение необходимого вооружения для югославской армии. Через несколько часов последовала просьба от Симовича о быстрой организации переговоров о заключении договора. На следующий день Молотов телеграфировал о согласии на немедленное прибытие югославской делегации в Москву [54. К. 8. Br. Reg. 2/1, 191; 39. № 10–11. С. 17–19; № 13. С. 20].

То, что обе стороны очень торопились, свидетельствует об обоюдном стремлении упредить возможное нападение стран «оси» на Югославию и поставить Берлин перед совершившимся фактом. По той же причине подготовка переговоров и сами они шли в обстановке строжайшей секретности. В Москве информация об этом поступала лишь Сталину, Молотову и отряженному для переговоров Вышинскому. Остальной состав Политбюро познакомили лишь 4 апреля с уже выра-

⁴ См. также переиздание этой книги под другим названием [47. С. 178–179].

⁵ Хотя и Медведевы, и Романенко ссылались только на российские издания мемуаров Судоплатова, в которых отсутствуют инициалы Мильштейна, однако в своих работах указывали инициалы, приведенные в американском издании мемуаров: С.Р. Мильштейн [49. С. 16; 50. С. 997]. Но С.Р. Мильштейн был в то время ответственным работником НКГБ, а в Разведуправлении Красной Армии работал его однофамилец М.А. Мильштейн. Очевидно, в американском издании произошла путаница, ибо в последующих публикациях двух сыновей Судоплатова, основанных на материалах отца, фигурировал именно М.А. Мильштейн [51. С. 270, 291; 52. Кн. 1. С. 295, 338; Кн. 2. С. 516–517].

⁶ В частности, в конце 2011 г. Институтом славяноведения РАН, исходя из задач изучения истории Югославии и политики СССР в отношении этого государства в период Второй мировой войны, посылался в соответствующее подразделение ФСБ РФ запрос о том, имеются ли документальные данные, так или иначе касающиеся версии о причастности советских разведслужб к перевороту 27 марта 1941 г. И был получен ответ, что в Центральном архиве ФСБ архивных документов, подтверждающих участие сотрудников НКВД–НКГБ СССР в подготовке и осуществлении переворота, не имеется.

ботанным текстом договора, в тот же день, когда он должен был быть подписан, о нем было сообщено Молотовым Шуленбургу [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 740. С. 510, 511; Док. 742. С. 512; Док. 743. С. 514; Док. 744. С. 515; Док. 745. С. 516; Док. 746. С. 518; Док. 751. С. 531].

В историографии была распространена версия, будто в ответе Молотова о согласии на прибытие югославской делегации в Москву говорилось о готовности к заключению военного союза, в то время как на самих переговорах советская сторона изменила позицию, предложив лишь договор о дружбе и ненападении. Но в телеграмме Молотова вовсе не упоминалось о предмете переговоров. Кремль оставлял себе руки свободными, а 3 апреля, когда начались переговоры, югославские проекты договора о дружбе и военного соглашения (см. [35. Ф. 07. Оп. 2. П. 13. Д. 77. Л. 1–5]) отверг, предложив взамен заключение договора о дружбе и ненападении с одновременной негласной договоренностью о снабжении югославской армии вооружением. Югославские участники приняли это без возражений. Они дали свое согласие даже тогда, когда советская сторона изменила собственный проект договора, понизив предусмотренные в нем обязательства вообще до уровня нейтралитета. И лишь чуть позже, спохватившись, югославская делегация, возглавляемая Гавриловичем, не согласилась с формулой о нейтралитете, ввиду чего подписание договора, намеченное Кремлем на вечер 4 апреля, пришлось отложить. И состоялось оно только под утро 6 апреля [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 743. С. 514–515; Док. 745. С. 516–518; Док. 751. С. 531–532; 37. Vox 32. Folder 3. Gavrilović – MIP, 4.04.1941, Str. Pov. Br. 169, 170].

Советское руководство в итоге пошло на то, чтобы договор был подписан в варианте, где отсутствовала формула о нейтралитете. В историографии получила хождение версия, что к этому Кремль вынудила неуступчивость Гавриловича, иначе отказывавшегося от подписания. Но из советских документов следует, что, хотя посланник долго упорствовал, однако ночью с 5 на 6 апреля согласился на подписание даже варианта с формулой о нейтралитете. Этого, однако, не пришлось делать, ибо вслед за тем Сталин и Молотов заявили об исключении упомянутой формулы [39. № 30. С. 33–34]. Очевидно, что советское решение прибегнуть к ней было обусловлено опасением обострить отношения с Берлином до слишком опасного уровня. Причины последующего отказа от нее не совсем ясны. В телеграмме Вышинского полпредству в Белграде отказ объяснялся как намерением не создавать впечатления, что если Югославия подвергнется нападению, то СССР умоет руки, так и учетом пожелания югославского правительства [39. № 28. С. 32].

Однако важнее вопрос о том, какие цели преследовало заключение договора с Югославией с точки зрения основных в тот момент внешнеполитических устремлений Сталина. Никакие документы советского руководства на сей счет не известны. Если верить мемуарам Судоплатова, в планы Сталина входило установление взаимодействия Югославии и Греции против Германии и Италии, которое задержало бы и продлило военные операции «оси» на Балканах, отсрочив надвигавшееся нападение на СССР [45. Р. 118–119; 46. С. 136–137]. Хотя проверить это утверждение пока невозможно, обращает на себя внимание то обстоятельство, что 5 апреля Вышинский с ведома Сталина и Молотова, вопреки всей прежней политике противодействия Лондону на Балканах, в том числе в Югославии, посоветовал югославам пойти на получение британской военной помощи [2. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 532]. Значит ли это, что Кремль был заинтересован, чтобы военная операция в Греции при поддержке англичан в итоге распространилась и на Югославию? И если да, то рассчитывал ли Сталин, что это на время отодвинет германское нападение на СССР? Или хотел путем осложнений для Германии на Балканах вынудить Гитлера к новым переговорам с Москвой и новому советско-германскому соглашению, в том числе и по поводу советской сферы в балкано-дунайском регионе?

Но каковы бы ни были расчеты Сталина, они оказались нереальными. Почти в те же ранние часы 6 апреля 1941 г. началась гитлеровская агрессия против Югославии, а также Греции, быстро приведшая к их захвату. Кремль был поставлен Гитлером перед совершившимся фактом.

В советской историографии имел место сформулированный в «Истории дипломатии» официальный тезис, будто в тот же день, когда произошло нападение на Югославию, правительство СССР «через наркома иностранных дел сделало новое предупреждение Гитлеру» [55. С. 158]⁷. При этом давалась ссылка на советскую архивную запись беседы Молотова с Шуленбургом, состоявшейся 6 апреля, но содержания беседы не приводилось. Тезис о «новом предупреждении Гитлеру» был дословно повторен в упоминавшейся выше справке Историко-документального департамента МИД РФ, помещенной на сайте МИД в ноябре 2011 г. [19]. И вновь – при полном умолчании о конкретном содержании беседы. Между тем уже давно было опубликовано донесение Шуленбурга в Берлин о состоявшейся по его инициативе встрече 6 апреля 1941 г. с Молотовым. На ней посол, по поручению Риббентропа, сообщил о нападении на Югославию. Согласно донесению, в ответ на сообщение Молотов выражал лишь сожаление, говоря, как «крайне печально, что, несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным» (в переводе на русский язык этот документ см. [25. Док. 161. С. 316]). Теперь стала доступной советская запись той же беседы, куда более обширная, но подтверждающая зафиксированный Шуленбургом характер сказанного Молотовым. Ни о каком «предупреждении Гитлеру» там не было и намека [35. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 3. Л. 121–123об., 125–130]. Тезис, выдвинутый в «Истории дипломатии» и отсюда заимствованный в справке Историко-документального департамента МИД РФ, – просто вымысел.

Кремлю было в тот момент не до предупреждений фюреру. Установление на Балканах господства держав «оси», прежде всего Германии, было поражением сталинской политики в этом регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata. Beograd, 1969. Knj. 1; Beograd, 1987. Knj. 2.
2. Документы внешней политики. М., 1992. Т. XXII. Кн. 1, 2; М., 1995. Т. XXIII. Кн. 1; М., 1998. Кн. 2 (Ч. 1, 2).
3. Documents on German Foreign Policy, 1918–1945. Ser. D (1937–1945). Washington, 1957. Vol. X; Washington, 1960. Vol. XI.
4. Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы. М., 2000. Т. II.
5. Мельтюхов М. Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). М., 2006.
6. Голуб Ю.Г., Аблизин В.А. Бессарабская проблема в контексте советско-германских отношений 1939–1941 гг. Саратов, 2009.
7. Пакт Молотова – Риббентропа и его последствия для Бессарабии: Сб. документов. Кишинев, 1991.
8. Разъяснить румынским солдатам безнадежность войны против СССР // Источник. 1995. № 3.
9. Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.
10. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. Пер. с англ. М., 1999.
11. Roberts G. Stalin's Wars: from World War to Cold War, 1939–1953. New Haven; London, 2006.
12. Системная история международных отношений в 4 т. События и документы. 1918–2000. М., 2000. Т. 1. С. 386–387; Ложкин А.Г. Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований. М., 2012. С. 42, 59, 176 и след.
13. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999.

⁷ В качестве предшествовавших «предупреждений» фигурировали при этом само подписание советско-югославского договора и предварительное извещение о нем германской стороны Молотовым [55. С. 157].

14. Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008.
15. Гибанский Л.Я. Балканский кризис и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006.
16. Сиполс В. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997.
17. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. (Документы, факты, суждения). М., 2000.
18. Мировые войны XX века. В 4-х кн. М., 2002. Кн. 3.
19. Внешнеполитическая деятельность СССР накануне Великой Отечественной войны (справка). 17–11–2011 // <http://www.mid.ru/bdomp/ns-arch.nsf/88ff23e5441b5caaa43256b05004bce11/edd9c32e32f7d3eac3257929001f58e51?Open>.
20. Российский государственный военный архив.
21. Внешняя политика СССР: Сб. документов. М., 1946. Т. IV.
22. О лживом сообщении агентства Гавас // Правда. 1939. 30 VII.
23. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2008.
24. Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1995.
25. Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941: Документы и материалы. М., 1991.
26. Смирнова Н.Д. Советско-итальянские взаимоотношения. 1939–1940 // Война и политика. 1939–1941. М., 1999.
27. Венгрия и вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. Пер. с венг. М., 1962.
28. Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. М., 1976. Т. I.
29. Сиполс В.Я. Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 3.
30. Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.
31. Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999.
32. Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005.
33. Из воспоминаний управляющего делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаева // Новая и новейшая история. 2012. № 3.
34. Советско-югославские отношения 1917–1941 гг. // Сб. документов и материалов. М., 1992.
35. Архив внешней политики Российской Федерации.
36. Hoover Institution Archives (Стэнфорд). Collection: Žarko Popović Papers.
37. Hoover Institution Archives. Collection: Milan Gavrilović Papers.
38. Отноши Југославије и Русије (СССР) 1941–1945: Документи и материјали. Београд, 1996.
39. Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998.
40. Архив Југославије (Белград). Ф. 378. Фасц. 1 (несређено). Арх. јед. «Посланство КЈ у Кујбишеву 1940/1941. Персонална решења службеника». Персонална документација «Симий Божин».
41. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным. 1924–1953 гг. Справочник. М., 2008.
42. Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1970. Vol. I.
43. Petranović B., Dautović S. Jugoslovenska revolucija i SSSR (1941–1945). Beograd, 1988.
44. Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije: Uzroci i posledice poraza. 2. izd. Ljubljana; Beograd; Titograd, 1984. Knj. 1.
45. Sudoplatov P., Sudoplatov A. with J. and L. Schechter. Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness – a Soviet Spymaster. Boston; New York; Toronto; London, 1994.
46. Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.
47. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997.
48. Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. М., 2001.
49. Медведев Ж.А., Медведев Р.А. План «Барбаросса» // Вопросы истории. 2002. № 6.
50. Романенко С.А. Между «Пролетарским интернационализмом» и «Славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М., 2011.
51. Судоплатов А. Советская политическая и военная разведка // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995.
52. Судоплатов А.П. Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце. М., 1998. Кн. 1, 2.
53. Мильштейн М.А. Сквозь годы войн и нищеты: Воспоминания военного разведчика. М., 2000.
54. Војни архив Института за стратегијска истраживања (Белград). Фонд ANJ.
55. История дипломатии. Изд. 2-е. М., 1975. Т. IV.

© 2013 г. *Ар.А. УЛУНЯН*

ТАЙНА ОПЕРАЦИИ «ПРОРЫВ». КАК ГОТОВИЛСЯ Э. ХОДЖА К «ХАОСУ ПОСЛЕ ТИТО»

В статье рассматривается малоизученный в историографии вопрос подготовки коммунистического режима Албании в конце 1970-х годов к возможному кризису в соседней Югославии. Опасения главы АПТ Э. Ходжи по поводу предполагаемого военно-политического конфликта в СФРЮ и в Балканском регионе нашли отражение в разработанном, а затем отклоненным им самим по объективным причинам плана военной операции на случай угрозы Албании со стороны двух блоков, ОВД и НАТО, а также их отдельных членов.

The article explores an ill-studied issue of modern history-writing, namely the steps made by the Albanian Communist regime in the 1970s to get prepared to a possible crisis in the neighbouring Yugoslavia. Enver Hoxha, the leader of the Party of Labour of Albania, was concerned with a possible political conflict in the Socialist Federative Republic of Yugoslavia and in the Balkan region as a whole. He worked out a plan of a military operation in case Albania would be endangered by the two blocks, the Warsaw Treaty and the NATO, or any of their members. Later, however, he annulled this plan for certain objective reasons.

Ключевые слова: Э. Ходжа, Албания, военная операция «Прорыв», холодная война, СССР, Балканы, Болгария, Китай, Румыния.

Со второй половины 70-х годов XX в. дальнейшая судьба Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) все больше оказывалась в центре внимания руководства соседней коммунистической Албании, как, впрочем, и политических кругов ряда стран, включая США и СССР, в силу объективных причин – возраста главы Югославии Й. Броз Тито и отсутствия ясности перспектив того, как будет развиваться страна после ухода ее пожизненного президента. Вероятность участия СССР и его союзников по Организации Варшавского договора (ОВД) в военных действиях на Балканах с целью «возвращения» СФРЮ в орбиту советского влияния в условиях внутривосточного кризиса на «последитовском» этапе ее развития рассматривалась главой Албанской партии труда (АПТ) Э. Ходжей со всей серьезностью. Его внимание к политике советского руководства на Балканах и, особенно в отношении коммунистических стран региона, осенью 1976 г. было во многом обусловлено активизацией контактов Москвы с Белградом и Бухарестом, которые традиционно выступали с «особых» позиций в отношениях с Кремлем. Визит Л.И. Брежнева 15–17 ноября в Югославию, а 22 ноября – в Румынию, где 25–26 ноября намечалось проведение заседания Политического консультативного комитета стран-участниц ОВД, оценивался Ход-

Улуния Артем Акопович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

жей не только в контексте внешнеполитического положения, но и военно-стратегической ситуации в регионе.

Особый акцент глава АПТ делал на определение характера послетитовского периода развития СФРЮ. В этой связи он особо отмечал противоборство СССР и США за влияние на ситуацию в этой стране и попытки двух сверхдержав получить поддержку соответствующих кланов и групп в руководящих кругах Югославии [1. Vol. 59. F. 361]. Готовность советской стороны оказать СФРЮ экономическую помощь, включая поставки вооружений, расценивались Ходжей как отвлекающий маневр, рассчитанный на достижение главной цели – получить контроль над Югославией. Возможность инициирования со стороны СССР и его политического союзника в регионе – Болгарии – каких-либо действий внутриполитических сил СФРЮ, направленных на реализацию данного плана, вызывала резкое неприятие Ходжи. В непредназначенных для оглашения личных записях он писал, что в случае «если они (СССР и НРБ. – *Ар.У.*) спровоцируют пролитие крови, кровь вызовет кровь, и мы, албанцы, будем воевать с ними и победим. Почему открыто не сказать нашим братьям, народам Югославии: СССР и Болгария должны знать, что албанцы, живущие в Югославии, являются нашими братьями в Косово, Македонии, Черногории и они неприкосновенны. Сейчас они живут вместе с народами Югославии, но если кто-либо третий придет и захватит Югославию, будьте уверены – албанцы восстанут» [1. Vol. 59. F. 368]. Использование «албанской карты» в момент советского военного вмешательства во внутриюгославские дела могло произойти в исключительном случае, что, судя по всему, понимал и Ходжа. Он считал, что СССР предпочтет более мягкий способ, так как Кремль учитывал опасность для себя военных действий в Югославии. Тема албанского национального меньшинства в СФРЮ в данном случае приобретала характер серьезного фактора, имеющего прямое отношение к оборонной политике хожистского режима. Осенью 1976 г. глава АПТ обращался к этому вопросу и на международном уровне, во время бесед с иностранными политическими и общественными деятелями, приезжавшими в Албанию. Во время переговоров он упоминал о беседах с Й. Броз Тито в 1946 г., когда он говорил главе Коммунистической партии Югославии (КПЮ) о необходимости передачи Косово и ряда других мест с компактным проживанием албанцев в состав Албании [1. Vol. 59. F. 397].

Для СССР «албанский фактор» также имел большое значение не только в региональном контексте, но и более широко, европейском. В аппарате ЦК КПСС внимательно отслеживали ситуацию в «албанском секторе» международного коммунизма, прибегая к помощи советской разведки. 17 февраля 1977 г. заместитель начальника Первого главного управления КГБ СССР Е. Шишкин направил резидентам советской разведки за рубежом ориентировку «Взгляды Запада на различные аспекты внутриполитической ситуации и внешней политики Албании после VII съезда Албанской партии труда». В ней, в частности, говорилось: «Внешнеполитический курс АПТ после VII съезда (1–7 ноября 1976 г. – *Ар.У.*) продолжает оставаться антисоветским и прокитайским. Албанские руководители придают первостепенное значение в своей внешней политике отношениям с Китаем. В то же время наблюдается определенное охлаждение в албано-китайских отношениях [...] Так, ряду деятелей, которые в декабре 1976 г. посетили Тирану, представляя так называемые марксистско-ленинские партии, ЦК АПТ рекомендовал не высказывать своих оценок относительно событий в Китае до тех пор, пока Албания не определит собственную позицию по данному вопросу [...] Как заявил недавно министр иностранных дел Греции Бициос, целью греческой политики является убедить Албанию, что она выиграет, наладив более тесные связи с другими Балканскими странами и с Западом» [2. P. 43–45].

Расстановка сил в югославском руководстве и перспектива развития ситуации в СФРЮ в ближайшем будущем являлись предметом особого интереса Ходжи. Изначально прогноз Первого секретаря АПТ, сделанный им в начале декабря 1977 г., базировался на твердом убеждении в том, что после смерти главы СФРЮ Й. Броз Тито в стране наступит период долгой дестабилизации [1. Vol. 62. F. 22]. СССР и США будут стараться получить контроль над страной. В соответствии с этим сценарием «для каждой из двух больших военных группировок в Европе обладание Югославией значит усиление стратегических позиций в отношении противоположной стороны. В случае, если НАТО теряет влияние в Югославии, то тогда Советский Союз получает выгоду, откалывает Грецию, создает угрозу Австрии, имеет проход в Италию, доминирует в Адриатике и Средиземноморье. Таким образом, НАТО несет большие стратегические потери. Но позволит ли это американский империализм? Я думаю, что едва ли. Будет ли воевать американский империализм с Советским Союзом, если тот глубоко запустит когти в Югославию или военным путем займет ее? Я думаю, что НАТО не будет сидеть сложа руки, пока дело не дошло до большого пожара, начнется обострение борьбы экономическими и политическими методами, которыми они располагают, за Югославию. Смерть Тито создаст для нас головную боль» [3]. В этой связи для Албании было важно оградить себя от возможных последствий внутривосточной нестабильности СФРЮ, для чего требовалось иметь нормальные отношения с Грецией, на часть территории которой, как считал Ходжа, могла претендовать при поддержке со стороны СССР и НРБ Югославская Республика Македония, в укреплении позиций которой в регионе Эгейского моря были, как считал глава АПТ, заинтересованы и Москва и София [1. Vol. 62. F. 30]. Отличительной чертой этого прогноза от предыдущих, сделанных на протяжении первой половины 70-х годов XX в., было особое внимание его автора именно к албанскому фактору.

На фоне обострившихся взаимоотношений с КНР и в условиях усиливавшейся самоизоляции Народной Социалистической Республики Албании (НСРА) на международной арене Ходжа все активнее обращался к вопросу о необходимости усиления обороноспособности страны и готовности борьбы с агрессором. Окончательно принятая режимом концепция опоры на собственные силы (автаркии) и постоянно присутствовавший в политической пропаганде тезис «осажденной крепости» влияли на формулирование военно-стратегических задач оборонной политики. Это с особой силой проявлялось во время проводившихся с сентября 1977 г. военных учений с привлечением большого количества техники и личного состава не только регулярной армии, но и Добровольческих сил народной самообороны¹. Проходившие в конце сентября 1977 г. в районе г. Люшня военные учения под названием «Арденица» были призваны обеспечить отработку совместных действий регулярной армии, включая танковые подразделения, с Добровольческими силами самообороны против иностранного авиадесанта, который, по условиям вводной, мог быть сброшен в долине горы Арденица [4]. Этот район был выбран не случайно, так как он имеет непосредственный выход к морю, а сама долина удобна для проведения десантной операции.

Сценарий учений отражал представления албанского партийно-государственного руководства и лично Э. Ходжи о вероятных методах нападения на Албанию. Более того, в регионе, избранном для учений, власти использовали труд политзаключенных для осушения расположенных там болот, а также ссылали в эти места неблагонадежных с точки зрения режима. Возможно, в расчет брался и этот фактор. Прибывшие 25 сентября для разбора учений член Политбюро ЦК АПТ Х. Капо, начальник Генерального штаба В. Лакай и заведующий военным отде-

¹ О роли Добровольческих сил народной самообороны см. в [3].

лом ЦК АПТ Г. Чучи достаточно жестко критиковали руководителей учений за неумение обеспечить взаимодействие частей армии и Добровольческих сил, а также слабую военную подготовку партийных кадров [4].

Особое значение происходящему придавал факт резкого обострения взаимоотношений между Тираной и Пекином, а также очередное осложнение албано-югославских отношений. Вторым человеком в иерархии коммунистической номенклатуры НСРА – премьер-министр и министр обороны М. Шеху выступил одновременно как против КНР, так и соседней СФРЮ. Власти последней обвинялись в преследовании албанцев в этой стране. Такие действия воспринимались в самой Югославии и за ее пределами как поддержка албанского ирредентизма, в частности, в Косово. Одновременно Шеху открыто обвинил руководство КНР в том, что оно подготавливало заговор с целью свержения албанского партийно-государственного руководства.

В ноябре 1977 г. глава МВД НСРА К. Хазбиу представил по распоряжению Ходжи документ, в котором детально анализировалась ситуация в Косово и варианты решения этой проблемы. Единственный раз и только в этом секретном материале, составленном официальным ведомством коммунистической Албании, выдвигался тезис о том, что правительство НСРА поддерживает идею объединения албанцев, и высказывался прогноз развития ситуации в СФРЮ после смерти Тито. В документе, в частности, заявлялось о том, что «мы (НСРА. – *Ap. V.*) поддерживали всеми силами косоваров, насколько позволяли возможности развития ситуации. И мы были за то, чтобы они соединились с Албанией, потому что это обеспечило бы национальное единство»². Одновременно в документе, составленном в МВД, а по сути, в разведке – Управлении государственной безопасности, являвшемся структурным подразделением министерства, заявлялось и о том, что «по Косово работают иностранные силы, Соединенные Штаты и СССР» в контексте планов этих государств, «доминирующих в Югославии», и они «ведут активную работу по определению различных внутренних процессов и титовском государственном аппарате» [5]. Основной упор при работе на «косовском направлении» в материале, представленном К. Хазбиу, делался на пропаганду и культурно-массовые мероприятия, способствующих укреплению национальных чувств албанцев. В документе также ставилась задача подготовить военный план на случай чрезвычайной ситуации и для этого изучить местность, возможности людских ресурсов албанского населения, а также разработать оперативный план, предусматривавший несколько сценариев [5]. Во время обсуждения документа глава АПТ заявил о том, что «косовский вопрос имеет огромное значение для свободы Албании; Косово является большой силой для обороны Албании, силой, которая служит усилению Албании на Балканах и в Европе». В связи с чем он потребовал не жалеть средств и сил на Косово, так как они, по его мнению, окупятся в будущем [5].

Действия Ходжи по внешнеполитическим вопросам сопровождалась также актуализацией в очередной раз, но в более развернутой форме темы этнопатриотизма. Она озвучивалась в связи с готовившимися торжественными мероприятиями, посвященными 100-летию Призренской лиги. В действительности эта тема являлась развитием его тезисов, относящихся к декабрю 1977 г. Они излагались в дневниковых записях, не предназначенных для посторонних и посвященных размышлениям о ситуации «после Тито» [1. Vol. 62]. Выдвижение на первое место Ходжей идеи внутриэтнической солидарности албанцев и апелляция к ситуации, складывавшейся с албанским населением СФРЮ, происходило на фоне усиления национального движения албанцев-косоваров. Как накануне

² См. публикацию секретного материала, название которого и точная дата, за исключением упоминания о ноябре 1977 г., не дается [5].

устроенной 12 июня 1978 г. в Тиране специальной торжественной конференции, посвященной 100-летней годовщине Призренской лиги, так и в период проведения XI съезда Союза коммунистов Югославии (СКЮ), проходившего в Белграде 20–23 июня 1978 г., тема национального освобождения албанцев СФРЮ, проживающих, как отмечал глава АПТ, на собственной территории, превращалась в важный элемент внешнеполитического курса Тираны. Эта тема могла приобрести, при определенных обстоятельствах, военно-политический характер. С целью усиления влияния на албанцев в СФРЮ и особенно в Косово, в структуре аппарата ЦК АПТ в 1978 г. был создан Сектор внешней пропаганды (Sektori të Propagandës me Botën e Jashtë) или, как он неофициально назывался – Сектор Косовы (Sektori i Kosovës)³. Его задача заключалась в анализе ситуации, складывавшейся в населенных албанцами регионах Югославии и пропаганда идеи этнического единства албанцев, независимо от существовавших межгосударственных границ. В этой связи, «государственная политика в отношении Косова базировалась на платформе, в основе которой лежало требование “Косово – Республика” в составе югославской федерации, а не на войне. Все министерства и государственные институты, поддерживавшие отношения с Косовым, должны были реализовывать эту платформу и ориентировались [в своей деятельности], руководствуясь ею» [6].

Для руководителя АПТ «албанская тема» становилась в данном контексте одной из важнейших с точки зрения военно-политической ситуации на Балканах. Анализ, который делал Ходжа, не был пока рассчитан на широкую аудиторию, так как мог еще больше осложнить взаимоотношения Тираны с Белградом не только в политическом смысле, но и создать условия для военного противостояния, а также привлечь внимание как на Западе, так и Востоке в силу недвусмысленности позиций руководства НСРА в недалеком будущем. В то же время, этноисторический фактор начинал играть все большую роль в так называемом военно-политическом массовом образовании, являвшимся частью оборонной политики хождистского режима. Это нашло отражение в публикации специальных учебных пособий, сочетавших в себе историко-географические и военные аспекты общей военной подготовки населения (см., например [7]).

Сценарии развития событий в Югославии, предполагавшиеся Ходжей, носили конфронтационный характер. Как полагал глава АПТ, после смерти Тито в руководстве СФРЮ должна была начаться борьба за власть, в ходе которой каждая из враждующих группировок старалась бы найти поддержку за рубежом и, в первую очередь, у США и СССР, возглавлявших соответствующие военные блоки – НАТО и ОВД. Конфликт между ними мог привести к попытке использовать вооруженные силы двух противостоящих военно-политических пактов и, как делал в июне 1978 г. вывод Ходжа, «в этой ситуации наша страна окажется перед риском нападения как с одной стороны, так и с другой, а не по отдельности с каждой, но с двух сторон вместе» [8. Ф. 539]. В случае столкновения НСРА с СССР, который бы прибег, по мнению руководителя Албании, к интервенции против Югославии, глава АПТ рассчитывал на объединение действий с албанцами, проживавшими в Косово, Черногории и Македонии. Подготовка к предстоящим событиям фактически становилась важным элементом деятельности государственного и партийного аппарата коммунистической Албании, а сам ее глава делал ставку на «патриотическое воспитание» (как он это называл) албанского населения СФРЮ [8. Ф. 539]. С целью поддержания боеготовности вооруженных сил, а также Добровольческих сил самообороны на наиболее опасных с точки зрения возможного вторжения стратегических направлениях и, прежде всего, на прилегающей к гра-

³ См. интервью А. Попочи с бывшим сотрудником Сектора внешней пропаганды ЦК АПТ К. Породины, являвшимся участником и очевидцем событий конца 70–80-х годов XX в. [6].

нице СФРЮ территории НСРА, с октября 1978 г. усиливались размещенные там части армии и проводились учения⁴.

Для албанской стороны становилась важным фактором степень боевой готовности югославских вооруженных сил и военизированных структур, в частности, Территориальной обороны, для отражения возможной иностранной агрессии. Тем временем, тесная связь югославской внешней, внутренней и оборонной политики усилилась во второй половине 70-х годов XX в. Это особенно четко проявилось на проходившем 20–23 июня 1978 г. съезде СКЮ. Иностранные аналитики обращали внимание на сформировавшиеся к этому времени так называемые «три основных столпа жизни страны и стабильности»: личность Тито, вооруженные силы и СКЮ [10]. Продолжение курса на неприсоединение и укрепление независимой внешней политики являлось для Белграда важнейшим ориентиром на международной арене. В этой связи для югославского руководства расстановка сил в Балканском регионе представляла особую значимость, так как от позиций СФРЮ на полуострове и взаимоотношений с Балканскими странами – членами двух противостоявших военно-политических блоков – ОВД (Болгарией, Румынией) и НАТО (Грецией и Турцией), и не входившей ни в один из пактов, но поддерживавшей тесные отношения с КНР Албанией, зависел не только международный престиж Югославии, но и проводимая ею оборонная политика как государства-члена Движения неприсоединения. Ухудшение взаимоотношений Тираны и Пекина, как отмечали зарубежные эксперты, достаточно точно определявшие оценку югославской стороной албано-китайских отношений, с позиций внешнеполитических и оборонных интересов Белграда имело двоякое значение. С одной стороны, для Югославии усиление изоляции Албании было положительным фактом, так как наносило серьезный удар по режиму Э. Ходжи. Однако, с другой – югославская сторона опасалась, что руководство НСРА могло пойти на компромисс с Кремлем, что было способно «усилить опасность для Югославии с учетом 1,5 млн албанцев, проживавших в Косово, Македонии и Черногории. При обострении болгаро-югославского конфликта по поводу Македонии любое ухудшение албано-югославских отношений относительно Косово могло иметь неблагоприятные последствия для будущего Югославии после исчезновения Тито с политической сцены [...] Вот почему одним из аргументов, используемых югославскими комментаторами, освещавшими конфликт между Пекином и Тираной, являлся и такой, что Албания ныне выступает не только против Югославии и Китая, но и против Советского Союза» [11].

Драматические и не озвучивавшиеся главой АПТ прогнозы делались на фоне жесткой публичной критики албанской стороной политики КНР, хотя, как отмечали иностранные обозреватели, и без конкретного упоминания Китая. Одновременно Тирана выступила с призывами не распространять межпартийные противоречия на межгосударственные отношения. Для руководства Албании, которая не собиралась отказываться от избранного в отношении Пекина курса, было важно не допустить сближения китайской и югославской позиций в оценке действий Албании и ее места на Балканах. Одновременно было важно избежать перехода КНР к враждебному по отношению НСРА внешнеполитическому курсу. Тем не менее, официальная Тирана солидаризировалась с Ханоем во время усиления вьетнамо-кампучийского конфликта, в то время как КНР оказывала поддержку кампучийскому режиму «Красных кхмеров».

Реакция Ходжи на доклад Й. Броз Тито, зачитанный на XI конгрессе СКЮ (20–23 июня 1978 г.) и называвшийся «Союз коммунистов Югославии в борьбе за дальнейшее развитие социалистического самоуправления и неприсоединение

⁴ См. свидетельство З. Кройи – бывшего командира пехотной бригады в г. Перреньяс, находящегося на востоке Албании, недалеко от границы с СФРЮ, на побережье оз. Охрид [9. 2010. 22 П].

Югославии» была однозначно негативной. Она свидетельствовала о потенциальной возможности конфликта между двумя странами по этнотерриториальному вопросу. Так, в частности, глава АПТ отмечал 22 июня 1978 г. в дневнике: «Фактом является то, что даже после освобождения народов Югославии, боровшихся за свою свободу, им не было разрешено самоопределяться и действовать так, как они того желают, а они были объединены силой в федерацию, которую затем переименовали в Социалистическую Федеративную Республику Югославию. Одним из этих народов, которому не было предоставлено никакой возможности на самоопределение, является албанское население, составляющее около двух миллионов человек и проживающее на собственной земле. Албанское население, которое проживает на собственных территориях в Югославии, превышает по численности население Македонии и Черногории. Поэтому, требовать и бороться якобы за самоопределение других народов в то время, когда в твоей стране и в соответствии с твоей же, якобы социалистической теорией, ты создал возможности и не позволяешь этого, то это, я подчеркиваю, является блефом» [1. Vol. 67. F. 81].

Достаточно откровенная позиция Ходжи по этнотерриториальному вопросу, а также ожидание скорейшего ухода Тито с политической сцены в СФРЮ, отношения с которой продолжали оставаться враждебными, создавали у главы АПТ и, вероятно, у его ближайшего окружения, представление о необходимости усилить военные приготовления на случай развития событий в Югославии и вокруг нее по кризисному сценарию. Это отчетливо проявилось во время инспекционного посещения 24 июня 1978 г. Э. Ходжей Центрального командного пункта (ЦКП), располагавшегося на северо-востоке от Тираны, около населенного пункта Линзе (Linzë). Он прибыл туда вместе с М. Шеху, Х. Капо и В. Лакаем.

Во время посещения подземных сооружений ЦКП, а также контрольных проверочных соединений по телефонной и телеграфной линиям связи с военным командованием основных городов страны и региональными партийными руководителями, глава АПТ интересовался степенью готовности объекта и наличием резервных линий связи. У присутствовавших военных, отвечавших за сооружение объекта, сложилось впечатление, явно свидетельствовавшее об атмосфере ожидания войны: Ходжа и его окружение готовятся к отражению нападения на Албанию [9. 2010. 19 VI]⁵. Поэтому слова первого секретаря АПТ о том, что «мы накануне войны», а также заявления о необходимости проведения закупок иностранной техники для нужд обороны были восприняты как свидетельство серьезности происходящего. Особенно ситуация стала тревожной для Ходжи после получения 7 июля 1978 г. албанской стороной официальной ноты правительства КНР. В документе не только сообщалось об окончательном прекращении экономической и военно-технической помощи Тиране, но также содержались обвинения в адрес албанских властей в саботаже при получении оказываемой помощи и указывалось на ее большой объем за прошедшие годы. Уже на следующий день Ходжа составил тезисы возможного ответа ЦК КПК [13] и распорядился о срочном созыве заседания Политбюро. Но еще накануне его проведения глава АПТ постарался использовать ситуацию для того, чтобы вновь заявить именно в армейской среде, во время так называемой встречи с ответственными кадрами Министерства обороны 10 июля 1978 г., о существовании серьезной опасности для обороны Албании из-за прекращения помощи КНР. Судя по всему, Ходжа преследовал выполнения сразу двух задач. Во-первых, он лично информировал военных о произошедшем, показывая всю важность происходящего. И, во-вторых, вероятно, он не хотел допустить распространения прокитайских настроений в военной среде [1. Vol. 67. F. 24]. В свою очередь В. Лакай выступил 10 июля 1978 г.

⁵ См. также материал журналиста и публициста К. Боричи на персональном сайте Э. Шеху, посвященному новейшей истории Албании [12].

на торжественном совещании в Министерстве обороны, посвященном 35-летию создания Генерального штаба. Он заявил о том, что «отечество не может защищать только регулярная армия, но оно должно защищаться всем народом», а весь народ НСРА – это армия. Одновременно им подчеркивался факт враждебного окружения Албании «империалистами-ревизионистами» и отвергался принцип «ограниченного суверенитета». Однако наиболее примечательным было утверждение Лакая о том, что «прием иностранных войск, даже под личиной так называемой армии из социалистической страны является, в действительности, оккупацией, потерей свободы и независимости» [14]. Таким образом, отвергалась любая возможность военно-политического союза Тираны с какой-либо коммунистической страной и делалась ставка на собственные силы.

На заседании Политбюро 11 июля 1978 г., посвященном обсуждению сложившейся ситуации в албано-китайских отношениях, Э. Ходжа заявил, что часть работ по реализации двустороннего албано-китайского соглашения, фактически оказалась «в середине, не было закончено строительство и отозваны специалисты» [15]. Глава АПТ сослался также на рекомендации китайской стороны заключить военный союз с Югославией и Румынией, но заявил, что Албания сразу же отказалась от этого плана. Судя по всему, обращение Ходжи к этнополитическому фактору преследовало цель убедить присутствующих в необходимости его использования в отношении возможного союзника в лице СФРЮ. Но он предупредил, что если кто-то (т.е. СФРЮ) будет «участвовать в китайских интригах против албанского народа, социалистической Албании», то «все албанцы повсюду как единое целое отвергнут их, и победоносно выступят против них» [15]. С целью подчеркнуть существующие для Албании угрозы Ходжа сослался на раскрытый в 1974 г. в вооруженных силах заговор (речь шла о так называемой «группе Баллуку», бывшем в 1952–1974 гг. министром обороны), участники которого якобы стремились совершить государственный переворот [1. Vol. 67. F. 255]. При обсуждении дальнейших действий, связанных с вручением ноты правительства КНР, и, в первую очередь, с принятием решения об обнародовании факта получения ноты, чтобы «избежать кривотолков» (против чего была китайская сторона), Э. Ходжа упомянул о существовании неких писем покойного Мао Цзэдуна, в которых последний заявлял о планах изменения в будущем не только границ СССР, но также и европейских государств [15]. Однако эта тема не была развита, вероятнее всего, из-за опасения того, что в случае ее обнародования Албания могла столкнуться с серьезными проблемами в отношениях со своими соседями, так как являлась долгое время ближайшим союзником КНР и, таким образом, могла быть обвинена в том, что разделяла взгляды Пекина на перспективу изменения границ. Обмен китайской и албанской стороной официальными нотами 27 и 29 июля 1978 г., содержащими детали двусторонних связей, подтверждал делавшиеся ранее рядом экспертов предположения о характере взаимоотношений между НСРА и КНР [16; 9. 2008. 20 X]. Ответ албанской стороны, опубликованный 30 июля 1978 г. в органе ЦК АПТ газете «Zëri i popullit», привлек особое внимание. Он содержал конкретные статистические данные и факты политических консультаций между Тираной и Пекином, ранее не доступные посторонним из-за строжайшей секретности. Само обнародование албанской стороной плана китайского руководства о расширении военного сотрудничества между НСРА, СФРЮ и Социалистической Республикой Румынией, который албанское руководство называло планом «оси Тирана – Белград – Бухарест», уже являлось подтверждением делавшихся ранее зарубежными аналитиками предположений относительно внешнеполитического устремлений Пекина в Балканском регионе и в Восточном блоке в целом. Эта тема серьезно беспокоила советское партийно-государственное руководство [17]. Достоянием гласности стали рекомендации Чжоу Эньляя о необходимости взять на вооружение партизанскую тактику и заключить военный союз с Юго-

славией и Румынией, которые могли выступить поставщиками вооружений для Албанской народной армии⁶.

В конце января – начале февраля 1979 г. в Албании проводились военные учения «Биза» (по названию горной вершины к востоку от Тираны). Их замысел заключался в отработке вооруженными силами (с привлечением резервистов) маневра в условиях горной местности в зимний период. Действия разворачивались на восточном стратегическом направлении по шоссе-трассе, горным перевалам в направлении к границе с югославской республикой Черногорией. Маневрирование принимавшей участие в учениях Первой бригады проходило в условиях высокогорья, при низких температурах и заснеженности при высоте снежного покрова от 60 сантиметров до одного метра. В ходе учений выяснилась полная неподготовленность как личного состава, так и технических транспортных средств, которые не были рассчитаны на подобные условия, в связи с чем для транспортировки военных грузов были использованы вьючные животные⁷. Как выяснилось позже, торопливость командного состава и стремление закончить учения быстрее, выполнив поставленную задачу, обуславливалась желанием возвращения в Тирану на планировавшийся матч футбольной команды «Динамо» с участием известного молодого футболиста Хаджи Балгьини [9. 2010. 29 IX].

Гибель не только военнослужащих срочной службы и кадровых офицеров, но и резервистов серьезно повлияла на морально-психологическое состояние бригады. Неудача учений, которые имели важное значение с точки зрения существовавших планов обороны на стратегическом восточном, «югославском», направлении рассматривались руководством АПТ и лично М. Шеху как полный провал. В этой связи он провел 7 февраля 1979 г. совещание с участием руководства вооруженных сил, а также высших партийных чиновников и потребовал уголовного наказания виновных в срыве учений [21]. Во многом подобные действия были продиктованы явными ошибками лично Шеху, участвовавшего в определении сроков и места проведения учений без учета погодных условий и степени технической подготовки войск, но нежелание признать свою ответственность за провал привели «второго человека» в руководстве НСРА к поиску виновных⁸, хотя уже позже он, выступая на заседании Военного совета 23 марта 1979 г., демонстративно не слагал с себя, как министра обороны, вины, и заявлял о том, что четыре его заместителя, а также Г. Чучи – заведующий военным отделом ЦК АПТ также разделяют ее с ним⁹.

Определенной попыткой компенсировать неудачу проводившихся на местности учений «Биза» стали командно-штабные учения в марте 1979 г. под кодовым названием «Цитадель» («Kështjella»), курировавшиеся Х. Капо, но с участием в их планировании М. Шеху. Целью учений была отработка командным составом 6-й Оперативной группы, расквартированной в Тиране и являвшейся резервом Главного командования, действий на восточном стратегическом направлении (как и на учениях «Биза»), не допустив прорыва условного противника с последующим переходом в контрнаступление. Однако уже на начальном этапе их проведения выяснилось, что часть командного состава Оперативной группы была выведена за штат, хотя и принимала участие в командно-штабных учениях¹⁰. В соответствии с

⁶ См. анализ ноты руководства НСРА в адрес правительства КНР в [18].

⁷ См. интервью офицера и участника событий Б. Садикая в [19]. Расширенную версию воспоминаний см. в [20].

⁸ О личности М. Шеху и его роли в общественно-политической жизни Албании см. воспоминания заместителя министра обороны и участника этого заседания М. Садуши [22–23].

⁹ Документы по учениям «Биза», включая и материалы заседания 23 марта 1979 г., хранились в личном секретном архиве М. Шеху, а затем были переданы в Центральный военный архив Республики Албании в фонд «Разведка» (AQU. Fond i Zbulimit. Tepër sekret. Kutia 1. Dhoma 13) [9. 2010. 29 IX].

¹⁰ См. интервью с участником событий Б. Садикаем в [21. 2011. 3 III; 5 IV].

разработанной Шеху и Капо вводной, силы вторжения противника должны были составить в общей сложности 11 дивизий, из которых восемь могли быть авиадесантными. Такой замысел вызвал резкую критику Э. Ходжи, исключавшего возможность одновременного десантирования 80 тыс. человек с техникой в условиях специфичного географического рельефа Албании. После обсуждений и уточнений выяснилось, что Генеральный штаб, предоставивший эти цифры, исходил из эшелонированной организации вторжения в НСРА и оценивал общую численность войск противника в 80 – 110 тыс. человек с наземной техникой и силами ВВС [1. Vol. 70. F. 212].

Серьезность произошедшего провала учений «Биза» была подтверждена на заседании Совета обороны, проходившем под председательством Э. Ходжи 23 марта 1979 г., т.е. более чем через месяц после окончания учений. В достаточно жесткой и не допускавшей возражений форме глава АПТ обвинил Б. Юсуфи – одного из высокопоставленных военных, командующего противоздушной обороны – в срыве учений и приверженности «теории скольжения»¹¹. Крайне недоволен был Ходжа и привлечением на учения резервистов из сельской местности, а не городских жителей, что было связано, судя по всему, с нежелательными для престижа первого секретаря последствиями распространения среди сельского населения сведений о большом числе жертв во время учений и проявления организованного недовольства. Локализовать возможные проявления протеста и контролировать ситуацию в городе было для режима намного легче, чем в сельской местности. Более того, Ходжа заявил о том, что на проходивших учениях Шеху вел себя не как министр обороны, а как командир бригады, и назвал это серьезной ошибкой. В ответном выступлении Шеху постарался защитить Юсуфи и не допустить его немедленного отчисления из армии, что, вероятно, было связано уже с опасениями за свои собственные позиции, включая и престиж среди командного состава армии. Однако как командир бригады, так и комиссар, а также ряд офицеров были смещены со своих постов [24].

В соответствии с принятыми на заседании Совета обороны решениями была отмечена слабость организации учений и ставилась задача их критического анализа. Одновременно говорилось о необходимости продолжения углубленного изучения военной доктрины «искусства народной войны», тактики и стратегии боевых действий противника, усиления идеологической работы в вооруженных силах и подготовки командных кадров, а также обеспечения подготовки резерва Главного командования и привлечении к военным учениям Добровольческих сил самообороны¹². Букавально через неделю после прошедшего 23 марта 1979 г. заседания Совета обороны в секретариате ЦК АПТ по инициативе Ходжи состоялось совещание по теме с достаточно символическим и объяснявшим вектор общественно-политического развития страны названием: «Воинскую дисциплину – в гражданскую жизнь». Помимо общеполитических заявлений, прозвучавших во время обсуждения, Ходжа потребовал обеспечить взаимодействие вооруженных сил с Добровольческими силами самообороны и усилить военную подготовку населения [1. Vol. 70. F. 200, 203].

Доклад о результатах других учений – «Цитадель» – 3 апреля 1979 г. на заседании Секретариата ЦК АПТ в присутствии Э. Ходжи уже делал Х. Капо, кото-

¹¹ «Теория скольжения» (Teoria e grëshqitjes) – концепция, выдвигавшаяся бывшим министром обороны Б. Балуку и группой военных экспертов из Министерства обороны НСРА в начале 1970-х годов. Из-за невозможности официального признания в военной доктрине термина «отступление» был использован термин «скольжение». Суть теории заключалась в тактическом маневре отхода от границ Албании вглубь, где в горной местности создавались опорные базы сопротивления.

¹² Секретный документ Совета обороны НСРА – стенограммы заседания с указанием места хранения (AQU. Fond i Zbulimit. Teper sekret. Kutia 1. Dhoma 13) см. в [9. 2010. 29 IX]; текст постановления в [9. 2010. 5 X].

рый был ответственным за их проведение. Положительная оценка главой АПТ прошедших учений соседствовала в его выступлении с рядом положений, явно рассчитанных на их публичное оглашение как для внутренней, так и внешней аудитории. Так, в частности, Э. Ходжа заявил о том, что «для каждого в нашей стране, для армии, для народа, и, прежде всего, для партии, должно быть ясно, что в случае нападения, мы будем воевать на территории своей страны... Для нашего народа, наших вооруженных сил, партийного руководства необходимо иметь четкую концепцию реализации нашего военного искусства народной войны в пределах границ Албании» [1. Vol. 70. F. 209]. Отмечая своеобразие военной доктрины, суть которой заключалась в организации сопротивления агрессору на территории страны с возможным расчетом на долговременный характер борьбы, глава АПТ подчеркивал небольшой размер территории Албании, малочисленность ее населения и вооруженных сил, а также особенность ландшафта, не позволявшего вести «классические» боевые действия. Это обуславливало необходимость хорошей подготовки вооруженных сил и Добровольческих сил самообороны [1. Vol. 70. F. 210]. В то же время, вновь, как воспоминание о прошедших неудачных учениях «Бриза», но без упоминания их названия, Ходжа достаточно резко отозвался о подготовке проводимых учений в целом и, в частности, степени готовности Первой бригады – именно той, которая оказалась в тяжелых условиях во время учений «Бриза».

На фоне активизации военных учений ситуация в Югославии была для Ходжи одним из важных вопросов его внешней и оборонной политики. В контактах с государствами Восточного блока, с которыми Тирана поддерживала отношения, албанская сторона ориентировалась только на двусторонние связи и отказывалась от признания их коллективных шагов на международной арене, исходя из того, что они не являются самостоятельными странами, а подчиняются СССР. Попытка восточногерманской стороны передать текст заключительного коммюнике, принятого Комитетом министров иностранных дел стран-членов ОВД на состоявшемся 5–6 декабря 1979 г. в Берлине заседании, поверенному в делах НСРА в ГДР встретила, как отмечало посольство Румынии в специальной депеше в МИД СРР, его отказ. В частной беседе он заявил о позиции его страны, суть которой заключалась в «необходимости отказа от существования блоков, выводе всех войск, всеобщем разоружении и немедленном осуждении агрессивных планов НАТО» [25. P. 591]. Советское вмешательство во внутриафганские дела в конце 1979 г. и участие Москвы на стороне одной из противоборствовавших фракций местной коммунистической партии, усилило резкую критику Тираной действий СССР, внешнеполитический курс которого и ранее характеризовался как социал-империалистический. Для Э. Ходжи ввод советских войск в Афганистан был схожим с аналогичными действиями Кремля в Чехословакии в августе 1968 г. и свидетельствовал о готовности советской стороны прибегнуть при необходимости к использованию военной силы и интервенции уже в Балканском регионе. Одной из целей подобных действий могла выступать, по мнению Ходжи, Югославия. Подводя итоги 1979 г. и прогнозируя революционные события в мире, глава АПТ отмечал, что «с помощью интервенции в Афганистан [СССР] реализует стратегические планы империалистической войны с тем, чтобы иметь стратегические позиции в этих странах, особенно для того, чтобы расширить свое империалистическое господство в сердце Азии и на Среднем Востоке» [26. F. 1040].

Болезнь в конце 1979 г. – начале 1980 г. главы СФРЮ Й. Броз Тито и серьезность, с которой отнеслись югославские средства информации к этому, стали для Ходжи подтверждением давно существовавших у него прогнозов относительно судьбы Югославии после ухода ее основателя с политической сцены. Обстановка возможного хаоса и межнациональных конфликтов, а также высокая вероятность прямого или косвенного вмешательства во внутриюгославские дела

как двух сверхдержав, так и возглавлявшихся ими военно-политических блоков рассматривались в руководстве Албании и, прежде всего, Э. Ходжей и М. Шеху как аргумент в пользу необходимости подготовки к предстоящим событиям в военном плане. 13 января 1980 г. в обстановке строгой секретности состоялась беседа Э. Ходжи, М. Шеху и В. Лакая. На ней глава АПТ и премьер-министр поставили перед Лакаем задачу в течение 45 дней, т.е. к концу февраля, с привлечением заместителя министра обороны М. Садуши разработать план возможной широкомасштабной военной операции по «освобождению Косово». Срочность и абсолютная секретность этого задания были обусловлены тем, что руководство Албании ожидало скорой кончины Тито и следовавшего за ней возможного начала внутриюгославского кризиса, в ходе которого будут созданы условия для реализации плана под названием операции «Прорыв» (operacioni «Shperthimi») ¹³. Впервые о существовании плана операции «Прорыв» стало известно из публикации бывшего начальника Генерального штаба Албанской народной армии (АНА) В. Лакая в 2006 г. [9. 2006. 2 II]. Следующая публикация была сделана в том же году [27]. В 2010 г. В. Лакай повторил информацию об операции в интервью албанской газете «Shekulli» («Век») [9. 2010. 22 II]. Однако в книгах, относящихся к 2006 г., бывший начальник Генерального штаба не упоминал об операции «Прорыв» [28]. До сих пор факт существования этого плана не был опровергнут или подтвержден документально. Однако есть основания считать, что подобная операция могла разрабатываться на случай непредвиденного развития ситуации в СФРЮ. Более того, ряд исследователей обращает внимание на отказ Тираны в 1975 г. подписать Заключительный акт Хельсинского совещания, в котором государства-участники соглашения брали на себя обязательства соблюдать принцип нерушимости послевоенных (1945 г.) границ. Э. Ходжа аргументировал свой отказ принять участие в Хельсинском процессе идеологическими соображениями, однако, некоторые исследователи считают, что он пошел на такой шаг, не желая признавать границы с СФРЮ и, в частности, факт пребывания Косово в составе Югославии [29. P. 37]. В зарубежной историографии одно из немногочисленных упоминаний об операции «Прорыв» относится к 2008 г. [30. S. 298–299].

Реализации плана могли серьезно помешать позиции НАТО и ОВД. Частью операции, подготовка которой велась с учетом вьетнамского опыта партизанской войны и с привлечением срочно закупленного в Австрии картографического материала, так как в Генштабе и Институте картографии не было даже новейших мелкомасштабных географических и бланковых карт, были возможные действия в направлении Македонии и Черногории, где имелось компактное албанское население. Одновременно создавалась топографическая карта расселения албанского населения СФРЮ, которое могло стать серьезной силой, в случае перехода боевых действий в фазу партизанской войны или диверсионной деятельности.

На этой же встрече, 13 января 1980 г., Ходжа сделал, как сообщал 2 февраля 2006 г. в интервью Лакай, заявление о существовании неких гарантий со стороны ОВД [9. 2006. 2 II]. Однако этот вопрос до сих пор продолжает оставаться наименее изученным. Недоступность многих албанских и советских документов из архивов военных ведомств и высших государственно-партийных органов, относящихся к тому периоду, не позволяют сделать определенных выводов. Более того, в том же интервью, со ссылкой на сохранившиеся у него записи, Лакай заявлял о некой встрече, на которой он и Шеху якобы вели переговоры с маршалом В. Куликовым – первым заместителем министра обороны и главнокомандующим Объединенными вооруженными силами ОВД о том, что СССР и возглавлявшийся им блок согласится на албанское вторжение в Косово и его присоединение к НСРА,

¹³ Само название в переводе с албанского языка означает взрыв, вспышку, прорыв. В ряде газетных публикаций ошибочно указывается 1981 г. как время работы над планом.

но взамен, Албания должна была вернуться в ОВД. Лакай не сообщает ни точной даты этой встречи, ни места, где она проводилась. Сам факт подобных «консультаций» по многим объективным причинам выглядит как мистификация, имея в виду позицию Ходжи и Шеху в отношении СССР и ОВД. Без изучения документов из архивов двух стран – Албании и России не возможно верифицировать эти заявления бывшего начальника Генерального штаба АНА, которые выглядят на данный момент сенсационно.

Спустя два дня после состоявшейся 13 января секретной встречи, т.е. 15 января 1980 г., глава АПТ подготовил тезисы для редакционной статьи в центральном партийном органе газете «Zëri i popullit». Она была опубликована 19 января 1979 г. под заголовком «Советско-болгарские шантаж и угрозы не пройдут на Балканах». В этом материале Болгария обвинялась в том, что превратилась в инструмент советской политики на Балканах и фактически оказывает содействие СССР в «запугивании народов Югославии». В статье «народы братской Югославии» призывались к бдительности, к борьбе «против агентов советского империализма, усташей, великосербских [шовинистов] внутри и за пределами» страны. При этом в статье отмечалась борьба албанцев за «свободу и независимость» [31. Ф. 11].

Как по сути, так и по форме этот материал отражал образ мыслей автора и прогнозируемого им сценария «силового» развития ситуации. Во-первых, албанская сторона изначально в данном контексте представлялась как выступавшая с вполне конкретных и определенных позиций в обстановке, когда на политической арене могли начать активно действовать хорватские и сербские националисты. Во-вторых, предполагалось, что СССР и Болгария используют влияние для прихода к власти ориентированных на него политических деятелей [31. Ф. 11–12]. В свою очередь, что было отмечено и болгарским послом в Белграде Р. Николовым, югославское руководство положительно оценило опубликованную 19 января 1980 г. передовицу в органе ЦК АПТ. Это подчеркивалось во время встречи 26 февраля 1980 г. председателя Союзного исполнительного вече СФРЮ В. Джурановича с посланником НСРА С. Плакой. Высокопоставленный югославский собеседник поддержал основные положения статьи об оккупации Афганистана советскими войсками, а также характеристику албанской стороной Болгарии как «орудия СССР на службе его агрессивной политики против народов Албании, Югославии и Греции» [32. С. 168].

В первой половине февраля 1980 г., когда Тито находился в крайне тяжелом состоянии после прошедшей операции, Ходжа пришел к выводу о том, что СССР не будет использовать вооруженные силы против Югославии, пытаясь ее оккупировать. Действия Москвы должны были заключаться, по сценарию главы АПТ, в том, чтобы на первом этапе использовать рычаги влияния и давления на Белград, а затем, на втором этапе – изолировать проамериканский клан и добиться прихода к власти просоветски (у Ходжи – прорусски) настроенных руководителей СФРЮ [31. Ф. 47]. Со своей стороны США и Запад также постараются оказать влияние на ситуацию в стране и, таким образом, вопрос о доминировании в Югославии иностранных сил продолжал оставаться открытым с точки зрения Э. Ходжи. Однако в перспективе обстановка в СФРЮ должна была зависеть, по прогнозу первого секретаря АПТ, от того, насколько глубоко могли обострятся противоречия между республиками и народами страны. Конфликтный по своему характеру сценарий заключался в попытках Сербии достичь господствующих позиций в федерации, в то время как Хорватия стремилась бы добиться аналогичного статуса, что породило бы серьезные противоречия между ними. В свою очередь, словенцы бы поддержали хорватов, точно также как это могла сделать и Воеводина, а Черногория выступила бы за объединение с Сербией. В сложившейся ситуации, как считал Ходжа, «албанцы, со своей стороны, будут бороться за освобождение, и Македония окажется под преобладающим влиянием болгаро-советской пропаган-

ды и будет склонна поддерживать сербский клан» [31. Ф. 49]. На фоне подобного сценария достаточно симптоматичным, что отмечалось и Ходжей, была демонстрация Белградом желания улучшить отношения с Тираной [31. Ф. 79]. Глава АПТ воспринял это как ответный шаг на выраженную в редакционной статье «Zëri i rorullit» солидарность с СФРЮ и готовность поддержать в военном отношении Югославию, в случае нападения на нее СССР и Варшавского пакта [33].

Подготовка операции «Прорыв», проходившая в тайне на фоне ожидания албанским партийно-государственным руководством изменений в связи с уходом Тито с политической сцены, продолжалась вплоть до апреля 1980 г. [9. 2006. 2 II]. В соответствии с планом операции в ней должны были участвовать 22 пехотные бригады, 12 штурмовых бригад, шесть танковых бригад, семь артиллерийских бригад, шесть полков с противотанковым вооружением, 12 полков ПВО, две инженерные бригады, десять разведывательных батальонов, три авиационных полка фронтовых бомбардировщиков, три военных госпиталя, два ветеринарных госпиталя, три армейских центра управления с общей численностью 200–220 тыс. человек. 65% сил и средств предназначалось для действий на «косовском фронте», а 35% – на македонском и черногорском направлениях. На косовском направлении предполагалось, что силы вторжения должны были насчитывать 30 тыс. человек на первом этапе и на втором достигнуть 150 тыс. человек. На македонском направлении и черногорском на первом этапе силы вторжения составили бы соответственно шесть тыс. и четыре тыс. человек, а на втором – дойти до 16 тыс. человек. Затем предстояло использовать резерв Главного командования [9. 2006. 2 II].

Фактически в боевых действиях предполагалось использовать все имеющиеся в распоряжении Главного командования силы и средства, включая резервы. Это превращало операцию в полномасштабную войну, в которой Албания не должна была проиграть ни при каких условиях, так как подобный исход мог привести не только к крушению режима, но и потере государственности. НСРА обладала исключительно ограниченными людскими и материально-техническими возможностями к началу 80-х годов XX в. По разным оценкам ее сухопутные силы составляли 40–43 тыс. человек, из которых ровно половину – призывной контингент при 100 тыс. резервистов. На вооружении армии в подавляющем числе состояла техника модельного ряда середины – конца 50-х годов, а в ряде случаев и 40-х годов XX. Примечательным фактом было соотношение танкового парка и БТРов, которые выполняют важную роль в транспортировке живой силы и обеспечивают оперативные возможности передвижения подразделений. Так, в частности, АНА обладала к началу 80-х годов XX в. около 722 танков Т-59, 138 танков Т-34/85, 40 самоходными установками СУ-100 (класса истребителей танков) и восьмью единицами самоходных артиллерийских противотанковых установок СУ-76 (на базе танка Т-70), 20 тягачами на базе танка Т-60 и до 300 единиц БТРов различных модификаций¹⁴. Упор на «танковую составляющую» механизированных подразделений и явный дефицит транспортной бронетехники свидетельствовал о ставке на использование обычной грузовой техники. Особенности ландшафта Албании и прилегавших сопредельных территорий, в частности Косово, в отношении которого и планировалась операция, не позволяли массированно использовать бронетехнику. В то же время, АНА обладала достаточным количеством противотанкового оружия, артиллерией, включая зенитные орудия.

Военно-воздушные силы НСРА насчитывали около 100 боевых самолетов, из которых подавляющее количество было представлено произведенными в КНР копиями советских МиГ-15 (китайский аналог F-2) – 20 единиц, МиГ-17 (китайский вариант F-4) – 30, МиГ-19 (китайский образец F-6) – 30 единиц и МиГ-21 (китай-

¹⁴ Собственная информация автора. К сожалению, сведения о вооруженных силах НСРА, публиковавшиеся в те годы, не точны. См. например [34. Р. 34].

ский аналог F-7). Пекин осуществлял поставки этой техники албанской стороне, но при этом Тирана передала Китаю имевшиеся советские самолеты, заменив их на произведенные в КНР аналоги. Вертолетный парк и вспомогательная авиация АНА были сформированы из числа образцов советской техники в ограниченном количестве, не предполагавшем наступательные военные действия.

В случае военного конфликта с СФРЮ соотношение сил и средств было явно не в пользу албанской стороны, которая могла рассчитывать только на обстановку внутривосточного конфликта (включая его военный аспект) в Югославии, способствовавшего дезинтеграции Югославской народной армии (ЮНА), и на повстанческо-диверсионную активность вооруженных групп албанского населения в Косово, Македонии и Черногории. К началу 80-х годов XX в. СФРЮ обладала армией в 190 тыс. человек при 2–2,5 млн резервистов. Сухопутные силы располагали 1500 танками Т-34, Т-54 и Т-55 советского производства, более 650 танками М-4 Sherman американского производства, а также некоторым числом плавающих танков ПТ-76. Помимо этого ЮНА имела большое количество БТРов и БМП как советских, так и собственно югославских образцов. Высокая степень оснащенности артиллерией, включая противотанковую, позволяли югославским вооруженным силам противостоять массированному танковому прорыву.

Не менее важной составляющей оборонительного потенциала в случае нападения на Югославию были военно-воздушные силы, насчитывавшие более 340 единиц боевых машин, представленных как югославскими образцами – «Soko J-20 Kraguj» («Перепелятник»), «Soko G-2 Galeb» («Чайка») и советскими МиГ-21 различных модификаций. Вспомогательная авиация также состояла из югославских и советских образцов, а также включала машины (вертолеты) французского и американского производства [34. Р. 38].

В случае полномасштабного албано-югославского военного конфликта югославы могли задействовать свои ВМС, которые также превосходили по количественным и качественным характеристикам албанские военно-морские силы.

Как соотношение средств и сил, так и уровень подготовки вооруженных сил СФРЮ по отношению к вооруженным силам НСРА при всей секретности количественных данных свидетельствовали о явных преимуществах югославской стороны. Это понимали планировавшие операцию Лакай и Садуши. Параллельно с ее разработкой проводились и военные учения «Shebeniku-80» [21. 2008. 16 VII], повторявшие во многом предыдущие под названием «Биза», но с учетом планирования операции «Прорыв», а также отвлекающие от широкомасштабных маневров перемещения албанских вооруженных сил на юге страны. При планировании учений «Shebeniku-80» М. Шеху имел в виду, что они могли быть использованы как непосредственная подготовка к вторжению в Косово, и перерасти в реальную военную операцию [9. 2010. 22 II]. После передачи подготовленных материалов в руки Э. Ходжи и ознакомления с ними членов Политбюро ЦК АПТ, они оказались вновь у главы Албании, который неожиданно для их авторов приказал уничтожить (сжечь) их. В свою очередь, М. Шеху заявил Лакаю, что необходимо сохранить документы в сейфе начальника Генерального штаба [9. 2010. 24 II]. Однако в действительности эти материалы были взяты им самим и находились в его личном сейфе¹⁵, откуда они затем неоднократно перемещались, и до сих пор остается неизвестно, где они находятся после 1992 г. [9. 2010. 24 II]. Однако тогда, весной 1980 г. Шеху произнес запомнившуюся надолго Лакаю многозначительную по смыслу фразу: «Придешь и плюнешь на мою могилу, если не наступит день, когда тебе понадобится этот документ!» [9. 2010. 24 II].

Отказ Э. Ходжи от выполнения плана был, вероятнее всего, связан с тем, что развитие ситуации в соседней Югославии не соответствовало так называемому

¹⁵ О том, что документ находился в сейфе М. Шеху и был обнаружен после его самоубийства 17 декабря 1981 г. см. в [35].

силовому сценарию, ожидавшемуся главой АПТ, и поэтому Тирана не имела причин для военного вмешательства. Фронтальное столкновение с Югославией могло перерасти в полномасштабную войну, и Ходжа понимал, что у него нет шансов на молниеносную победу. Существовала реальная перспектива превращения подобного конфликта в долго длящиеся боевые действия, сочетавшие партизанскую войну с операциями регулярных войск при явном превосходстве потенциала СФРЮ и сопровождавшиеся обвинениями в адрес Албании в развязывании войны в стратегически важном для Запада и Востока регионе. Немаловажное влияние на решение главы АПТ имела в целом складывавшаяся ситуация на Балканах и Средиземноморье, где усиливалась конфронтация между Западным и Восточным блоком после советского вторжения в Афганистан. Однако сама идея возможной военной операции СССР и его союзников в отношении Югославии была настолько широко распространена в руководстве НСРА, что проявилась даже во время разговора 15 марта 1980 г. албанского посланника в Белграде С. Плака с болгарским коллегой посланником Р. Николовым. Албанский дипломат спросил болгарского собеседника, хотя и в шуточной форме, о том, когда Болгария собирается напасть на Югославию. В ответ на это и с явной иронией Николов заявил, что София отказалась от таких планов, так как узнала о готовности Албании оказать поддержку СФРЮ и «будет ее защищать» [32. С. 170].

Достаточно симптоматичным на фоне отношения Э. Ходжи к плану операции «Прорыв» стали изменения, произошедшие в руководстве вооруженных сил. 26 апреля 1980 г. министром обороны стал министр внутренних дел НСРА К. Хазбиу, который контролировал разведку и контрразведку, структурно входившую в состав МВД. М. Шеху, как отмечалось в официальном сообщении, предстояло сконцентрироваться на выполнении обязанностей премьер-министра, а на должность главы МВД назначался глава Управления государственной безопасности (Сигурими) Фечор Шеху.

На протяжении весны–осени 1980 г. усилилась подготовка к возможным событиям в Югославии и особенно в Косово, в вооруженных силах Албании и разведывательных организациях МВД – Управлении государственной безопасности и Министерства обороны – Управлении разведки. Была реорганизована стратегическая разведка, которая ориентировалась на получение сведений о военно-политической ситуации в Косово. Степень осведомленности албанской стороны о положении на приграничных территориях была столь высока, что она располагала сведениями не только о дислокации воинских подразделений, сил и средств МВД СФРЮ и сил специального назначения, но и имела установочные данные на командиров подразделений ЮНА и сил МВД среднего и нижнего звена. На одном из секретных совещаний, состоявшемся летом 1980 г. в населенном пункте Шиштевец (Шиштавец), и находящемся на расстоянии чуть более полукилометра от границы с Косовым, министру обороны НСРА К. Хазбиу были продемонстрированы эти материалы, подробность которых вызвала у него удивление [36]. В то же время, на проходивших в течение весны–осени 1980 г. заседаниях Военного совета и во время встреч Э. Ходжи с руководством Министерства обороны вопросы подготовки и проведения каких-либо военных операций в отношении соседней СФРЮ не поднимались, но постоянно подчеркивалась возможность наступления внутривосточного кризиса в Югославии, чем аргументировалась необходимость укрепления вооруженных сил. Оборонные возможности НСРА к концу 1980 г. свидетельствовали о наличии серьезных проблем как в военно-техническом оснащении вооруженных сил, так и в их подготовке. Кризис в СФРЮ, переходящий в полномасштабный внутривосточный конфликт с участием внешних сил после ухода Й. Броз Тито, как прогнозировал Э. Ходжа, так же в 1980 г. еще не наступил. Однако ожидание «югославских событий» сохранялось у главы АПТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hoxha E.* Vepra. Tiranë, 1988. Vol. 59. Nendor 1976. Vol. 62. Dhjetor 1977 – mars 1978; 1989. Vol. 67. Qershor – gusht 1978; 1990. Vol. 70. Mars – prill 1979.
2. More Instructions From the Centre. Top Secret Files on KGB Global Operations, 1975–1985 // Intelligence and National security. 1992. Vol. 7. № 1.
3. Konkluzione nga mbledhja e Plenumit të 12-të të KQ të PPSH «Mbi masat për përsosjen e mëtejshme të përgatitjes e të gatishmërisë luftarake të ushtrisë dhe forcave vullnetare të vetëmbrojtjes popullore». 1 korrik 1971 // Dokumente kryesore të Partisë së Punës të Shqipërisë. Tiranë, 1978. Vol. VI (1971–1975).
4. Numri dy i Partisë kritikoi shefin e Shtabit të Përgjithshëm të Ushtrisë para oficerëve madhorë në stërvitjen e Lushnjës. 11.11.2009 // Agjencioni FLOART-PRESS –<http://floartpress.blogspot.com/2009/11/numri-dy-i-partise-kritikoi-shefin-e.html>
5. *Popoci A.* E verteta e 11 Marsit 1981 // Klan. 2011. 28 III.
6. Shteti shqiptar nuk i organizoi demonstratat e vitit 81. 29. 3. 2011 // LaimMaqedoni – <http://lajmpress.com/intervista/8402.html>
7. *Baruti V., Sanjollasi H.* Arti ynë ushtarak popullor në procesin mësimor-edukativ: në lëndën e historisë dhe gjeografisë së Shqipërisë. Tiranë, 1978.
8. E martë, 13 qershor 1978. Problemi i popullsisë shqiptare që banon në Jugosllavi // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (Janar 1978 – Qershor 1978). Tiranë, 1984. Vol. 10.
9. Shekulli.
10. *Stankovic S.* Yugoslav Congress: Tito, The Army, The Party: Differences with Moscow. 23. 6. 1978. Radio Free Europe research. RAD Background Report/136. P. 1. BOX-FOLDER-REPORT: 83-2-301 // <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/83-2-301.pdf>
11. *Stankovic S.* Yugoslav Attitude Toward the Chinese-Albanian Split. 19.7.1978. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 83-2-243. P. 2. BOX-FOLDER-REPORT: 83-2-243 // <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/116-4-279.pdf>
12. <http://engjellshehu.blogspot.com/2006/06/inspektimi-mehmet-shehu-rrinte-si-mbi.html>
13. Durrës, e enjte, 13 korrik 1978. Le të hapim defterët!// *Hoxha E.* Ditar për çështje ndërkombëtare (Korrik 1978 – Dhjetor 1978). Tiranë, 1984. Vol. 11.
14. Bashkimi. 1978. 10 VII.
15. Mbledhja sekrete e Byrosë dhe fjala e Enverit pas prishjes me Kinën. 11. 7. 1978 // <http://www.forumishqiptar.com/showthread.php?t=42634>
16. Letër e KQ të PPSH dhe e qeverisë së RPSSH drejtuar KQ të PK të Kinës dhe qeverisë kineze 29 korrik 1978 // Dokumente kryesore të Partisë së Punës të Shqipërisë. Vol. 7. 1976–1980. Tiranë, 1982.
17. *Улунян Ар.* Миф «Новой Малой Антанты». К истории появления одной концепции (60-е гг. XX в.) // Европейские сравнительно-исторические исследования. История и сообщества. М., 2010. Вып. 3.
18. *Andelman D.* Same players, New Sides In Age-Old Balkan Game // The New York Times. 1978. 6 VIII; *Zanga L.* The Albanian Allegation Concerning China's Intentions In The Balkans. 1.8.1978. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 13-5-85 // <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/13-5-85.pdf>
19. Panorama. 2004. 9 XI.
20. *Sadikaj B.* Dëshmoj kohën time. Kujtime. Tiranë, 2010.
21. Gazeta Telegraf. 2011. 17 III.
22. *Sadushi M.* Mehmet Shehu sic e kam njohur: kujtime. Tiranë, 2008.
23. *Shehu D.* Mehmet Shehu, im vëlla. Kujtime, fakte, dokumente. Tiranë, 2008.
24. Tirana Observe. 2007. 3 X.
25. Documente Diplomatice Române. Seria a III-a. România și tratatul de la Varșovia. Conferințele miniștrilor Afacerilor Externe și ale adjuncților lor (1966–1991). București, 2009.
26. E hënë, 31 dhjetor 1979. Viti 1979 mbyllet me situata revolucionare // *Hoxha E.* Ditar për çështje ndërkombëtare (1979). Tiranë, 1985. Vol. 12.
27. *Molla Y.* Plani sekret për Kosovën dhe histori të tjera. Tiranë, 2006.
28. *Llakaj V.* Nën diellin e atdhetarizmit. Tiranë, 2006; *Llakaj V.* Tetë vjet në krye të Shtabit të Përgjithshëm të Ushtrisë. Tiranë, 2006.
29. *Zoto E.* L'internazionalizzazione della questione politica del Kosovo. Tesi di laurea in Relazioni Internazionali. Scuola di Applicazione e Istituto di Studi Militari dell'Esercito. Università degli Studi di Torino. Torino, 2006–2007.
30. *Schmitt O.* Kosovo – Kurze Geschichte einer zentralbalkanischen Landschaft. Wien, 2008.
31. *Hoxha E.* Ditar për çështje ndërkombëtare (1980–1981). Tiranë, 1985. Vol. 13.
32. *Николов Р.* Дипломатия на четири очи. Из дневника на един български посланик в Югославия. София, 1995.
33. Zëri i popullit. 1980. 19 I.
34. The Military Balance, 1979–1980. Institute for Strategic Studies. London, 1979. P. 34.
35. Panorama. 2011. 29 VII.
36. Gazeta Shqip. 2010. 1 IV.

© 2013 г. Ю.П. ГУСЕВ

ОБРАЗЫ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ КЛАССИКА ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОРА ЙОКАИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Исследование литературных и культурных связей различных стран переживало расцвет в 60–80-е годы XX в. Сейчас фактографический вариант таких исследований явно идет на убыль, уступая место новому качеству, которое развивается в русле имагологии. Книга Г. Герасимовой – возможно, один из последних продуктов этого направления. В ней сведены воедино свидетельства интереса венгерского прозаика М. Йокаи к российской и украинской истории и отражение этой истории в его романах.

The heyday of the studies on the literary and cultural ties between different countries falls on the 1960s–1980s. Nowadays a factographical approach is no more popular among scholars and gives way before a new approach known as imagology. The book of G. Gerassimova is probably one of the most recent products of this trend. She summarises different evidence of how the Hungarian writer Mór Jókai was taking interest in Russian and Ukrainian history and what reflections did it find in his novels.

Ключевые слова: венгерская литература, Мор Йокаи, Россия, Украина, история, Пушкин, декабристы, имагология.

Во вступительной, «От редакции», статье к давнему, полвека назад изданному совместному советско-венгерскому труду «Венгерско-русские литературные связи» я читаю: «Настоящий труд – новое начинание, возможное только в условиях социалистического содружества» [1. С. 6]¹. И думаю: а ведь в этом что-то есть, ведь именно пребывание в общем котле «социалистического лагеря» с его доктриной противостояния всему миру, с его СЭВом, общей идеологией, однотипной культурной политикой, с теми бесцеремонными помешиваниями, которые время

Гусев Юрий Павлович – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 12-04-00082/12 «История венгерской литературы в портретах: от Ренессанса до постмодернизма».

¹Этот совместный труд, вышедший под грифом Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР и Института истории литературы ВАН, был издан на двух языках: русском и венгерском. Но – маленькая деталь: венгерский вариант (Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. Budapest, 1961. Кöt. I–III.) состоял из трех массивных томов, включающих в себя 36 статей. В русском же варианте фигурируют лишь девять статей. Я было собрался написать, что подобный «паритет» тоже возможен был «только в условиях социалистического содружества». Но вспомнил: совсем недавно, в 2007 г., вышел совместный российско-венгерский сборник «XX век. Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских» под грифом Института славяноведения РАН и Института литературоведения ВАН. В этот сборник вошло 16 статей русских и венгерских авторов. Венгерского варианта вообще не появилось. Правда, идеология к этому факту уже никакого отношения не имеет.

от времени производила в нем рука Старшего Брата, и должно было, почти закономерно, породить научное направление, выявляющее и изучающее всякого рода контакты и взаимосвязи, которые, во-первых, внушают мысль как бы о предопределенности сближения этих стран и народов, об изначальном наличии предпосылок для этого, а во-вторых, демонстрируют плодотворность такого сближения для всех сторон жизни этих стран, особенно же для их культуры и науки. Поскольку роль едва ли не важнейшего скрепляющего элемента здесь играла идеология, то, вполне естественно, в изучении взаимосвязей особое, если не первостепенное внимание уделялось «литературно-идеологической борьбе» [1. С. 6], т.е. тем явлениям в литературе, тем писателям и произведениям, которые хоть в какой-то мере были причастны к революционному движению или проявляли сострадание к народу, интерес к демократическим тенденциям общественной жизни.

Какими бы конъюнктурными мотивами ни диктовался поворот к интенсивному изучению взаимосвязей, он нес с собой и позитивный результат: поиски фактов всегда полезны, даже если в их нагромождении весьма редки жемчужные зерна научных открытий. Кроме того, углубление взаимного знакомства, одной из форм которого и может считаться исследование культурных взаимосвязей, с очевидностью ослабляет (хотя не сводит на нет, к сожалению) ту тенденцию к самоизоляции, что так свойственна современной политике.

В наши дни, когда господство идеологии с ее стремлением делить мир на блоки, лагеря и прочие искусственные конфигурации заметно идет на убыль (сменяясь господством прагматики, подчас не менее вредной для человечества, но хотя бы более естественной), исследование взаимосвязей, слава Богу, не кануло безвозвратно в прошлое. А это значит, что в нем есть очень даже здоровая рациональная основа. Но направление это перешло на некий другой уровень, смыкаясь, переплетаясь с той новой наукой, которая уже получила эффектное название – имагология, – хотя, кажется, не получила ни четкой дефиниции, ни четкого обозначения круга изучаемых объектов. Из знакомых мне сфер литературоведения дальше всего по направлению к имагологии продвинулась, по всей очевидности, наша полонистика: российские специалисты (в первую очередь здесь нужно упомянуть, конечно, В.А. Хорева) в тесном сотрудничестве с польскими эту сферу подняли на такую высоту, где привычная фактография, если и имеет место, то лишь как материал, подспорье для выявления и анализа национальных стереотипов. Если позволить себе некоторую вольность толкования, то такого рода работа в некотором роде подобна психоанализу, помогающему выявить, вывести из подсознания застарелые фобии, которые в таком, осознанном, виде уже, может быть, поддаются лечению.

Книга Г. Герасимовой [2], которая, собственно, и является предметом нашей рецензии, в основном готовилась (как кандидатская диссертация) еще в старые добрые советские времена, но дорабатывалась, дописывалась, в расчете на книжное издание, уже после перелома. Причем, по всей видимости, не *перерабатывалась*, а именно *дорабатывалась*: автор дополняла ее найденными за полтора-два десятилетия материалами, что-то дописывала, что-то, наверное, убирала. Поэтому в книге ощущается некоторая двойственность; двойственность, наверное, неизбежная для работ, появившихся на стыке эпох: ты еще видишь вещи так, как привык, но на тебя со всех сторон надвигаются сомнения и вопросы. Вероятно, мы все, пришедшие из *той* жизни, страдаем в какой-то мере подобной двойственностью.

Указанная особенность явно бросается в глаза, например, в обширной библиографии, которую Г. Герасимова, видимо, перенесла в книгу из своей диссертации. В чем в чем, а в недостатке добросовестности и трудолюбия исследовательницу обвинить нельзя: 540 позиций библиографии, включающей проштудированные работы на украинском, русском, венгерском, а также немецком, французском, английском, польском языках, – само по себе свершение. Но вот что обращает на себя внимание: в этом списке – особенно показателен в этом смысле раздел

«Методологическая и теоретическая литература» – нет обязательного для любого диссертанта той поры набора классиков марксизма-ленинизма. Не сомневаюсь, что в диссертации они фигурировали, автор удалила их позже – но при этом не удалила множества научных или не очень научных работ, пропитанных духом этих классиков или, во всяком случае, смазанных марксистской глазурью. Между тем, например, умница Энгельс с точки зрения методологии и теории дал бы – даже сейчас! – несколько больше, чем, скажем, фигурирующая в этом разделе статья Антала Гидаша под названием «Дует ветерок с Дуная» (из книги воспоминаний о Мате Залке – М., 1976 г.) или тем более напечатанная в «Правде» статья Шандора Гергея «Великий учитель венгерских писателей», посвященная, судя по дате (1949 г.), столетию со дня смерти Ш. Петефи. (Надо сказать, эта библиография, занимающая в книге более тридцати страниц, заслуживала бы отдельной рецензии, поскольку уже при поверхностном взгляде на нее возникает много вопросов. Допустим, публицистику Герцена при некотором допущении можно воспринимать как методологически и теоретически ценный для литературоведа материал; но как в этот раздел библиографии попали роман «Айвенго» В. Скотта и «Капитанская дочка» Пушкина? Много можно было бы сказать и в связи с тем, что практически вся научная и критическая литература, на которую опирается Г. Герасимова, относится к периоду до 1990 г. Из литературоведческих работ я насчитал лишь три или четыре, появившиеся позже. Несколько лучше выглядит в этом смысле раздел «Историческая литература»: там фигурирует около двух десятков книг и статей, изданных после 2000 г.; оценивать, насколько они серьезны и репрезентативны, не в моей компетенции.)

Но если уж речь зашла о двойственности, то, пожалуй, более важен тут другой момент (который к перелому эпох прямого отношения в общем-то не имеет).

Но начнем по порядку.

То, что писатели в своем творчестве обращаются к историческому материалу, – мысль настолько очевидная, даже тривиальная, что ее и высказывать-то неловко. Собственно, любой жизненный материал – в широком смысле слова есть, видимо, материал исторический; даже то, что произошло минуту назад, становится историей. Тем не менее в литературе принято выделять исторические жанры, материалом для которых служат отдаленные по времени события. Еще не так давно (лет тридцать назад) шли – довольно вялые – споры, какая же временная дистанция должна отделять нас от событий, чтобы их изображение в художественном произведении делало это произведение историческим. Однако я не помню не только споров, но и размышлений о том, какая степень фантазии, вымысла допустима, чтобы, например, роман оставался историческим, и каков тот предел, за которым это определение, «исторический», теряет смысл. Ведь наличие в произведении исторических персонажей еще не делает это произведение историческим; иначе пришлось бы считать историческими произведениями даже абсурдные миниатюры Хармса, где валяют дурака Пушкин и Гоголь (а вернее, сам Хармс).

Однако вернемся к венгерскому прозаику Мору Йокаи (1825–1904). Его слава блестящего рассказчика, виртуозно владеющего всеми богатствами венгерского языка, умело, непринужденно, весело плетущего интригу в каждом своем произведении, жива и поныне. В молодости он был причастен к революционным событиям 1848–1849 гг., дружил с пламенным народолюбом и революционером Ш. Петефи; прогрессивные (хотя далеко уже не революционные) симпатии сохранялись у него до конца жизни. Да много ли найдется по-настоящему талантливых писателей, которые в своем мировоззрении были бы откровенными ретроgrадами? (У нас, кроме А. Проханова, я и вспомнить-то никого не могу. Да и с Прохановым, кажется, не все так уж однозначно.)

Короче говоря, Мор Йокаи был в первую очередь (да, пожалуй, и во вторую, и в третью) писателем, даже, можно сказать, сказочником, волшебником слова,

необычайно плодовитым, необычайно успешным, обладающим необычайной способностью увлекать читателя и замысловатым сюжетом, и музыкой венгерской речи. Писал Йокаи очень легко и быстро, и для того, чтобы без перерыва удовлетворять свою потребность в творчестве (и читательскую потребность наслаждаться его творчеством), он черпал материал там, где мог: и в современности, и в прошлом, и в жизни других народов. Например, более тридцати произведений разных жанров у Йокаи посвящены Польше и полякам (об этом сообщается в рецензируемой книге на с. 138), и это совсем не удивительно: поляков и венгров объединяют многовековые традиции сотрудничества и взаимного интереса.

Русская или, точнее, российская тема для венгров далеко не так ясна и приятна, как польская. Хотя в историческом прошлом были эпизоды сближения (вспомним хотя бы дружеские отношения между Петром I и Ференцем II Ракоци), однако Российская империя доставила Венгрии немало неприятностей, а массовое сознание, как известно, не очень склонно разделять государство и народ, его населяющий. Вместе с тем интерес – отнюдь не всегда сочетающийся с симпатией, чаще всего опасливый – к нависающему над ними необъятному и грозному соседу у венгров был велик. Тем более что с необозримых российских просторов приходило в Венгрию не только плохое: русская литература (прежде всего, конечно, Пушкин) рано завоевала авторитет у венгерских читателей, – об этом красноречиво и убедительно пишет, например, венгерский литературовед Бела Риго в статье «Пушкин и Йокаи» [3].

Так что Йокаи в поисках занимательных тем, жгуче интересных для его читателей, просто не мог не обращать взор в сторону огромного и загадочного соседа.

В эпоху принудительной идеологической дружбы в рамках соцлагеря венгерские литературоведы и историки – в контексте исследования все тех же взаимосвязей – много сил и времени уделяли поискам всех и всяческих отражений российской истории, российской (русской) жизни в творчестве Йокаи (как и других писателей, всех, у кого подобные моменты можно было найти). Г. Герасимова с присущей ей добросовестностью и основательностью продолжает и – можно смело сказать – завершает в своей книге эту работу, анализируя с этой точки зрения *все* произведения Йокаи, где в той или иной мере наличествует русская тематика. Но исследовательница идет дальше: она приводит все – известные и предполагаемые – источники, из которых черпал сведения Йокаи (источники эти – в основном путевые заметки и воспоминания иностранцев, совершавших длительные поездки в Россию: маркиза де Кюстина, Ж. Кастера, М. Я. фон Крузеншольце и других – всего 18 позиций в библиографии). Но более того: Г. Герасимова сопоставляет события и исторические фигуры, описываемые или упоминаемые в произведениях Йокаи, с российской исторической литературой прошлого и нового времени. Раздел библиографии «Историческая литература», включающий 203 работы, немалого уступает в объеме разделу литературоведческому (269 позиций). Слово «достоверно» («верно», «правильно») встречается в книге едва ли не чаще всех других слов: с такой последовательностью автор старается выяснить, точно ли, близко ли к реальности Йокаи описал тот или иной момент российской истории, то или иное ее действующее лицо. Упорству и систематичности Г. Герасимовой можно только позавидовать: мы получаем практически полную картину того, что венгерский романист знал о России; или, во всяком случае, того, что из этих знаний он использовал в своих произведениях.

Но – тут у меня начинаются серьезные несогласия с уважаемой исследовательницей.

Зайду опять же издаleка. Или, скорее, сбоку.

Поколение за поколением наша, и не только наша, молодежь, и не только молодежь, зачитывается «Тремя мушкетерами» Александра Дюма-отца. Романом, в котором, как известно, фигурируют исторические персонажи: король Франции

Людовик XIII Справедливый, королева Анна Австрийская, кардинал Ришелье, герцог Бекингем. Да и доблестная четверка обладала вполне реальными прототипами. И история с подвесками не высосана писателем из пальца.

Но, Господи, кого из читателей интересует вопрос, достоверно или недостоверно изобразил Дюма своих героев и запутанные их отношения! Читатель захвачен погонями, стычками, интригами; читатель вполне отдает себе отчет в том, что супружеская верность – не главная из добродетелей королевы, но ведь она – такая симпатяга! Она же явно нравится д'Артаньяну! И он ей нравится. И не будь тут мужа-короля, не будь герцога, не будь вокруг шпионов кардинала, – глядишь... Да ведь и д'Артаньян: не будь у него мадам Буонасье, не будь требовательных друзей, не будь кругом вездесущих гвардейцев кардинала, не будь капитана Тревиля, и чувства долга, и еще многого всего, – глядишь... И читатель подавляет в себе легкий вздох.

И вот этот-то подавленный вздох – это нечто такое, что в тысячу раз более ценно, чем достоверность или недостоверность, соответствие или несоответствие описанного в романе реально жившим когда-то людям и реально происходившим событиям. Ибо это – литература, где *как* очень часто существеннее, чем *что*; а если не существеннее, то и *что*, можно подозревать, никуда не годится.

И если мы при словах «француз», «Франция» внутренне оживляемся, готовые к улыбке, то причина этому – и Дюма-отец с его веселым, отчаянно храбрым и находчивым гасконцем д'Артаньяном.

Вот она, имагология, в действии, осязаемая и наглядная.

Тут уже ясно, наверное, что я собираюсь сказать о Йокаи и о его «русских» произведениях.

Самый яркий из «русских» романов Йокаи – «Свобода под снегом, или Зеленая книга» (1879). Это роман о декабристах и о Пушкине: в то время, когда Йокаи создавал его, имя Пушкина было не просто известно читающим венграм – оно пользовалось огромной популярностью, поскольку уже десять лет как был переведен (в 1866 г.) «Евгений Онегин», и переведен конгениально. Автор перевода, Карой Берци, благодаря какому-то счастливому совпадению характера и обстоятельств услышал и передал Пушкина так, что поэзия русского поэта оказалась в полном резонансе с настроениями венгерского общества. Венгерский «Онегин» получился чуть более романтично-меланхоличным, чем оригинал, но именно таким он и нашел отклик в душе венгров, отклик настолько плодотворный, что под его влиянием возникло целое направление в венгерской литературе второй половины XIX в. Г. Герасимова почему-то не упоминает об этом факте; между тем нет никаких сомнений, что именно успех «Евгения Онегина» подвиг Йокаи обратиться к этой фигуре, сделав Пушкина героем очередного своего романа.

Конечно, Йокаи – об этом Г. Герасимова пишет довольно подробно – собрал много сведений и о Пушкине, и о его времени; и, поскольку живым русского поэта можно было показать только в какой-нибудь интриге, Йокаи воспользовался данными о связях Пушкина с декабристским движением. В романе присутствуют и Рылеев, и Пестель, и Кюхельбекер, и Муравьев-Апостол, и Якушкин. Конечно, трудно было бы выстроить этот сюжет, не поместив в него также царя Александра I и его правую руку, Аракчеева.

Но, взяв эти имена и основную канву событий, писатель вовсе не собирается цепляться за них, как делающий свои первые шаги малыш – за ходунки. В романе «Свобода под снегом» читатель, особенно русский читатель, имеет возможность (как замечает Б. Риго) «получить представление о широте размаха, с какой Йокаи обращался с историей» [З. С. 197].

Возглавляет декабристов («Северное общество») некий князь Гидимин. Активным членом общества является зеленоглазая красавица Зенеида Ильмеринен; Пушкин, естественно, в нее влюблен. Влюблена в него и Зенеида, а также зага-

дочная грузинская княжна Бечаба, а также прекрасная (у Йокаи все женщины – красавицы) София, внебрачная дочь Александра I. Волею судьбы (и царя) Пушкину и Софии предстоит сочетаться узами брака, и царь даже предлагает поэту попросить для себя какой-нибудь подарок. Пушкин не преминул воспользоваться предложением: пав перед царем на колени, он воскликнул: «Отец наш! В сей радостный день даруй народу своему конституцию!».

Далее следует диалог, выдержанный в таком же духе. Сердце царя, тронутое словами поэта, тает: он обещает народу вольность и даже прогоняет от себя угрюмого садиста Аракчеева. Правда, Софья еще до свадьбы с Пушкиным умирает – и обещанной конституции не будет, и Аракчеев возвращен...

(Можно, конечно, тщательно выискивать в этом безудержном полете романтической фантазии крупницы «достоверности», исторической правды, – чем и занимается неустанно Г. Герасимова. Куда интереснее и ценнее, на мой взгляд, то, что Йокаи с его невероятной писательской интуицией в этом выдуманном диалоге вдруг *угадал* нечто реальное: в пушкинских «Воспоминаниях» есть «Воображаемый разговор с Александром I» [4. С. 51], который Йокаи, конечно, не мог знать; «Разговор» этот, относящийся к концу 1824 – началу 1825 г., очень напоминает диалог между Пушкиным и царем в «Свободе под снегом».)

Конечно, в глазах русского читателя все это напоминает то, что у нас принято называть «развесистой клюквой». Но в том-то и дело, что Йокаи писал свой роман *не для русского читателя*. А потому такой критерий, как достоверность (соответствие исторической правде) едва ли занимал важное место среди того, что его тут беспокоило.

Исследовательница прилагает большие усилия, чтобы привязать полет фантазии Йокаи к достоверности. Совершается это по схеме, ясно проглядывающей, например, в следующем пассаже:

«[...] если некоторые действия поэта (Пушкина. – Ю.Г.) как героя романа не всегда совпадают с его действительными поступками в реальной исторической жизни, это никак не свидетельствует о недостоверности его образа в “Свободе под снегом”, – он мог совершить эти поступки, ибо венгерский романист постиг и отразил правду характера великого русского поэта. В основе изображаемых им чувств, переживаний Пушкина, обстоятельств и ситуаций, связанных с ним, почти всегда лежит действительный исторический факт, иногда переосмысленный писателем, а иногда перемещенный его волей во времени или пространстве в соответствии с его авторским замыслом» [2. С. 121].

Итак: достоверность, правда характера, авторский замысел. Эти три принципа очень важны, но важны – сами по себе, по отдельности. Совместить их в рамках одного художественного произведения, да и в рамках одной аналитической работы нельзя, да и методологически неправильно. Потому что авторский замысел и правда характера побуждают порой как раз идти против достоверности.

Примеров, подтверждающих эту мысль, можно было бы привести много. Приведу лишь один, тоже из венгерской литературы. Писатель Дёрдь Шпиро в романе «Иксы» (1981) берет своим героем великого польского актера и театрального деятеля Войцеха Богуславского (1757–1829), а в основу сюжета кладет борьбу Богуславского против так называемого Общества Иксов, заговора могущественных ретроградов. Суть ситуации в том, что писатель – как раз исходя из творческого замысла и правды характера – заставляет своего героя погибнуть в 1919 г., на десять лет раньше действительной смерти: сломленный, сдавшийся Богуславский ему в его историческом романе был не нужен.

Надо думать, самому Йокаи были чужды амбиции историка. Зато он прекрасно сознавал, как и что он должен делать, как и что должен писать, чтобы у венгров не укоренилось навсегда отрицательное, недоверчивое отношение к соседям – именно как к народу, носителю высокой культуры, а не как к империи, символом

которой является сейчас Кремль. О том, что Йокаи именно так понимал свою роль, свидетельствуют слова самого Йокаи, обращенные к русским читателям журнала «Восход»: «Венгерский народ проникнут глубокой симпатией к великой русской нации, призванной к славной миссии нести цивилизованность и гуманность. Выдающиеся носители русского духа – Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Гоголь, Достоевский, Герцен пользуются у нас почти такой же популярностью, как и у себя на родине. Народу чужда ненависть к другим народам, кто отрицает это, тот – лжепророк. Обязанность журналистики состоит в том, чтобы распространять идею братства меж народами. Литература есть факел общественного мнения. Приветствую вас, дорогие мои сестры и братья во литературе» [3. С. 201]. Слова – несколько официальные, но, кажется, искренние. И с точки зрения имагологии – совершенно бесценные.

Таким образом, отдавая должное огромной работе, проделанной Г. Герасимовой, я не могу согласиться с ней, когда она изо всех сил тянет Мора Йокаи в истории, тогда как он был рассказчиком, фантазером, сказочником.

И при этом сама, будучи филологом, и филологом по призванию, по душе, – изо всех сил отказывается от своего филологического «я», стремясь быть историком.

Правда, удается ей это не всегда: филологическая суть иной раз вырывается на поверхность, побуждая ее время от времени признавать, что Йокаи все же хорош и интересен, хотя и «переплетает известные ему из источников сведения с фантазией, допуская при этом определенные вольности в обращении с историческими фактами и казусы, простительные для иностранца, писавшего *к тому же* (!? – курсив мой. – Ю.Г.) роман, а не научное исследование» [2. С. 153].

Свое исследование, в основном готовое к 1991 г., когда Г. Герасимова защитила кандидатскую диссертацию, она, уже незадолго до выхода книги (об этом позволяю судить даты исторических работ, приведенных в библиографии), дополняет главой «Мор Йокаи и Украина». Поступок вполне понятный и оправданный – в свете того, что Украина обрела и всячески лелеет свою независимость. Об этом исследовательница говорит в начале главы без обиняков: «становится особенно актуальной проблема имиджа нашей страны как в настоящем, так и в прошлом» [2. С. 171] («имидж в прошлом» – звучит несколько загадочно). Интенции автора ясны; но не слишком ясна готовность Йокаи соответствовать этим интенциям. Боюсь, Йокаи воспринимал Украину всего лишь как часть Российской империи, не слишком размышляя о том, чем жители Украины отличаются от жителей России в целом. Тем не менее Г. Герасимова выявляет и собирает – иногда по крохам – все, что в произведениях Йокаи относилось или могло относиться к Украине. Она даже привлекает к решению этой задачи фигуру Ференца Листа, который в 1847 г. гастролировал на Украине; автор пишет: «[...] он (Лист. – Ю.Г.) мог значительно обогатить представление об Украине своего многолетнего друга – Мора Йокаи» [2. С. 175]. (Но ведь мог бы и не обогатить, простодушно добавлю я.)

Явная заданность этой цели – создать глазами Йокаи определенный образ Украины и украинцев вынуждает Г. Герасимову делать, мягко говоря, не слишком обоснованные, ни литературно, ни исторически, умозаключения. А иной раз она грешит и против политкорректности. Скажем, излагая рассказ «Премудрый Соломон в московском издании» (речь там идет о сваре между офицером на постое и местным купцом; дело происходит в украинском городе Каменец-Подольский), Г. Герасимова добавляет: «Известны многочисленные бесчинства русских офицеров, расквартированных на Украине, на которых не было ни суда, ни управы, чем были глубоко возмущены купеческие и мещанские слои украинских местечек...» [2. С. 189], – здесь так и просится слово «оккупанты».

Вполне гармонирует с этим вывод, который исследовательница делает в конце украинской главы: «[...] он (Йокаи. – Ю.Г.) имел свою собственную точку зрения на существование украинской нации как самостоятельного, отличного от русских

этнического образования, имеющего право на свою государственность, что лишний раз доказывает его историческую прозорливость» [2. С. 201].

Вот так!

В завершение – несколько мелких замечаний, касающихся языка.

Г. Герасимова родилась и детство провела (как об этом сообщается в справке «Об авторе», с. 262) в России, в Московской области. Диссертацию свою писала по-русски; рецензируемая книга тоже вышла на русском языке. То есть русский язык для нее – родной. Но тем сильнее царапают слух погрешности, которых много в тексте. Уже обозначение жанра книги – «Научная монография» – нонсенс: «монография» и есть научное исследование. Читателя останавливает и погружает в задумчивость выражение «разрубывание на 5 частей». Что имеется в виду, как вы думаете? Оказывается: четвертование (вид казни).

Мне резали слух и некоторые образцы перевода на русский язык названий книг Йокаи. Самый, пожалуй, роскошный пример: роман «A lócsei fehér asszony», в основе сюжета которого – трагическая судьба женщины, которую одни считали предательницей, другие – героиней и мученицей, фигурирует здесь под названием «Блондинка из Лече» (я бы перевел пусть не слишком оригинально, но не так анекдотически: «Женщина в белом», что ли).

И все же, несмотря на огрехи, книга Г. Герасимовой – основательная, полезная и служащая укреплению добрых отношений между венгерской, с одной стороны, и украинской и русской культурами – с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Венгерско-русские литературные связи. М., 1964.
2. Герасимова Г. Россия и Украина в изображении Мора Йокаи: Достоверность и фантазия. Научная монография. Ужгород, 2009.
3. Риго Б. Пушкин и Йокаи // Иностранная литература. 1999. № 6.
4. Пушкин А.С. Полное собр. соч. в 10-и т. М., 1978. Т. VIII.

© 2013 г. Л.Ф. ШИРОКОВА

СЛОВАЦКАЯ ПРОЗА ПОСЛЕ 1989 ГОДА: ТЕНДЕНЦИИ, АВТОРЫ, ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Развитие словацкой литературы после 1989 г. характеризуется размежеванием писательского сообщества, отменой цензуры, включением в оборот произведений диссидентов и эмигрантов, обращением молодых авторов к постмодернизму. В XXI в. ведущим жанром становится роман в самых разных индивидуальных воплощениях. Общие черты – обращение к прошлому для понимания настоящего, детальное исследование путей становления и самопознания личности, определение ее нравственных параметров.

Development of Slovak literature after 1989 is characterised by demarkations within the writers' community, abolition of censorship, inclusion into circulation of the work of dissidents and emigrants, shift of young authors towards Postmodernism and so forth. In the twenty-first century, novel in its individually defined forms became the leading genre. Works published after 1989 show interest in the past in order to understand the present, go into a detailed analysis of the individual's maturation and self-knowledge, and definition of the moral parameters of these processes.

Ключевые слова: словацкая литература, «нежная» революция, смена поколений, постмодернизм, жанровые трансформации, герой романа.

Исторические даты, значимые социально-политические события часто служат ориентирами в потоке времени, в осмыслении особенностей тех или иных стадий развития общества. Такими вехами для Словакии считаются как рубеж XX–XXI вв., так и «нежная» революция в ЧССР (ноябрь 1989 г.) и образование самостоятельного государства – Словацкой Республики (1993). Это во многом справедливо, например, в отношении истории и социологии, однако когда речь заходит о сфере культуры, становится очевидной условность этих рубежей, смещение отправных и финальных точек, несовпадение, а порой и разнонаправленность процессов.

После падения коммунистического режима не наблюдалось мгновенных и радикальных перемен в словацкой литературе, если говорить о ее творческой составляющей. На характере и качестве самой литературной продукции внешние факторы сказывались в меньшей степени, поскольку сохранился, в основном, круг авторов, не подверженных сиюминутной конъюнктуре. Продолжили свое развитие идейно и художественно продуктивные тенденции, зародившиеся еще в 1960-е годы и усилившиеся на излете так называемой нормализации, к концу 1980-х годов (стремление преодолеть жесткие идеологические рамки, тяготение к анализу внутреннего мира человека, интерес к новой поэтике и др.), которые, во-

Широкова Людмила Федоровна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

площадь в литературных произведениях, способствовали и процессу обновления общества.

Начало 1990-х годов ознаменовалось для писателей в большей мере трудностями материального порядка, вызванными общей перестройкой экономики, перераспределением собственности. В новых общественно-политических и экономических условиях изменилась и вся литературная «надстройка»: разорвались и закрывались одни издательства и возникали новые, зачастую искавшие коммерческой выгоды за счет тиражирования массовой литературы; в периодических изданиях беллетристика порой уступала место публицистике. В это же время шло идейное размежевание писательского сообщества, разделившегося в итоге на две противоборствующие организации, которые возникли на основе бывшего Союза словацких писателей. Иным становился и сам статус писателя в обществе, нивелировалась традиционная для него функция «совести нации», социальная значимость.

События ноябрьской революции и последовавшие за ними перемены отразились на состоянии литературы и целом ряде других аспектов.

Первый и самый очевидный – это отмена цензуры и появление в открытой печати книг и имен, которые ранее находились под запретом и оставались тем самым в определенной мере за рамками литературного сознания. Палитру современной словацкой литературы обогатили вновь включенные в литературный оборот произведения писателей-диссидентов и эмигрантов. Вскоре после «нежной» революции вышли в свет и роман одного из крупнейших словацких писателей XX в. Йозефа Цигера-Гронского (1896–1960) «Свет на Трясине», написанный им в конце жизни в эмиграции, и произведения поэтов «Католической модеры» – Рудольфа Дилонга (1905–1986), Микулаша Шпринца (1914–1986), Карола Стрменя (1921–1994) и других, и книги диссидентов – «Собственный горо(р)скоп» Ивана Кадлечика (р. 1938), «Хлеб и игры», «Pereat» Павла Груза (1941–2008), «Джин» Мартина Шимечки (р. 1957), и произведения «внутренних эмигрантов» – мемуарный роман «Дом запустения» Янко Силана (1914–1984), вышедшие одновременно сразу три книги «из ящика» Павла Виликовского (р. 1941) и др.

Нужно отметить поколенческое разнообразие круга современных авторов; эта структура все еще сохраняется, претерпевая некоторые печальные изменения естественного порядка. Так, завершился творческий путь ряда выдающихся представителей старшего поколения, дебютировавших в конце 1950-х – в 1960-е годы и продолжавших плодотворно трудиться в «послереволюционные» годы (Р. Слобода, В. Шикуча, Я. Йоганидес). К этому же поколению принадлежат и такие ныне здравствующие и активные писатели, как П. Виликовский, Д. Митана и др. В конце 1980-х – первой половине 1990-х годов на литературную сцену выходят молодые писатели – П. Пиштянек, В. Панковчин, И. Отченаш, П. Ранков, И. Коленич, чуть позднее – В. Балла, Т. Горват, П. Карпинский, М. Гворецкий, Д. Капитанева, М. Компаникова – каждый со своим оригинальным стилем и поэтикой. Справедливой представляется оценка словацкого литературоведа В. Марчока, охарактеризовавшего современную литературную ситуацию как «толерантное сосуществование творческих усилий, рассеянных во множестве трудноуловимых индивидуальностей» [1. S. 61].

Говоря условно, в словацкой прозе новейшего периода произошло почти синхронное наложение двух волн – взлета (и завершения) творчества «шестидесятников» (которых по праву называют одним из самых сильных писательских поколений) и вступления в литературу молодых писателей 1990-х. У этих разновозрастных, разделенных тремя десятилетиями волн много общего, причем не только внешнего, состоящего, например, в автобиографизме и камерности их первых произведений, в их современной тематике, тяготении к малым жанрам – дебютный роман был исключением как для 1960-х («Нарцисс» Р. Слободы), так

и для 1990-х годов (трилогия «Rivers of Babylon» П. Пиштянека). После дебютов следовал этап творческого взросления и как следствие – укрупнение форм художественного отражения действительности, углубление психологизма, склонность к философской рефлексии. С другой стороны, при всей схожести этих процессов, у зрелых и молодых писателей характер творчества, несомненно, во многом различный (хотя и здесь есть исключения). Зрелое, или старшее поколение, преодолев этапы «исповедальности» 1960-х, социального романа «нового историзма» 1970–1980-х, возвращалось на новом уровне к саморефлексии. Их творческое видение – в целом позитивистское по отношению к действительности, которую они воспринимают и отражают как объективную данность. Молодые писатели представляют реальность чаще как иллюзию, загадку, пародию, культурный феномен. Правда, и у них можно отметить движение от постмодернистских тенденций 1990-х к своего рода новому реализму 2000-х годов.

Постмодернизм, господствовавший в прозе 1990-х годов, к настоящему времени во многом уже изжил себя. При этом литература сохраняет некоторые его черты – присущую современному культурному сознанию интертекстуальность, тяготение к гротеску и литературной игре. Эти качества в конкретном авторском воплощении имеют в словацкой прозе разный характер и функции.

Писатель и литературовед Томаш Горват (р. 1971) в своих книгах нередко отдает предпочтение пастишу и гиперболе. Так, в сборнике «Антиквариат» (2004) он представил целую галерею литературных стилей, пародируя известных писателей. В рассказе «Тенета» – это экспрессивно-романтический стиль словацких натуралистов 1930–1940-х годов (Ф. Швантнер, М. Фигули, Д. Хробак) с типичными для них персонажами: здесь и роковая красавица, и лихой контрабандист, и злобещий оборотень, действующие на фоне мистической природы гор. Фигуры и мотивы произведений натуралистов при всей узнаваемости гиперболизированы до абсурда, причем автор предлагает свою игру читателям, знакомым не только с самим этим направлением, но и с литературоведческим исследованием О. Чепана «Контуры натурализма» (1977), ему посвященным: «Преисподняя извергает из себя лаву, которая тут же на ледяном воздухе застывает, превращаясь в злобещий лик существа, которое бесконечными ночами мучает его в кошмарных снах. Это он, призрачный ночной гость! Каменный контур натурализма!» [2. S. 54].

Петер Пиштянек (р. 1960) в начале своего дебютного романа «Rivers of Babylon» (1991) использует в пародийном плане стилистику словацких классиков-реалистов (Тимравы, Й. Грегора-Тайовского), повествуя о безрадостной жизни главного героя Раца в родной деревне. Во второй части трилогии с подзаголовком «Деревянная деревня» (1994) он иронически отталкивается от мифологемы социалистического реализма, содержащейся в романе Ф. Гечко «Деревянная деревня» (1951), трактуемой как светлая перспектива ухода от деревни деревянной к деревне новой, кооперированной и механизированной. Пиштянек переворачивает этот идеализированный образ, превращая его в гротескные картины-комиксы времен дикого капитализма 1990-х. В его романе «Деревянной деревней» называют унылую кучку дощатых киосков, оставшихся со времен социализма и служащих прибежищем бездомных и прочих «низов общества»; особенно контрастно выглядят эти трущобы на фоне расположенного по соседству роскошного отеля «Амбассадор», владельцем которого становится бывший бедняк Рач, сумевший быстро разбогатеть в столице при помощи темных махинаций. Гипербола и абсурд, стилистическая жесткость и эпатаж, используемые писателем, представляются весьма адекватными средствами художественного осмысления этой реальности.

П. Пиштянек использует этот прием своеобразной «стилизации-полемики» и в других произведениях. Так, в новелле «Молодой Дуонч» (1993) преобразуются, вновь гротескно-гиперболизированно, сюжетные линии и характеры, «позаимствованные» у классиков словацкого реализма (очевидна аллюзия с рассказом

Тимравы «Тяпаки», написанным в 1914 г.). Пародируется и соцреалистический канон. Абсурден в своей стерильной безупречности герой рассказа «Товарищ Бозонча, идеальная рабочая сила» (1993) – воплощение плакатного рабочего времен социализма: «На его улыбающихся губах всегда бодрая песня. Простое доброе лицо освещают ясные глаза», в деталях портрета звучит ирония: «Зубы он чистит регулярно. Их 28: зубы мудрости у него так и не выросли», «руки у него великоваты, а голова маловата», «Волосы у него темные, глаза серые, но не слишком» [3. S. 198].

«Книга о кладбище» (2000) Даниэлы Капитаневой (р. 1956) написана в форме причудливого по стилю и содержанию дневника, который ведет городской чужак Самко Тале – гротескный тип «вечного пионера», доносчика и блюстителя «правильной линии» с ориентирами поведения, затверженными еще при социализме в начальной школе; его слог автор мастерски стилизует под монотонно-шаблонную речь имбецила. При этом остроумие и меткость выражений, свойственные писательнице, позволили многим словечкам Самко разойтись в читательской среде в качестве афоризмов.

«Чистка старого серебра» (2006) П. Виликовского представляет собой также стилизованный дневник гимназиста времен Австро-Венгрии с соответствующим по стилю визуальным рядом – старинными открытками начала XX в. в качестве иллюстраций.

Как эмоционально окрашенное личностное повествование с элементами исповеди написаны современные словацкие антиутопии, в основе которых – схожая ситуация героя-изгоя, его бегство из враждебной среды, от угрозы обезличенности и бездуховности. Окрашенный пессимизмом сюжет ведет, как правило, к краху главного героя.

Герой новеллы Ивана Коленича (р. 1965) «Прощайся с поэзией» (2004) поэт Артур Наг – один из гонимых мира, разделившегося на «чистых» – добропорядочных мещан и «нечистых» – поэтов, бродяг и прочие асоциальные элементы. Пока патрули – безликие «голые черепа в черных рубашках» – уничтожают нечистых, чистые впадают в летаргический сон, своего рода «сон разума», порождающий чудовищ. Всеобщее одичание затронуло и Артура – потеряв человеческий облик, он утратил и поэтический дар. В финале читателя ждет иронически благостная картина возвращения жизни в привычное мещанское русло, где поэзии уже нет места.

Герой-рассказчик романа-антиутопии Михала Гворецкого (р. 1976) «Плюш» (2005) Эрвин Мирский – дитя своего времени (действие разворачивается в 2029 г.), когда рекламные слоганы заменили человеческие имена, а компьютерная зависимость стала самой распространенной болезнью. Эрвин пытается бороться с ней, сбегая сначала в нетронутые технической цивилизацией уголки, а потом в обобщенно западный город Сити, где его постепенно поглощают те же темные стихии, материализовавшиеся в мрак ночного города, погружившегося в кромешную тьму из-за некоей техногенной аварии.

Условность изображаемой здесь действительности отвечает одной из характерных тенденций прозы последнего времени – художественной трактовке действительности как ускользающей материи, как реальности, неоднозначной во времени и пространстве, и, кроме того, – как материального мира, включающего в себя и культурные пласты, и литературные тексты.

С перспективы прошедшего двадцатилетия уже можно проследить определенные закономерности развития словацкой прозы, в том числе и в жанровом отношении.

В 1990-е годы в словацкой прозе преобладали малые жанры, что в определенной мере было связано со сменой писательских поколений, с приходом молодых прозаиков с их дебютными новеллами и сборниками рассказов. Стимулирующим

моментом послужил и ставший традиционным конкурс на лучший рассказ, проводящийся до сих пор на протяжении уже почти полутора десятков лет (аналогичный конкурс на лучший роман был организован лишь однажды – в 2006 г.). В 1990-е годы заметными в художественном отношении были лишь романы писателей старшего поколения – «Кровь» и «Осень» Р. Слободы, «Орнамент» В. Шиккулы, «Наказующее преступление» Я. Йоганидеса, «Поиски потерянного автора» Д. Митаны и другие, продолжавшие (или завершавшие) в относительно неизменном виде их творческий путь, начавшийся еще в 1960-е годы.

Новые темы, нового героя, новое видение действительности и ее новое, часто постмодернистское отражение привносили в словацкую литературу молодые прозаики-новеллисты. Пожалуй, единственным романом нового поколения в 1990-е годы стала уже упоминавшаяся дебютная книга П. Пиштянека «Rivers of Babylon», выросшая затем в трилогию (1991, 1994, 1999).

В 2000-е годы происходит постепенная трансформация словацкой прозы, результатом которой стал заметный расцвет крупных жанров. Это дает основание говорить об изменении самого сознания литературы, о сложившейся в ней, говоря словами известного исследователя истории словацкого романа Яна Штевчека, «романной ситуации». «Под романной ситуацией, – писал он, – мы понимаем совокупность тех объективных и субъективных условий, которые являются по отношению к роману внешними, но при этом определяющими [...] Объективная ситуация может сделать из писателя автора романов лишь тогда, когда перед ним предстает во всей широте жизнь социума с ее латентной способностью стать предметом индивидуального воплощения» [4. S. 128]. Правда, в романах последнего времени «широта» охвата действительности часто уступает место второму компоненту – индивидуальному авторскому видению.

К крупным жанрам стали обращаться писатели разных поколений, с разным жизненным и творческим опытом и разными художественными задачами. Однако «засилье» рассказа длилось так долго, что критику и публицисту, автору ежегодных обзоров прозы Александру Галвонику еще совсем недавно, в обзоре прозы за 2007 г., «с цифрами в руках» пришлось доказывать сомневающимся, что роман все же завоевал крепкие позиции, численно уже преобладая над малыми жанрами. «Размах романа, – подчеркивал он, – это поиск новых идей и нового содержания. Односторонностей – традиционных, модернистских, постмодернистских – у нас было уже предостаточно» [5. S. 1].

Рассмотрим наиболее заметные, на наш взгляд, словацкие романы последнего времени.

Проблемы кризиса среднего возраста, а также и некоего переживаемого в Словакии исторического «среднего» состояния общества – промежутка между социализмом и «капитализмом», между «советским» и «западным» стоят в центре романа Вильяма Климачека (р. 1958) «Площадь космонавтов» (2007), название которого снабжено красноречивым полукириллическим подзаголовком – «Generácia Ю». Роман Климачека – это сочувственная защита в общей массе непрактичного и неприкаянного поколения сорокалетних, к которому принадлежит и сам автор, и центральные герои романа – Марош и Игорь. Ему посвящено и отдельное «лирическое отступление» – ироничный и остроумный авторский трактат о быте и нравах Поколения. Оно, по метафорическому замечанию автора, с трудом переходит от кириллического Ю (аллюзия на Юрия Гагарина, кумира их детства) к английскому YOU, которые «фонетически звучат одинаково, однако их разделяет идеологическая пропасть необозримой глубины» [6. S. 85]. Элементы абсурда в романе материальны и узнаваемы. Дорога католической Кальварии («Путь на Голгофу»), где столбы с надписями и изображениями вех Крестного пути Христа перемешаны с экспозицией достижений советской космонавтики – любимое место прогулок горожан. На центральной площади городка стоит гигантский монумент –

космическая ракета на старте, переделанная в 1970-е годы из евангелистского храма. Гротескно изображены и приметы нового времени – «хищный» супермаркет, поглотивший маленькие семейные магазины, подземное поселение бездомных и нищих и многое другое в этом роде, включая гигантскую заброшенную советскую военную базу, где таятся запасы загадочного химического вещества. Сюжет романа разворачивается логично и последовательно: описываются события одной недели, связанные с празднованием дня города, встречей, воспоминаниями и переживаниями героев – старых школьных друзей, которых жизнь разбросала и изрядно потрепала. К числу достоинств произведения можно отнести точную и объемную образность, сочетание авторской иронии и самоиронии с ностальгическими нотками, реализма с гротеском и абсурдом, осмысление личных судеб героев как судьбы всего «постсоциалистического» поколения.

В 2010 г. вышла книга П. Виликовского «Автобиография зла». Это второй роман в большой творческой биографии писателя, автора многочисленных рассказов и новелл (первую свою книгу, сборник «Воспитание чувств в марте», он опубликовал еще в 1965 г.). Книга состоит из двух почти автономных частей-романов, связанных между собой темой – анатомией зла в его конкретных проявлениях и едва уловимой нитью в системе персонажей (герой-рассказчик второго романа упоминается в первом). Повествование в первой части с названием «Краткое экстремальное одиночество Йозефа К.» ведется от третьего лица как бы сторонним наблюдателем, который проникает в мысли, чувства и подсознание героя. В Йозефе К. многое условно, зыбко, начиная с имени, подлинность которого поставлена под сомнение в первой же фразе романа («Назовем его Карстен, какое это глупое, ненастоящее имя»). Ситуация же понятна сразу: политического заключенного пытаются в тюрьме госбезопасности в советской зоне оккупации вскоре после окончания войны; «добрый» следователь предлагает ему сотрудничество в обмен на жизнь жены и двух маленьких сыновей. Экстремальное состояние души, описываемое как «черная свобода», «лед в груди», готовность в любую минуту покончить с собой и соблазн уступить шантажу – ведут «Карстена» к неизбежному концу. Но прежде он и сам встает на путь зла, когда «включается в игру», пишет отчеты о своих встречах с бывшими политическими соратниками, а потом берет в заложники маленькую девочку, приняв ее за дочь ненавистного следователя. В конце наступает минута «жесточкого прозрения», когда герой, погрязнув в фальши (фальшивый паспорт от госбезопасности с фальшивым именем, фальшивые доллары, фальшивая свобода в конспиративной квартире, фальшивые отношения), осознает, что он уже не жертва злого враждебного мира, «он понял, что он не просто очутился в таком мире, он создает такой мир сам» [7. S. 137]. Во второй части романа под названием «Долгое экстремальное одиночество Марии М.» герой-рассказчик (от первого лица) проводит частное расследование нераскрытого уголовного дела двадцатилетней давности об исчезновении заведующей сбербанка, похитившей крупную сумму государственных средств. Герой, бывший учитель, в котором читатель постепенно, по его отдельным обмолвкам узнает младшего сына «Йозефа Карстена», ведет свои поиски не ради того, чтобы найти Марию, – он хочет «узнать ее», понять мотивы ее поступков, а заодно «навести порядок в собственной голове». В поисках ответа на свой главный вопрос – как воплощается зло в человеке? – герой расспрашивает близких и знакомых Марии М., подробно цитирует и анализирует дневники Геббельса, вспоминает собственные проступки. В финале автор устами своего героя проясняет смысл названия романа: он ничего не узнал о Зле глобальном, но «самое обычное зло, которое каждый из людей носит в себе, можно найти в его автобиографии» [7. S. 299].

Мирослав Биелик (р. 1949), один из руководителей Матицы Словацкой, автор двух стихотворных сборников, дебютировал в прозе книгой под названием «Действительность. Венецианский диптих I» (2007). В романе с подзаголовком

«Неопределенное время, определенное место» «действительность» – это не описываемая объективная реальность, а основной концепт, вокруг которого строится многоплановый сюжет. Блуждание героя Ильи Пиша между трагическим прошлым, неопределенным будущим и суетным, хаотичным настоящим также связано с поиском ответа на вопрос «Что здесь действительность и что не-действительность?». Уже в «интродукции» к роману под названием «К секретному договору между автором и рассказчиком» обозначена изначальная неопределенность сторон «в вопросе самой реальности или нереальности эпического мира», поскольку «автор в эпоху “пост-” ни в чем не может быть уверен» [8. S. 6]. Повествование разворачивается параллельно в нескольких сферах: реалистическая (или условно реалистическая) фабула – сцены из повседневной жизни героя, директора полиграфического комбината и графика-любителя, текущие производственные дела и проблемы, споры с молодой женой-реставратором; вторая сюжетная линия – детективная, связанная с загадочной пропажей старинных картин и ведущимся по этому поводу следствием; третья связана с повторяющимся возвращением героя в военное прошлое, к сценам карательной акции фашистов в его родной деревне. Сложный узел повествования представляет Венеция как своего рода мифологема, включающая в себя и реальный город, куда стремится герой, и художественный мир, созданный вокруг него писателями, поэтами и художниками. Значительную философскую нагрузку несут диалоги рассказчика со своим alter ego «нереальным» Элиашем, являющиеся, по сути, его внутренним спором с собой. Ткань романа пронизана литературными аллюзиями, реминисценциями, эпиграфами и многочисленными цитатами из произведений разных авторов. Мотив бегства от действительности, от суеты повседневной реальности к финалу усиливается, и все чаще местом своего духовного убежища герой, интеллигент среднего поколения, видит Венецию – реальную и, что не менее важно – литературную.

Второй книге романа – «Не-действительность. Венецианский диптих II» (2010) автор дает иную формулировку в подзаголовке «Неопределенное место, определенное действие». Сюжетные линии первого романа продолжают разворачиваться, проблемы героя, Ильи Пиша, не решаются, а только усугубляются после поездок по Италии и другим европейским странам. Внутренний спор он ведет теперь не с «Элиашем», а со скептиком по имени «А. Ватар», иронизирующим по поводу его идей и комплексов. Важная сюжетная и тематическая линия в романе – поиск героем собственной идентичности, восстановление картины прошлого как основы для настоящего. Именно эту цель преследует Илья Пиш, когда разбирает и перестраивает старый родовой дом, находя при этом полуистлевшие обрывки документов и ненужную рухлядь, и когда обращается к истории своего народа, к еще одной национальной травме – гибели двух словацких полков в боях у итальянской реки Пьяве во время Первой мировой войны. Сохраняющаяся фрагментарность повествования, стилистическая пестрота текста подчеркивается и с помощью полиграфических средств – разные по функциональности части напечатаны разным шрифтом и даже с разной интенсивностью цвета. В небольшой последней главке под названием «Из письма (читателю?)», процитировав еще раз Рильке, Пастернака, Эко, Руфуса и Гронского, Биелик стирает грани между оппозициями «читатель – автор», «действительность – не-действительность», рассуждая о непрерывном процессе творчества, присущем человеку: «[...] в определенном смысле первым читателем является сам автор, который моделирует сложный и многоуровневый мир, соотнося его с естественным характером художественного текста. Оригинал и копия – мелочи, отличающие действительность от не-действительности» [9. S. 380].

Павол Ранков (р. 1964), автор нескольких сборников рассказов, опубликовал в 2010 г. книгу «Это случилось первого сентября (или когда-то еще)», жанр которой он обозначил непосредственно под ее названием как «исторический роман о

времени с 1938 по 1968 год». На протяжении тридцати лет автор – повествователь «от третьего лица» прослеживает судьбы трех героев: чеха Яна, венгра Петера и еврея Габриэля, чья дружба зародилась еще в ранней юности в городке Левице, на этнически пестром южном пограничье Словакии. Верность этой дружбе и одновременно постоянное соперничество в любви к красавице Марии, их ровеснице, – константы их жизни, все остальное стремительно и драматически меняется: война и последующие перипетии истории разбрасывают героев в разные стороны (и страны), испытывают и «куют» их характеры. В каждом из эпизодов повествователь обрисовывает важный «исторический момент», проецируя его на поступки и переживания каждого из друзей. Сами общественно-политические события, смена правительств, государственных символов, вождей, политических лозунгов показаны фрагментарно и, как правило, через эмоциональное восприятие героев, их очевидцев и участников. Возникают в романе, в соответствующих по времени эпизодах, и исторические персонажи, государственные деятели, политики – Хорти, Тисо, Гусак, Новотный, Дубчек, показанные часто в анекдотических, бытовых сценах. В романе ненавязчиво и убедительно воссоздается живая картина самых драматических моментов словацкой истории XX в. Так, например, описываются события «чехословацкой весны» в восприятии Марии: «В шестьдесят восьмом невозможно было не заниматься политикой. Полные ожиданий, мы садились к приемникам и телевизорам, раскупали газеты и потом обсуждали все эти новости дома и на работе. День ото дня мы все больше верили: теперь-то будет совсем по-другому, теперь-то у нас все получится, теперь-то политика не против нас» [10. S. 316].

В качестве некоторого предварительного итога можно отметить, что роман к концу первого десятилетия XXI в. восстановил свои ведущие позиции в словацкой прозе. Произведения, созданные в этом жанре, отличает многообразие индивидуальных стилей, при этом очевидны и общие черты – обращение к прошлому для понимания настоящего, детальное исследование путей становления и самопознания личности, определение ее нравственных параметров. Хочется отметить и весьма высокий художественный уровень представленных здесь произведений (и многих тех, что остались за рамками данного рассмотрения), их привлекательность для читателя. Словацкая проза последних лет предлагает весьма широкий выбор интересных, многоплановых сюжетов, оригинальных творческих почерков и жанровых решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Marčok V. a kol.* Dejiny slovenskej literatúry III. Bratislava, 2004.
2. *Horváth T.* Antikvariát. Bratislava, 2004.
3. *Pišťanek P.* Súdruh Bozonča, ideálna pracovná sila // Miesto v príbehu. Bratislava, 1995.
4. *Števček J.* Dejiny slovenského románu. Bratislava, 1989.
5. *Halvoník A.* Svitanie na lepšie časy románu // Knižná revue. 2008. № 14–15.
6. *Klimáček V.* Námestie kozmonautov (Generácia IO). Bratislava, 2007.
7. *Vílikovský P.* Vlastný životopis zla. Bratislava, 2010.
8. *Bielik M.* Skutočnosť. Benátsky diptych I. Bratislava, 2007.
9. *Bielik M.* Neskutočnosť. Benátsky diptych II. Bratislava, 2010.
10. *Rankov P.* Stalo sa prvého septembra (alebo inokedy). Bratislava, 2010.

© 2013 г. Н.Н. СТАРИКОВА

ПОЭТИКА ИНАКОМЫСЛИЯ. К СИТУАЦИИ МОДЕРНИЗМА В ЛИТЕРАТУРАХ ЮГОСЛАВИИ

В литературах Югославии модернизм заявил о себе в 1950-е годы и оставался на авансцене около двух десятилетий. Его представители, ощущая исчерпанность традиционных реалистических форм и бесперспективность соцреалистических, в своей философии и эстетике опирались на одноименное направление в литературе Западной Европы и Америки, которое характеризовалось разрывом с предшествовавшим историческим опытом художественного творчества, стремлением утвердить новые нетрадиционные начала, непрерывным обновлением художественных средств. В обращении к поэтике модернизма они видели один из способов художественного инакомыслия, средство противостояния господствовавшей идеологии.

In the literatures of Yugoslavia, Modernism made itself known in the 1950s and has been remaining on the evanescence more than two decades. Its representatives, feeling that traditional realistic forms were exhausted and social realism had no prospects, turned, in their philosophy and aesthetics, to Modernism as it was understood in Western Europe and America. This trend was characterised by rupture with earlier historic experience of artistic creation, endeavour to establish new, non-traditional foundations, permanent renewal of artistic methods. Using the poetics of Modernism, they were searching for a way of artistic dissidence, a form of opposition to the ruling ideology.

Ключевые слова: литературы Югославии, поэтика модернизма, экзистенциализм.

В литературах Югославии модернизм заявил о себе в 1950-е годы и оставался актуальным около двух десятилетий как один из способов художественного инакомыслия, противостоящий господствовавшей идеологии. Его представители, ощущая исчерпанность традиционных реалистических форм и бесперспективность соцреалистических, в своей философии и эстетике опирались на одноименное направление в литературе Западной Европы и Америки первой трети XX в., получившее развитие и в ряде южнославянских литератур, которое характеризовалось разрывом с предшествовавшим историческим опытом художественного творчества, стремлением утвердить новые нетрадиционные начала, непрерывным обновлением художественных средств, а также большей условностью (схематизацией) стиля. От него они переняли установку на неразрешимость противоречий современной эпохи, интерес к изображению в человеке бессознательного, отказ от социальной проблематики в пользу создания авторского пространства, приоритет стиля над сюжетом, обновление языка за счет новояза и синтаксиса. В определенной степени писатели Югославии также ощущали себя преемниками национального и европейского авангарда межвоенного периода (сербы и македонцы – экспрессионизма и сюрреализма, словенцы

Старикова Надежда Николаевна – д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.

и хорваты – экспрессионизма). На поэтику некоторых авторов оказал влияние новый роман («антироман») французских писателей-поставангардистов 1950–1970-х годов, в частности такие составляющие его поэтики, как «вещизм» и антитрагедийность. В целом существенной особенностью литературного процесса рассматриваемого периода является упрочение модернистских тенденций при сохранении сильных позиций трансформирующегося реалистического искусства: первоначальное противостояние реализма и модернизма сменилось здесь процессом своеобразной конвергенции, взаимопроникновения, взаимовлияния и взаимодействия.

В отдельные литературы Югославии – сербскую, хорватскую и словенскую – взгляды Ф. Ницше, психоанализ З. Фрейда и К.Г. Юнга начали проникать еще в 1910–1920-е годы; экзистенциализм М. Хайдеггера и К.Т. Яспера, «философия жизни» А. Бергсона, являющиеся идейной платформой модернизма, вместе с текстами модернистских классиков М. Пруста, Ф. Кафки, Д. Джойса – в 1930–1940-е. Это стало стимулом к началу формирования в них собственной модернистской парадигмы. Так, в творчестве хорватского прозаика П. Шегедина (1909–1998) уже в межвоенный период заметен интерес к феноменологии антигероя, патологическим состояниям человеческой психики, проблеме одиночества, страха и бессилия современника перед лицом окружающего мира. Впоследствии в своей «экзистенциальной трилогии», которую составили романы «Дети божьи» (1946), «Одинокие» (1947) и «Горькая усмешка» (1969), он широко использует приемы модернистской поэтики: редуцированную фабулу, нарушение временной последовательности, ассоциативность связей.

Однако исторические катаклизмы середины XX в. (Вторая мировая война и последовавший за ней передел Европы, создание новых социалистических государств и влияние на них советской культурной политики) замедлили модернистскую рецепцию. После провозглашения в ноябре 1945 г. ФНРЮ культурная жизнь в новом государстве оживает – возникают новые культурные центры, активизируется деятельность творческих союзов, резко увеличивается количество печатной продукции, но при этом она полностью подчинена партийному диктату. Концентрация власти в руках КПЮ стала главной предпосылкой для возникновения в стране единого культурно-идеологического пространства и обусловила наличие стратегии общегосударственной культурной политики. Поэтому процессы, происходившие в отдельных югославских литературах в первые десятилетия социалистической власти, были сходными, в них возникали и синхронно проявлялись типологически близкие тенденции. В качестве основного художественного метода «сверху» начал внедряться социалистический реализм ждановского типа, который, однако, не получил широкого распространения. На практике вместо него утвердился югославский национальный вариант – социальный реализм, имевший значительные достижения в югославских литературах 1930-х годов. Конфликт с Кремлем, разрыв отношений с СССР в 1948–1949 гг. и последовавшая за этим «переориентация югославской внешней политики в сторону отхода от того конфронтационного курса, который в первые послевоенные годы проводился вместе со всем “социалистическим лагерем” в отношениях с Западом» [1. С. 586], в корне изменили культурную ситуацию внутри страны. Уже в 1949 г. во время II съезда СПЮ была провозглашена автономность художественного творчества и деятели литературы обрели некоторую эстетическую независимость, право на художественный эксперимент при сохранении ограничений круга тем и их трактовки. Наметилось движение в сторону эстетического плюрализма. Важную роль в его развитии в начале 1950-х сыграли пришедшие на смену пропартийным изданиям новые литературно-критические журналы «Mladost» (1950–1952, Белград), «Beseda» (1952–1957) и «Revija 57» (1957–1958, оба – Любляна), «Krugovi» (1952–1958, Загреб), «Млада литература» (1951–1957, Скопле), «Сусрети» (1953–1962,

Титоград). Они объединили вольнодумную литературную молодежь, критиков нового поколения, восставших против монополии на один тип творчества и выступавших за духовную свободу, возможность самостоятельного выбора тем и средств выражения. В Сербии это были М. Павлович и Р. Константинович, в Словении – Я. Кос и Т. Кермаунер, в Хорватии – В. Павлетич и А. Шолян, в Македонии – М. Джюрчинов и Д. Солев, в Боснии и Герцеговине – С. Леонац и М. Бегич. В этих изданиях, при всех их различиях, провозглашалась «вера в человеческие ценности, в красоту как предназначение искусства, в свободную жизнь и свободную мысль, в стремление выразить всю полноту истины, призыв к бескомпромиссной честности по отношению к себе и к искусству» («Beseda») [2. S. 295]. Их либеральный настрой очень точно выразил В. Павлетич в программной статье «Пусть будет живость!», опубликованной в журнале «Кругови»: «Пусть встретятся самые противоположные мнения, самые разные суждения...» [3. S. 7]. В литературной среде все отчетливее проявлялось стремление ближе познакомиться с современными мировыми художественными тенденциями. Для восприятия идейной и художественной платформы модернизма в СФРЮ складывались благоприятные условия, обусловленные идеологическими и политическими факторами. Но между тем «борьба между традиционалистами и модернистами, – отмечает сербский критик В. Рибникар, – проходила в нашей послевоенной литературе с опозданием. Идеологические мотивы, сопровождавшие ее, затрудняли, усложняли, вводили в сторону литературные дискуссии, влияя и на само художественное творчество [...] Помноженные на стремление преодолеть “культурную отсталость”, быть на уровне последних достижений мировой литературы, они способствовали тому, что влияние западноевропейских литератур часто воспринималось механически» [4. С. 12]. Отказ от социалистического реализма (доклад М. Крлежи на III съезде СПЮ в 1952 г. «О свободе культуры», в котором жесткой критике подверглась советская модель искусства, насаждавшаяся в СФРЮ) практически во всех югославянских литературах сопровождался возрождением подвергнутой запрету в первые послевоенные годы эстетики модерна рубежа XIX–XX вв. и авангарда, что способствовало частичной смене тематических и художественных приоритетов. Первыми лицом к западу повернулись искусство живописи и театральное: в 1955 г. в Любляне открылась первая в социалистическом лагере международная выставка графики, впоследствии знаменитая Люблянская Графическая биеннале. В том же году на Люблянском фестивале драмы произошло знакомство югославской публики с европейской экзистенциалистской драмой и драмой абсурда, что дало толчок к оживлению театральной жизни в стране. В разных республиках начали работать экспериментальные театры и студии: «Камерный театр 55» (Сараево, 1955), «Ателье 212» (Белград, 1956), Словенский Молодежный театр (1956) и «Одер 57» (Любляна, 1957). В них ставились пьесы Э. Ионеско, С. Беккета, Ж.П. Сартра, а также собственных авангардных драматургов М. Джурановича, Дж. Лебовича, Д. Смоле, Й. Христича. Вступающее в литературу послевоенное поколение проникалось духом трагического гуманизма, присущего европейскому интеллектуальному театру. Отстраняясь от текущих проблем социалистического строительства, некоторые молодые авторы начали искать выход в экзистенциальных поисках и решениях, выражали себя с помощью искусства, отрицавшего требования правдоподобия. Следующим важным шагом стало проведение в Югославии международных фестивалей – театральных («Стериино позорье» с 1955, «Дубровницкие игры» с 1956, БИТЕФ с 1967), музыкальных (БЕМУС с 1969), литературных (Стружские вечера поэзии с 1962), кино (ФЕСТ с 1972), что стремительно расширяло культурный контекст. Литературные журналы, театры, художественные выставки становились проводниками современного западноевропейского искусства, ранее запрещенных и новых философских и культурологических теорий. Широкой читательской аудитории стали доступны

произведения Ф. Кафки, А. Камю, Ж.П. Сартра, У. Фолкнера, С. Кьеркегора. Интенсифицировался процесс возвращения имен литераторов, попавших под запрет после войны (Т. Уевича, М. Црнянского, А. Градника), были реабилитированы целые направления – импрессионизм, символизм, экспрессионизм, сюрреализм. Однако противоречия в общественной и культурной жизни сохранялись. Многообразие идей, мнений, теорий вступало в противоречие с сохраняющимся типом власти. Эстетические рамки постепенно раздвигались, но жестко контролировалась «идейная» чистота искусства, под запретом оставались темы гражданской войны, национальных отношений, репрессий в годы НОБ и в период социалистического строительства, критика партийного и государственного руководства. В этих условиях литература была вынуждена искать новые пути в освещении проблем свободы и несвободы, положения человека в тоталитарном государстве и нашла их в обращении к параболическим, мифологическим, абстрактно-символическим, гротесковым формам. Использование средств модернистской и авангардистской поэтики и стилистики обозначало начало формирования новой эстетической системы, основанной на полифонии разных тенденций. Индивидуальный тип сознания потеснил коллективный, что повлекло за собой субъективизацию изображения, попытки передать ощущение метафизической драмы человечества, всеобщей трагичности бытия. Эти настроения «подпитывались» получавшей распространение философией экзистенциализма, которая оказала огромное влияние на умы творческой интеллигенции. Они обусловили появление героя-аутсайдера, антигероя, погруженного в свой замкнутый мир. Во всех литературах Югославии с середины 1950-х годов появлялись произведения, в которых намечались новые нереалистические подходы и художественные решения, за которыми закреплялось определение «модернистские». Это поэзия М. Павловича, В. Попы, Д. Зайца, С. Михалича, М. Дзидара, проза М. Булатовича, Р. Константиновича, Д. Смоле, Л. Ковачича, А. Хинга, С. Яневского, В. Десницы и др. Благодаря новому художественному опыту устанавливались внутренние связи с подобной литературой Европы и Америки. Наиболее значимые произведения получили общегославский резонанс и сказывались на процессах, проходивших в других национальных литературах. Так, романы сербского прозаика Р. Константиновича (род. 1928) «Даждь нам днесь» (1954) и «Мышеловка» (1956) стали «первыми ласточками» экспериментальной модернистской прозы на югославском литературном пространстве, оказав существенное влияние на современников. На страницах ведущих литературно-критических изданий еще долго не утихала дискуссия о реализме и модернизме, воспринимаемых прежде всего как идеологические антиподы. В 1955 г. на IV съезде СПЮ известный сербский критик М. Богданович констатировал, что в югославских литературах представлены все направления, известные в мировой практике – от широко понимаемого реализма, не сводимого лишь к традициям XIX в., до модернизма разных видов [5. С. 20]. Эти модернистские тенденции были в целом достаточно разнородными: психоаналитическая, рационально-конструктивистская, экспериментально-герметическая. В одних случаях авторы шли на демонстративный радикальный разрыв с реалистической традицией, как в романах Константиновича, где метафизическая основа воплощалась в нескольких обнаженных онтологических проблемах: элементарная жизнь, сводимая к биологическим потребностям, и одновременность переживания времени всех его трех измерений; в других – недовольство молодых авторов находило выход в создании нейтральных пространственно-временных ситуаций (новеллы Хинга). Фокусируя внимание на внутренней сущности своих героев вне социального контекста или через его трансформацию, Хинг затрагивал в своих произведениях тему одиночества и невозможности обретения гармонии, подчеркивал несовпадение темпа жизни героев с ритмом окружающей действительности. Альтернативой социалистической системе ценностей стали модернистские произведения следующего

поколения авторов, творчество которых определило вектор развития литератур Югославии в 1960-е годы. В хорватской литературе это И. Сламниг, А. Шолян, С. Новак; в словенской – Т. Шаламун, Н. Графенауэр, Л. Ковачич, Р. Шелиго; в БиГ – А. Вулетич, в Македонии – Д. Солев, С. Яневский, В. Урошевич, в сербской литературе – «белградская группа»: Б. Пекич, Д. Киш, Р. Смилянич. На первый план в их произведениях выдвигались проблемы отчуждения, равнодушия и непонимания, подавление личности системой государственных, общественных и семейных отношений, мотивы вины и ответственности как в ее бытовом, так и в универсальном значении. Внимание авторов переключилось с общественно значимых или хотя бы соотносящихся с ними явлений на «хронику неважных событий» (И. Сламниг) и «обыденных хлопот» (Л. Ковачич). Интерес к «эвримену» – любому человеку, герою-маргиналу, к ранее запретной интимной и сексуальной проблематике, обращение к мотивам страха, тоски, одиночества и беспомощности усиливало психологические и биопсихические аспекты повествования, влекло за собой фрагментарность и дефабулизацию. С одной стороны, налицо была установка на изображение душевного состояния человека в «потоке сознания», с другой – сконструированность повествования. Писатели не скрывали, что не стремятся отражать систему координат, в существование или актуальность которой не верят, а моделируют собственную реальность. Они, по словам А. Шоляна, конструировали ситуации, помещали героев как подопытных кроликов в соответствующую среду, чтобы с помощью эксперимента иметь возможность проанализировать поведение людей, их страхи и сомнения, способы выживания, а также найти художественное решение. В отдельных случаях через описание предметов, поведения часто безымянных персонажей выражалось критическое отношение к современному обществу. Например, в романе Р. Шелиго «Триптих Анаты Шварцкоблер» (1968) отсутствие психологизма, диалогов и монологов персонажей компенсируется подробной предметной детализацией, модернистскими приемами ассоциативного монтажа. Порой изображаемые метафизические ситуации были практически лишены координат времени и пространства. В произведениях возрастала гиперболизация отчаяния, вызванная утратой целостной модели мира. Пространственно-временная нейтральность становилась для большинства югославских авторов-модернистов своеобразным способом бегства от конкретной действительности, давая свободу фантазии, помогала открыть мир субъективных ассоциаций, иррациональных побуждений, психопатических состояний. Читателю предлагалось самому реконструировать внетекстовые значения и конкретизировать место и действие. Семантический диапазон такой литературы был достаточно широк, обновление языка происходило за счет работы над синтаксическими конструкциями: не над словом, а над предложением (стиль «потока сознания»).

К концу 1960-х годов под влиянием экономических, политических, социокультурных факторов ситуация в стране изменилась. Постепенно интеграционные общегославские процессы вытеснялись тенденцией «культурно-национального обособления, что привело к образованию иных условий развития и функционирования искусства» [6. С. 404]. В СФРЮ все острее ощущались противоречия между декларируемыми правительством свободами и реальной политикой. Миф о бесконфликтности социалистического общества рухнул в результате массовых студенческих выступлений 1968 г., проходивших под лозунгами защиты «истинного социализма». Они ознаменовали наступление новой эпохи открытых столкновений, влекущих за собой репрессии и новые волнения, упрочили критические настроения в среде творческой интеллигенции. Многие авторы, чье творчество пришлось на «свинцовое» десятилетие 1970-х годов, когда режим в стране ужесточился, сознательно уходили в игру на границе вымысла и реальности, создавая в текстах ирреальный альтернативный мир с присущими ему имманентными законами. Это С. Новак и группа «борхесовцев»: П. Павличич, Г. Трибусон,

Д. Угрешич в Хорватии; авангардная группа ОХО, поэт М. Есих, представители «новой» прозы М. Швабич, Б. Градишник, Э. Филипчич, У. Калчич в Словении; Бр. Щепанович в Черногории; П. Угринов, Б. Пекич, Д. Киш в Сербии. Все они отвергали концепцию общественной детерминированности искусства, исходя из того, что человек не может познать законы окружающего мира, поэтому создает собственную реальность, где границы между вымышленным и реальным стерты и господствует абсолютный релятивизм. Характерен здесь художественный опыт Д. Киша: действие в его произведениях складывается из вариаций одного и того же жизненного материала, представленного с различных точек зрения, в разных повествовательных перспективах (путевые очерки, следственные материалы, записки умалишенного и т.д.), т.е. налицо модернистский приоритет стиля над сюжетом. Свой взгляд на художественный текст как «инвентарную опись Вселенной» (Ю.М. Лотман) Киш сформулировал в книге эссе «По-этика» (1974): «Моим идеалом была и до сих пор остается книга, которую можно будет читать не только как книгу – в первом чтении, но и как энциклопедию [...] где понятия до головокругения быстро сменяют друг друга, располагаясь в алфавитном или ином порядке [...] где славные имена теснят друг друга, а жизнеописания сведены к необходимой информации. Жизни поэтов, ученых, политиков, революционеров, врачей, астрономов и прочая, и прочая божественно переплетены с названиями растений [...] пустынь и пещер, с именами античных богов [...] с прозой мира. Установить бы аналогии между ними, открыть законы совпадений» [7. С. 68]. Другой теоретик модернизма, словенский поэт Н. Графенауэр считает основой модернистского (современного) стихосложения ассоциативный принцип. В эссе «Критика и поэтика» (1974) он отмечает, что нынешняя поэзия, энергетически экстравертная по своей природе, рассчитана на со-игру и со-интерпретацию. Поэт-модернист, оперируя многопластовой материей слов и их смыслов, творит свой независимый авторский поэтический язык, и экзистенциальная тайна мира раскрывается в нем с помощью ассоциативного потока смысловых понятий.

На зкате титовской эпохи влияние модернизма в разной степени испытывали многие югославские авторы, в своих произведениях они широко использовали его художественный инструментарий, отдельные приемы и формы. Поэтому одной из специфических черт литератур Югославии на рубеже 1970–1980-х годов было обилие произведений с элементами модернизма, текстов, соединяющих в себе реалистическое и модернистское начала, а иногда и постмодернистские новации. В сербской литературе это характерно для произведений Б. Чосича и Д. Ковачевича, в хорватской – С. Шнайдера и Р. Маринковича, в словенской – В. Зупана и Й. Сноя, в македонской – Й. Плевнеша и Г. Тодоровского, в боснийской – А. Вулетица. После смерти И.Б. Тито (1980) атмосфера общественного брожения изменила расстановку сил в отдельных литературах Югославии, выдвинув на первый план национальную и общественную проблематику. На смену зашифрованной литературе экзистенциально-модернистского типа, констатирует П. Палавестра, приходит восприятие художественного творчества как «носителя критического сознания» [8. С. 34], отдельные черты которого проявлялись и в предшествующие годы в творчестве Д. Киша, А. Шоляна, Д. Солева, Л. Ковачича. Новый импульс получает реалистическое направление, открываются ранее запретные темы, появляются произведения, критически осмысляющие национальное прошлое, отдельные эпизоды эпохи социализма (тема политических репрессий в Югославии, проблематика гражданской войны и социалистических преобразований). Литература политизируется и политизирует общество. Философские и художественные принципы модернизма в этих условиях на практике теряют политическую актуальность, частично поглощаются обновленной реалистической волной. В дальнейшем некоторые авторы, позиционировавшие себя как модернисты (Р. Маринкович, Д. Киш, М. Есих, С. Яневский и др.), освоив художественные принципы постмодернизма, перейдут на его позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011.
2. *Paterni B., Glušič Krisper H., Kmecl M.* Slovenska književnost. 1945–1965. Ljubljana, 1967. Prva knjiga.
3. *Krugovi.* Zagreb, 1952. № 1.
4. *Рибникар В.* Могућности приповедања. Београд, 1987.
5. *Богдановић М.* Реферат на IV конгресу Савеза књижевника Југославије // Српска књижевност у српској критици. Савремена проза. Београд, 1973. Кн. 10.
6. *Ильина Г.Я.* Литература Югославии // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. 1945–1960-е годы. М., 1995. Т. 1.
7. *Kiš D.* Po-etika. Beograd, 1974. Knj. 2.
8. *Палавестра П.* Књижевност – критика идеологије. Београд, 1991.

© 2013 г. К.В. ЛИФАНОВ

ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЫ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА, КОДИФИЦИРОВАННОГО А. БЕРНОЛАКОМ

В статье высказывается точка зрения о том, что А. Бернолак при кодификации словацкого литературного языка опирался на региональный среднесловацкий вариант идиома, сформировавшегося в регионе Юго-Западной Словакии. Последствием этого стало значительное число элементов среднесловацкого происхождения в его системе, которые, как правило, выступают в качестве дублетных форм наряду с соответствующими западнословацкими элементами. В норме бернолаковщины, однако, эти среднесловацкие элементы не закрепились, в результате чего существенно усилился ее западнословацкий характер.

The article supports the point of view, that Anton Bernolák, while codifying the Slovak literary language, based on the regional middle-Slovakian variant of the vernacular, which had emerged in the region of (the present-day) south-western Slovakia. As a consequence, a large number of the elements stemming from mid-Slovakia in his system are in fact duplicate forms, existing in parallel with the west-Slovakian elements. In Bernolák's norms, however, these mid-Slovakian elements did not survive, and, as a result, western-Slovakian features got even stronger.

Ключевые слова: кодификация, региональный вариант, дублетная форма, функционирование, корректировка форм.

Бернолаковская проблематика является одной из наиболее значимых для словакистики, в связи с чем ей посвящено большое количество специальных работ, в том числе и монографических исследований. Первоначально в центре внимания исследователей находилась проблема диалектной основы литературного языка, в 1787 г. кодифицированного А. Бернолаком. В 30–60-е годы XX в. эта проблема освещалась в работах В. Важного [1], Г. Бартека [2], Л. Новака [3], Я. Мигала [4], Я. Станислава [5], Л. Сврчковой [6], Э. Паулини [7], К. Габовштьяковой [8] и др. При этом вопрос о том, какой идиом лег в основу кодификации А. Бернолака и каково было его соотношение со словацкими диалектами, был остро дискуссионным.

Причиной пристального внимания лингвистов к кодификации А. Бернолака, кроме всего прочего, была неясность ряда вопросов лингвистического характера. Исследователи отмечали в целом западнословацкий характер этого литературного языка, однако не смогли установить диалект, который лег в его основу. Хотя в ряде работ и говорилось о том, что базой литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком, являлся трнавский диалект, однако конкретный языковой материал этого в полной мере не подтверждал. Другая весьма распространенная

Лифанов Константин Васильевич – д-р филол. наук, доцент, профессор филологического факультета МГУ.

интерпретация, в соответствии с которой «отправной точкой кодификации Бернолака был узус словацких писателей-католиков, то есть в принципе узус трнавского университета» [5. S. 18], также не может считаться доказанной. Как пишет еще в монографии 1968 г. К. Габовштъякова, мы точно не знаем, как собственно выглядел «узус образованных людей Западной Словакии» [8. S. 320]. Ситуация мало изменилась с того времени.

Кроме того, некоторые лингвисты отмечали, что литературный язык, кодифицированный А. Бернолаком, не был единообразным во всех своих компонентах. Так, например, Я. Мигал констатировал, что А. Бернолак опирался на западнословацкий диалект окрестностей Трнавы при кодификации вокалической системы и частично – при кодификации системы консонантизма (например, при кодификации группы *šč-* в противовес среднесловацкой группе *šť-*), тогда как в кодификации, например, парных мягких согласных обнаруживаем четыре пары *t ~ t', d ~ d', n ~ ň, l ~ l'*, которые в трнавском регионе неизвестны [4. С. 386]. Позже Э. Паулини, говоря о языковой базе кодификации А. Бернолака, использует введенный им термин «культурный западнословацкий язык», понимая под ним идиом, сформировавшийся прежде всего на базе западнословацкого диалекта и функционировавший на территории Западной Словакии. После выступления Э. Паулини и выхода названной монографии К. Габовштъяковой возобладало мнение, что проблема диалектной базы бернолаковщины решена, и центр тяжести интереса исследователей переместился в область внешней истории бернолаковщины [9–12]. Лингвистические же работы в узком смысле стали редкостью [13].

Тем не менее, существует причина, обусловившая значительный интерес историков словацкого литературного языка к проблеме диалектной базы бернолаковщины в прошлом, благодаря которой она сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Это явное противоречие между выводами исследователей и хорошо известным пояснением самого А. Бернолака относительно того, какой идиом должен быть взят за основу литературного языка. Ранее лингвисты считали необходимым комментировать утверждения А. Бернолака на этот счет, однако, с нашей точки зрения, не смогли найти удовлетворительного объяснения этому и в последние десятилетия практически перестали об этом говорить. Что же пишет сам А. Бернолак? В своей «Словацкой грамматике» в разделе, посвященном фонетике, А. Бернолак заявляет, что кодифицировано должно быть правильное словацкое произношение. «Но какое же словацкое произношение, спрашиваешь ты, является правильным, если в каждом комитате Венгрии, в котором используется словацкий язык, оно другое? – То, мы говорим, которое используется в местах, в наибольшей степени отдаленных от чехов, моравян, поляков и венгров. Те, кто соседствуют с чехами и Моравией, что-то заимствуют из их наречия; так же, как почти переходят на польский язык те, кто живет на границе с Польшей; грубее всего, однако, говорят те, кто живет вперемешку с венграми, как об этом пишет знаменитый Матей Бел в предисловии к своей “Немецкой грамматике”, в § 3» [14. S. 95, 97]. Исходя из того, что к Моравии примыкает Западная Словакия, с польским языком целый ряд особенностей объединяет восточнословацкий диалект, а венгры компактно проживают на юге Словакии, получается, что А. Бернолак, говоря о правильном словацком произношении, имел в виду северную Среднюю Словакию. Отметим хорошо известные, но, тем не менее, любопытные факты. Во-первых, А. Бернолак был родом именно из северного среднесловацкого региона (Орава, с. Сланица, 1762). Во-вторых, Л. Штур, кодифицируя новый литературный язык в 40-е годы XIX в., обращается именно к этому региону Словакии. Почему же тогда кодификации А. Бернолака и Л. Штура столь различны и почему в кодификации А. Бернолака действительно преобладают элементы западнословацкого происхождения? Лингвисты, занимавшиеся проблематикой диалектной основы бернолаковщины, объяснили это противоречие расхождением между на-

мерением А. Бернолака – кодификацией правильного словацкого произношения и его реализацией. Однако причина тому иная: А. Бернолак и Л. Штур действительно кодифицировали литературные языки на базе идиомов, функционировавших в Средней Словакии, но эти идиомы были разными. Л. Штур кодифицировал литературный язык на народной основе. С нашей точки зрения, это было фольклорное койне, эпицентром возникновения которого был регион Липтова, расположенный на севере Средней Словакии. В связи с этим по своим фонетическим и морфологическим характеристикам литературный язык, кодифицированный Л. Штуром, наиболее близок именно липтовскому говору. А. Бернолак же исходит при кодификации литературного языка не из народной диалектной речи, а из языка образованных людей либо проживавших в Средней Словакии, либо имевших среднесловацкое происхождение: «Но и на названных местах в качестве нормы следует брать не столько произношение простых людей, сколько людей образованных, ученых и в наименьшей степени радеющих за богемизмы» [14. S. 97]. Таким образом, А. Бернолак выбирает в качестве основы литературного языка «искусственный», функционировавший прежде всего в письменных текстах, но, вероятно, употреблявшийся и в устной форме. Как справедливо отмечает Э. Паулини, такая позиция во времена просвещения была единственно возможной, поскольку было бы невероятным, чтобы основой литературного языка стала речь простого народа. Э. Паулини полагает, что такой основой стал так называемый культурный западнословацкий язык, возникший прежде всего из элементов западнословацкого происхождения и функционировавший в Западной Словакии, причем в том виде, в каком он формировался в трнавском центре и в печатной католической литературе. Однако, как показывает изучение памятников словацкой письменности, идиома, сформировавшийся в Юго-Западной Словакии с центром в Трнаве, был распространен на всей словацкой этнической территории и существовал в региональных вариантах. Его среднесловацкий вариант и был выбран А. Бернолаком в качестве основы литературного языка. Этот вариант состоял преимущественно из общесловацких и западнословацких элементов, тогда как некоторые элементы среднесловацкого происхождения также могли появляться в письменных текстах, полностью не вытесняя соответствующие западнословацкие элементы. В кодификации А. Бернолака эта особенность идиома докодификационного периода получила своеобразное преломление: среднесловацкие элементы, как правило, либо выступают в виде дублетов их эквивалентов западнословацкого происхождения, либо представлены спорадически в отдельных лексемах или словоформах.

К числу *первых* относится, например, флексия *-ow* в формах творительного падежа единственного числа существительных женского рода типа *owca*, допустимая наряду с типичной западнословацкой формой с флексией *-í* и приводимая в парадигме в скобках¹, форма предложного падежа единственного числа, форма именительного и винительного падежей единственного числа существительных среднего рода типа *stawaňa*, выступающая в качестве допустимого при основном варианте *stawaňi*, прилагательных мужского и среднего рода с флексией *-om*, кодифицированная наряду с соответствующей формой с флексией *-ém*, представленной в западнословацком диалекте. При этом среднесловацкая форма считается А. Бернолаком даже основной, а западнословацкая – лишь возможной, а потому приводится в скобках. Допускает А. Бернолак и употребление среднесловацкой формы винительного падежа единственного числа притяжательного местоимения *mógho*, указанной в скобках наряду с генетически чешской стяженной формой *mého*, тогда как типичная западнословацкая форма *mogého* кодифицируется им в качестве основной. К среднесловацким элементам *второго типа*, т.е. появляю-

¹ Заметим, что данная форма не является чешской, поскольку в позиции после функционально мягких согласных в чешском языке осуществлялась перегласовка.

щимся спорадически, относятся дифтонги. В целом литературный язык, кодифицированный А. Бернолаком, является недифтонгическим, однако в некоторых словоформах и отдельных лексемах дифтонги все же допускаются, например в формах настоящего времени глаголов с основой на согласный *réct' rečem (rečgem)*, *hrizt' hrizem (hrizgem)*, *klasť klad'em (klad'gem)*, *mést' meřem (meřgem)*, а также *wed'eť wgem (wim)*, *poweďeť powgem (powim)* и т.п. и в лексемах *d'i'a / d'ě'a / d'ge'a, d'iwč'a / d'ěwč'a / d'gewč'a*. Отметим также, по сути, среднесловацкую форму именительного падежа множественного числа существительного *člowek – lud'a*², кодифицированную параллельно с формой *lud'ě*.

Таким образом, фонетическую и морфологическую системы кодификации А. Бернолака следует признать гибридными, но с преобладанием западнословацких элементов.

Доказательства того, что кодификация А. Бернолака восходит именно к среднесловацкому варианту идиома, сформировавшегося в трнавском регионе, можно обнаружить путем ее сопоставления с текстами, созданными в среднесловацком регионе. Так, например, в хорошо известном рукописном переводе Ф. Бул'евского произведения Я.А. Коменского «*Janua linguae latinae*», изданного в 1649 г., несмотря на то, что он был осуществлен почти за 150 лет до кодификации А. Бернолака, обнаруживаем характерные для нее явления, показывающие, что это, по сути, один и тот же идиом. В качестве примеров можно привести формы именительного и винительного падежей единственного числа прилагательных с флексией *ě* (*Na polnočneg strane welike more gest zamrzugice*), чередования заднеязычных в одушевленных формах адъективаций (*množj se falešne domniwajj a y mluwa*); причастия на *-l* со вставным гласным *-o-* и отсутствием билабиального *v* (*Ominajjcy kamenček genž do strewice wpađol [...] omina*); параллельные формы во всей парадигме существительных среднего рода типа *vysvedčenie (Zatmenj welikich swetel bjwa // obilnye mušky obilja wrtagu)*; дублетные формы творительного падежа существительных и прилагательных, причем формы с флексией *ú* являются однозначно западнословацкими (*Mosacz gt kobaltem (nessmalcowanu medou) napusstana med*); формы предложного падежа единственного числа прилагательных (*Polnj pak warenj lusstinaste w lusstinach a w strukoch, yako na bobe, hrachu, cizrly, wiky, wiče[m] hrachu, lenčy, w štrkawične[m] horkem hrachu, tureckem hrachu wjđame*).

Таким образом, в кодификации А. Бернолака сочетаются фонетические и морфологические элементы западнословацкого (юго-западных говоров) и среднесловацкого (северных говоров) диалектов. Оказались они в системе кодификации не непосредственно из соответствующих диалектов, а из идиома, сформировавшегося в Юго-Западной Словакии и претерпевшего некоторые изменения в Средней Словакии, в результате чего здесь появился его территориальный вариант. Подобное соотношение, однако, характеризует лишь кодификацию литературного языка. Как показывает анализ написанных на нем текстов, его норма была значительно уже кодификации, поскольку многие кодифицированные Бернолаком элементы оказались за ее пределами. Прежде всего это элементы, имеющие среднесловацкое происхождение, либо в большей степени характеризующие среднесловацкий диалект, нежели западнословацкий. Приведем примеры из проповедей эстергомского архиепископа и кардинала Венгрии А. Руднай [15], в которых отсутствуют, например, формы творительного падежа единственного числа существительных и прилагательных женского рода с флексией *-ow* (*že čim náhle Boh nagwišši gich z wolagakú Nemocú, aneb Neščast'im, Psotú, aneb Trápeňim nawšřiwit' ráči*), предложного падежа единственного числа прилагательных

² Данная форма не в полной мере отражает реально существующую в среднесловацком диалекте форму, поскольку в последней представлен дифтонг *ia*. Тем не менее, штуровскую форму следует считать среднесловацкой, поскольку во флексии представлен гласный порядок *a*, тогда как в западнословацком диалекте в аналогичной форме представлен гласный порядка *e*.

мужского и среднего рода с флексией *-om*, приводимые А. Бернолаком в качестве основных (*to w tret'ég Stránke Kázňe még nakrátce dokáď predložím, nepochibujem o bedliwém, a trpezliwém Poslúcháňi*), специфическая форма родительного и винительного падежей притяжательных местоимений I лица *mogho* (*Sina swogého gednorodeného za nás dal*), формы глаголов с дифтонгами (*Žwolagme tehda Krestane milí ze swatím Pawlom: wím, komu sem weril Pane!*) и т. д. Более того, в ряде случаев традиционные для добернолаковской письменности формы, отсутствующие в среднесловацком диалекте, вытесняют формы, характерные для среднесловацкого диалекта и кодифицированные А. Бернолаком. В качестве примера привелем причастия на *-l* со вставным гласным *-e-*, тогда как А. Бернолак кодифицировал соответствующие формы лишь со вставным гласным *o* (*požehnaní Boh, kteri neodťáhel Modleňi mogle, a Milosrdenstwi swé ode mňa*), или формы творительного падежа единственного числа существительных с флексией *-em*, широко представленные в добернолаковской письменности, тогда как А. Бернолак кодифицировал лишь соответствующие формы с флексией *-om* (*Slowem: na Príkklad Pohanow druhého sebe Boha, budťo ne Skutkem, ale z Mislú, a Srdcem učíňit' sa opowážugú*).

Большую ценность для изучения реального функционирования бернолаковщины представляет текст выдающегося произведения словацкого барокко «Пастушьей школы», созданный в 1750 г. Г. Гавловичем [16] и опубликованный М. Решеткой в 1830–1831 гг. [17]. М. Решетка, однако, не сохранил текст Г. Гавловича, написанный на традиционном языке добернолаковского периода, откорректировав его в соответствии с нормами бернолаковщины. Примечательно, что издатель далеко не во всем следует кодификации А. Бернолака, а это свидетельствует о том, что целый ряд кодифицированных элементов оказался за пределами нормы данного литературного языка. Причем в опубликованном тексте обнаруживаются те же самые языковые тенденции, что и в проповедях А. Руднаи, а кодификация А. Бернолака находит отражение в основном лишь в той части, в какой она соответствовала западнословацкому диалекту. Иными словами, текст, опубликованный М. Решеткой, имеет в большей степени западнословацкий характер, нежели кодификация А. Бернолака. Так, М. Решетка не вводит в текст отсутствующие в нем элементы среднесловацкого происхождения, которые допускаются А. Бернолаком. К числу явлений такого рода относятся формы творительного падежа единственного числа существительных и адъективалий женского рода с флексией *-ú*, являющиеся основными, но имеющиеся в кодификации А. Бернолака параллели с флексией *-ow*: *Wzlasste gestli sy se k čemu z prísahu zawazal, Bis Statečnost, y Swedomi twogę nezamazal* (G I : 34)³ – *Zwlašte gestli si sa k čemu s Prísahú zawázal, Bis Statečnost, i Swedomi twogę nezamazal* (R); *W lete walach gako konik po pažítach skáče, W zime pak pri praznem kotle za žinticu plače* (G II : k) – *W Lete Walach gako Koňik po Pažitách skáče, W Zime však pri prázném Kotle za Žinčicu*⁴ *plače* (R). Аналогично не исправляются и формы именительного и винительного падежей единственного числа существительных среднего рода с флексией *-í*, имеющие в кодификации А. Бернолака параллель с флексией *-a*: *stawaňi (ňá)*⁵: *Od Pychi ma swug začatek*

³ Латинские буквы в скобках после приведенных примеров G и R обозначают соответственно Гавловича и Руднаи. Произведение Гавловича имеет сложную структуру и состоит из нот и стихов, которые предваряют концепты. В связи с этим римская цифра после буквы G обозначает номер ноты, а арабская – номер стиха. В отдельных случаях вместо арабской цифры приводится буква k, которая означает, что данный пример употреблен непосредственно в концепте.

⁴ В нарушение кодификации А. Бернолака М. Решетка в одних формах творительного падежа единственного числа существительных женского рода употребляет долгую флексию, а в других – краткую.

⁵ Данная форма является генетически среднесловацкой несмотря на то, что во флексии отсутствует дифтонг *ia*, так как она по происхождению восходит к форме род. падежа. Это явление представлено только в среднесловацком диалекте.

každe **potupeni**, Nechteg z Pychi met u sebe žadneho znameni (G I : 18) – Od Pichi má swog Začátek každé **Potupeňi**, Nechceg s Pichi ma' u seba žadného Znameňi (R); Z penizuw nic newiroste, z ditek budu lide, A skrze swe **pracowani** nedagu se bide (G III : 52) – S Penázi nışt newiroste, ž Dětek budú Luďe, A skrze swé **Pracowáňi** neda-gú sa Bide (R III : 51).

Предпочтение А. Бернолака, однако, для М. Решетки не имеет решающего значения, о чем свидетельствует сохранение в тексте форм предложного падежа единственного числа имен прилагательных с флексией *-ém*, хотя в кодификации основными являются формы с флексией *-om*: *Ale kdo w zbytečnem spani obliveni miwa, Zemdlí, gako kdo zbytečne lekarstwo užiwa* (G I : 33) – *Ale kdo w zbitečném Spáňi Oblubeňi máwá, Zemdlí, gako kdo zbitečne Lekárstwo užiwá* (R). Аналогичная картина и при фиксации форм настоящего времени глагола *wed'eť*. В качестве основной А. Бернолак кодифицирует формы с дифтонгом типа *wgem*, тогда как формы с долгим монофтонгом типа *wím* помещает в скобки [14. S. 221], однако М. Решетка не заменяет допускаемую форму на основную: *Negtežši ge Staw manželski, ten wi, kdo probuge, Ale tesskost gakukoliw laska ulewuge* (G : 30) – *Nagtašši ge Staw Manželski, ten wí, kdo probuge, Ale Tažkost' gakukol'wek Láska ulewuge* (R).

Еще более наглядным является отсутствие корректировки форм, не представленных в кодификации А. Бернолака. При этом подобные формы имеют однозначно западнословацкий характер, причем они характерны лишь для западных говоров западнословацкого диалекта. К их числу относятся, например, формы творительного падежа единственного числа существительных мужского и среднего родов. А. Бернолак кодифицирует названные формы с флексией *-om*, тогда как для предшествующего состояния этого идиома, включая язык Г. Гавловича, типичной была конкуренция указанных форм, причем более частотной были формы с флексией *-em*, представленные лишь в окраинных загорских говорах. М. Решетка в этой позиции как бы возвращает рассматриваемый идиом к предшествующему состоянию, поскольку в одних случаях корректирует формы, а в других – нет, делая это произвольно: *W lete smrdi walachowi demikatem kapsa, W zime hladem zamoreny nestogi y za psa* (G II : k) – *W Lete smrdi Walachowi Demikatom Kapsa, W Zime Hladem zamoreni nestogi i za Psa* (R). Причастия же на *-l* со вставным гласным *-e* М. Решетка не исправляет вовсе, хотя А. Бернолак кодифицирует только формы со вставным гласным *-o-*: *Potrebna wec gest každemu w Stryzliwosti žiti, Gen tolko pi, abys mohel žižen zahasiti* (G III : 26) – *Potrebna Wec gest každému w Strizliwosti žiti, Len tolko pi, abis mohel žižeň zahasiti* (R).

Корректировкой в сторону придания языку большей степени западнословацкого характера следует считать и упразднение дифтонгов из текста данного произведения. Заметим, что в тексте Г. Гавловича представлено всего около 10 примеров с дифтонгами. Это никоим образом не противоречит кодификации А. Бернолака, допускавшего употребление дифтонгов в некоторых лексемах и грамматических формах, например настоящего времени глаголов с основой на согласный (см. примеры выше: *d'íta / d'ěta / d'geťa, réc' – rečem / rečgem* и др.), а также глаголов *wed'eť – wgem / wím* и т.п. Тем не менее, М. Решетка сохраняет дифтонги только в одной строке, а во всех остальных заменяет их монофтонгами: *Spiwala sy gedna baba: mam penazy dgessku, su do zeme zakopaņe, newim w kterem brgežku* (G XVI : 51) – *Spiwala si gedná Baba: mám Peňázi Dgešku, Sú do Zeme zakopaņé, newim w kterém Brgešku* (R). И если упразднение дифтонга *iu* представляется вполне закономерным, поскольку у А. Бернолака он не встречается вовсе [8. S. 103], да и в самом среднесловацком диалекте представлен непоследовательно и не во всех говорах, то исправление дифтонга *ia* и особенно *ie* следует воспринимать как отражение формирующейся нормы бернолаковщины, отличной от его кодификации: *A gak pangu penezitu, musiss geg služiti, Gak chudobnu budess*

w dome dwe chudoby miti (G XVI : 21) – A gak **Paňu** peňazítu, musíš gég slúžítí, Gak chudobnú, buďeš w Dome dwe Chudobi maťi (R); Lharstwo od **djabla** splodzene zlu obyčeg miwa, Neb když Prawdu žada skazit, ffaľzem se odiwa (G V : 4) – Luhárstwo od **Đábla** pošlé zľu Običag máwá, Neb, kďiž Prawdu žádá skazit' falšem sa odiwá (R); Wel'mi **smgessny** ge obyčeg we swete u ludi, Když bezbožny bezbožného sstrafat se newstydi (G II : 5) – Wel'mi **smišni** ge Običag we Swete u Lud'i, Kďiž Bezbožni Bezbožného karhat sa nesťidi (R). Был даже обнаружен пример, когда исправление исконной огласовки слова приводит к нарушению рифмы: *Gak gazičnu sebe wezmess, nagdess se dost gedu, A gak wždycki mlčanliwu tess budess met bgedu* (G XVI : 21) – *Gak gazičnú sebe wezmeš, nagiš sa dost' Gedu, A gak wždicki mlčanliwú, těš buďeš mať Bídu* (R).

Итак, на практике соотношение западнословацких элементов со среднесловацкими существенно менялось, так как удельный вес последних значительно снижался вплоть до их полного исчезновения. И лишь в текстах альманаха «Zora», издававшегося в 1835–1836 гг. в Будапеште [18], представлены бернолаковские тексты, отражающие прямо противоположную тенденцию, когда создававшие их авторы, напротив, намеренно отдавали предпочтение кодифицированным А. Бернолаком среднесловацким элементам. Это явление, однако, следует рассматривать как отражение иной тенденции – начавшейся частичной смены парадигмы литературного языка, нашедшей выражение в активном проникновении в письменные тексты среднесловацких элементов, затронувшем и бернолаковщину. Ср. отрывки из текстов, опубликованных в альманахе:

Dr. Ottmayer

Ľedaleko od S. M. W Osad'e *** , w t – skég Stol'ici, okolo Polowički Stolet'a osemnástého, narod'ili sa dwom zd'egšim uc'iwim, a bohabognim Obiwaťelom *dwagá Sinowiá*, kterichžto *Rodičią Ondregom*, a *Jozefom* krst'iti daľi.

Z radostnim Sňiwáním tímto celá Noc přešla, a Ondreg, ktorí pred krátkim Časom geš'e w Paláci prebiwal, wiďel sa prebuďeni w swogég chudobnég Chiži – w swogég chaternég Post'eli. Zdichnul ku Ňebesám, a poňewáč wiďel že guš Zora nastáwá, zapomenul na wšecké radostné, a uťešené Sni, – Trúbu pastírsku do Ruki wezmúc, tak wesel'e, tak spokogňe, gak do Wčilegška, zhromážďiti Stado swoge sa usilowal, s kterím tento Deň na nagdálšich d'ed'inských *Pasiénkoch* sa usad'il. Po Polédňi, kďiž Stado swoge *preziéral*, a fagčil, naráz skrz gedného pocestného Pána, ku Koču, na hradskú Cestu zawolán gest, ktorí, poňewáč Kresiwo swé strat'il, a podobňe fagčiti žádal, od weselého Ondrega Ohňa wiprositi si *umiěnil*. Običagné Otázky zd'egšich Pastírow sú: odkád', a kd'e Pocestníika Cesta weď'e? podobňe i Ondreg Otázku túto Pánowi, kterému Oheň do Fagki wďačne podal, predložil.

M. Hamulják

Tak 1532 Roku též s tristokrát'e Ľisícami Wogska z Cárihradu sa wibral, hore *Dunagom* aľe ňeobičajňe pristrogené Lod'stvo wiprawil, i ňezadľúho *w'áhol* do Táboru pri Moháči w baraňskég Stol'ici, kďežto pred ľest'ima Rokmi onnú pamatnú Bitku proti nám bol *zwédol* [...]

Таким образом, в кодификации А. Бернолака представлены как западнословацкие, так и среднесловацкие элементы при преобладании первых. Данный феномен оказался следствием того, что А. Бернолак при кодификации обратился к традиционному для среднесловацкого региона типу письменности – местному варианту письменного языка, центром образования которого была Юго-Западная Словакия, а не непосредственно к словацким диалектам. При этом при формировании нормы литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком, большая часть элементов среднесловацкого происхождения оказывалась за ее пределами, в

результате чего существенно усиливался западнословацкий характер этого идиома. И только в период накануне частичной смены парадигмы словацкого литературного языка появляются тексты, создатели которых в значительной степени ориентировались и на элементы среднесловацкого диалекта, представленные в кодификации А. Бернолака.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vážný V.* Z mnavské slovníkové a mluvnické literatury před Bernolákem (Jazyková charakteristika) // Bratislava, 1936. Ročník X.
2. *Bartek H.* Bernolákov pravopisný systém // Slovenská reč. 1936–1937. Ročník V.
3. *Novák L.* Čeština a vznik spisovnej slovenčiny // Slovenské pohľady. 1938. Ročník LIV.
4. *Mihál J.* Bernolákov Slovár // Sborník Matice slovenskej. 1941. Ročník XIX.
5. *Stanislav J.* K Bernolákovmu jazykovednému dielu. Bratislava, 1941.
6. *Svrčková L.* Juraj Fándli a bernolákovská jazyková norma // Jazykovedný zborník. Bratislava, 1950. Ročník 4.
7. *Paulíny E.* Úvod // Gramatické dielo Antona Bernoláka. Na vydanie pripravil a preložil Juraj Pavelek. Bratislava, 1964. S. 5–10.
8. *Habovštiaková K.* Bernolákov jazykovedné dielo. Bratislava, 1968.
9. *Považan J.* Bernolák a bernolákovci. Martin, 1990.
10. *Mat'ovčík A.* Život a dielo Antona Bernoláka. Bratislava, 1997.
11. *Horváth P.* Anton Bernolák (1762–1813). Pôvod a osudy jeho rodiny. Život a dielo. Bratislava, 1998.
12. *Blanár V.* Nový pohľad do autorskej dielne Antona Bernoláka: Rapitoly z dejín gramatického a lexikálneho opisu slovenčiny. Martin, 2006.
13. *Sedláková M.* Fonologický základ Bernolákovskej kodifikácie slovenčiny. Prešov, 2004.
14. *Bernolák A.* Grammatica slavica // Gramatické dielo Antona Bernoláka / Na vydanie pripravil a preložil Juraj Pavelek. Bratislava, 1964.
15. *Rudnay A.* Kázne príhodné, ai iné, to gest: 82 Rečí duchovních, od nebohého Arcibiskupa Ostrihomského w Krušowcách nekdy prednesenich, a vlastnú Rukú spísanich. W Trnawe, 1833.
16. *Hugolín Gavlovič's* Valaská Škola / Ed. by G.J. Sabo. Columbus, 1988.
17. *Walaská Škola* Mrawow Stodola / Ed. by M. Rešetka. W Trnawe, 1830. DěI I; W Trnawe, 1831. DěI II.
18. *Zora.* Almanach. V Budíne, 1835, 1836.

© 2013 г. О.В. МАТВЕЕВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЯ

Статья посвящена некоторым итогам и перспективам современных исследований славянского мира Кубани. Автор рассказал о современных достижениях в изучении культуры поляков, чехов, болгар в крае, направлениях изучения казачества и крестьянского населения Кубани и Черноморья.

The article is devoted to the results and prospects of studying of Slavs of Kuban. The author tells about recent works connected with research of culture of Poles, Czechs, Bulgarians in the region, achievements in studying of the Cossacks and the agrarian population of Kuban and the Black Sea Coast.

Ключевые слова: славяне, Кубань, Черноморское побережье Кавказа, болгары, чехи, поляки, югославские народы, белорусы, украинцы, казаки.

Изучение культуры славянского населения Кубани связано прежде всего с изучением казачества, которое имеет давние традиции. Усилиями Е.Д. Фелицына, П.П. Короленко, Ф.А. Щербины, М.А. Дикарева, деятельностью Кубанского статистического комитета, Общества любителей изучения Кубанской области и другими [1–11] были заложены основные направления системного изучения кубанского казачества. В советское время эта плодотворная работа продолжалась, и, несмотря на жесткие идеологические рамки, выходили в свет фольклорные сборники, монографии [12; 13], осуществлялась работа по подготовке словаря кубанских говоров. Сегодня кубанское казачество по степени изученности выгодно отличается от остальных групп славянского населения Кубани. Изданы солидные монографии по календарным праздникам и обрядам кубанских казаков [14], материальной культуре и декоративно-прикладному искусству [16–20], системе физического воспитания [21], историческим представлениям [22], обычному праву [23]. Имеются исчерпывающие исследования о свадебной (С.А. Жиганова) и похоронно-поминальной обрядности (Н.И. Бондарь, Н.В. Богатырь, И.А. Кузнецова и др.), соционормативной культуре и системе ценностей (В.В. Воронин, Н.И. Бондарь). Исследуются особенности народной религиозности и верований (Н.И. Бондарь, А.И. Зудин, И.А. Кузнецова, С.Н. Рыбко), народные знания и традиции природопользования (М.В. Семенцов), говоры (О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина), малые жанры фольклора (Л.Б. Мартыненко, Т.В. Волкострел), прозаический (В.В. Воронин, Л.Б. Мартыненко) и песенный (С.А. Жиганова) фольклор. Приоритет здесь принадлежит Научно-исследовательскому центру традиционной культуры (НИЦ ТК) Государственного бюджетного научно-творческого

Матвеев Олег Владимирович – д-р ист. наук, профессор Кубанского государственного университета.

учреждения (ГБНТУ) «Кубанский казачий хор», возглавляемому профессором Н.И. Бондарем. Более 35 лет Н.И. Бондарь руководит Кубанской фольклорно-этнографической экспедицией, костяк которой составляют сотрудники НИЦ ТК. За эти годы создана уникальная фоно- и видеотека рассказов старожилых о духовном наследии населенных пунктов Краснодарского и Ставропольского краев, Карачаево-Черкесской республики и Республики Адыгея; изданы коллективные монографии и научные сборники, посвященные традиционной культуре славян [24–42]. В работах Н.И. Бондаря, созданных на основе многолетних полевых и архивных исследований этносоциального статуса кубанского казачества, нашло отражение теоретическое обоснование взаимопроникновения южнорусского и украинского этнокультурных компонентов и развития на их основе новой общности – субэтноса кубанские казаки [14; 26; 43–46]. В русле этнолингвистического подхода по изучению традиционной культуры, развиваемому Московской этнолингвистической школой акад. Н.И. Толстого, Н.И. Бондарь много сил отдает созданию этнокультурного словаря Кубани – труду, рассчитанному ни на одно десятилетие [47–52].

Профессиональная культура славянского населения Кубани активно изучается В.К. Чумаченко (наследие кубанских литераторов XIX – первой трети XX в., казачье зарубежье, кубанско-украинские связи и пр.), А.Н. Еремеевой (художественная жизнь в крае в годы Гражданской войны, история кубанской научной интеллигенции), Т.Ю. Феединой (русско-украинские театральные и литературные связи в регионе), И.Д. Золотаревой (наследие Б.М. Городецкого), С.Г. Бойчук (наследие Е.Д. Фелицына), В.В. Бондарем (архитектура), О.Н. Марковой (памятники), А.И. Слуцким (книжная культура Кубани) [2; 53–57] и др.

Одним из острых и дискусионных направлений является кубанская украинистика. В последние десятилетия эта проблема все чаще обретает не научный, а политический характер, находя отражение в тезисах «Кубань – это часть Украины», «Кубанская народная культура – это украинская народная культура». Особенно эти тенденции заметны в издательской деятельности содружества «Кубань – Украина» и на страницах журнала «Культурная жизнь юга России». Многие энтузиасты и любители, берущиеся за эту проблематику, не учитывают, что в условиях Кубани осуществлялось не просто заимствование, а происходила трансформация исходных метропольных этнических традиций. Поэтому относить традиционную культуру казачества Кубани к локальному варианту украинской народной культуры по меньшей мере наивно [58. С. 138]. Лишь малые этнические группы, представленные населением отдельных крестьянских сел и хуторов края, в большей мере, чем казачество, сохранили украинские метропольные традиции и исходное этническое самосознание. Причем культурно-бытовые особенности в данном случае использовались как раз для оппозиционирования себя казачеству [58. С. 140]. Интересно, что наибольшую украинскую этничность демонстрируют украинские переселенцы второй половина XX столетия. Их попытки утвердить свои этнокультурные стереотипы приводят нередко к конфликтным ситуациям. Этническую идентичность можно конструировать и провоцировать с помощью различных технологий, но при этом исследователь должен думать о последствиях, которые могут быть трагичными [58. С. 141].

При акцентировании внимания на казачестве практически не изученной остается культура крестьянских русских и украинских сел Кубани и Черноморья, культура иногороднего крестьянства. Предпринимаемые в этом направлении попытки не выходят за рамки краеведческих изданий (книги по истории сел Белая Глина, Великовечное, Львовское, Михайловское и др., журналы «Аргонавт», «Краевед Черноморья» и др.). По культуре белорусов Кубани имеется лишь установочная статья Н.И. Бондаря, В.Н. Ракачева и О.В. Матвеева. Авторы пришли к выводу, что проживая длительное время на Кубани, белорусы адаптировались к местной

традиционной культуре. Компактных поселений они не создавали, культурно-бытовые особенности сохранялись только в языке, как правило, у старших поколений мигрирующей группы, семьи. Во втором поколении это могло проявляться на уровне отдельных слов или стереотипных выражений [59. С. 195]. Некоторые попытки воспроизводства этнических особенностей связаны с организационной деятельностью национально-культурных центров («Спадщина», «Сябрь», «Белая Русь»), но в целом духовное наследие кубанских белорусов еще ждет своего исследователя.

Культура западных славян региона в последние годы изучается весьма плодотворно. В изучение чешских компактных поселений на Черноморском побережье внесли вклад И.В. Кузнецов, В.И. Колесов, Г.В. Румянцева, Ю.С. Вольхина и др. [60–64]. Имеются работы по профессиональной принадлежности и профессиональной культуре чехов и словаков, их идентичности в годы Первой мировой войны, по чехам Армавира [65–72]. Появились исследования обобщающего характера. В 2007 г. была защищена диссертация Е.В. Домашек по истории чешских колоний Северного Кавказа, где целая глава посвящена культурной жизни чехов Черноморья [73]. Однако ряд положений диссертаций, связанных с религиозными представлениями кавказских чехов, основан на данных «Мифологического словаря» и плохо соотносится с реальной ситуацией. Итоговой работой стала монография В.С. Пукиша, у которой много несомненных достоинств: рассмотрены различные аспекты профессиональной и традиционной культуры, обряды, верования, топонимия, даны сведения о литераторах, художниках, музыкантах, педагогах чешского и словацкого происхождения в нашем крае [74]. Однако автор так и не ответил на вопрос об этнокультурном статусе чешского населения Краснодарского края. Создается впечатление, что он смотрит на эту этнографическую группу глазами чешских исследователей, как на часть населения Чехии, не учитывая адаптационных условий, вписанности в кубанское этнокультурное пространство и особенностей самосознания [75. С. 209].

Вопросы, связанные с польским присутствием в истории и культуре Кубани, активно разрабатываются сегодня Польским национально-культурным центром «Единство», возглавляемым доцентом Кубанского государственного университета А.И. Селицким. Усилиями этого центра при финансовой поддержке Сейма Республики Польша несколько искусственно формируется польская этничность в регионе. Тем не менее, регулярно издаются «Польские ведомости» с массой уникальных материалов по культуре поляков, проводятся солидные научные конференции, сборники материалов которых вызывают широкий интерес [76–79]. В этих и других сборниках активно участвовали кубанские и ставропольские исследователи И.В. Цифанова, А.П. Труханович, В.А. Жадан, О.П. Бридня, О.В. Матвеев, В.Н. Ракачев, А.А. Боголюбов, С.Н. Ктиторов и др. Появился целый ряд обобщающих работ: защищена диссертация И.В. Цифановой, вышли в свет монография А.А. Боголюбова и книга очерков А.И. Селицкого [80–83]. Поскольку выходцы из Польши, а также поляки из белорусских и украинских губерний сосредоточивались преимущественно в городах, то исследуется вклад поляков прежде всего в профессиональную культуру региона: музыканты, юристы, учителя, военные и т.д. Проблемой остается изучение идентичности кубанских поляков, отдельные аспекты которой изучены лишь на примере религиозной жизни и деятельности отдельных общественных организаций. Интересны перспективные и имагологические изыскания, связанные со взаимовосприятием поляков и местного населения, а также изучение повседневности [84–87].

Следы народов бывшей Югославии в истории и культуре Кубани рассматривали в своих работах В.И. Шкуро, О.В. Матвеев, В.Н. Ракачев, С.В. Жабчик [88–91]. Сербы, хорваты, черногорцы не образовывали в крае компактных поселений, если

не считать городка югославских строителей в Тимашевске, которые в середине 1980-х годов приехали в край для возведения агрокомплекса «Кубань». После военных событий 1991–1996 гг. часть югославских строителей и их семей решили осесть на Кубани. Изучение адаптации этой группы, а также деятельности национально-культурного центра «Юговичи», существующего 12 лет, может стать темой специальной диссертации.

Изучение культуры кубанских болгар началось лишь в последнее десятилетие. Исследованы компактные группы болгар в Армавире, в Кавказском, Ейском и Екатеринодарском р-нах Кубанской области, а также в Черноморской губернии, особенности производственной культуры болгарских огородников, ставились вопросы об идентичности кубанских болгар в связи с Балканскими войнами и Первой мировой войной [92; 93]. Исследуются и современные компактные поселения потомков депортированных крымских болгар, осевших в крае после 1956 г.: устная история, различные аспекты состояния этнокультурной памяти [94; 95]. Изучение этой группы весьма перспективно, как и функционирования национально-культурного центра болгар «Шипка», где сегодня прослеживается дифференциация между выходцами из Болгарии, осевшими в крае в последние 20 лет, и потомками репрессированных крымских болгар.

Сегодня в Краснодаре, Ставрополе, Армавире, Новороссийске, Славянске-на-Кубани трудятся исследователи и целые научные группы по изучению славянского населения Кубани. В Кубанском государственном университете (КубГУ) славяноведение активно присутствует как в учебном процессе, так и в рамках вузовской науки. Профессорско-преподавательский состав проводит исследования в самых разных направлениях славянского языкознания, литературоведения, истории, этнографии, фольклористики [96. С. 34–41]. В целях интеграции этих направлений в 2006 г. в КубГУ создан Центр славянских исследований (сопредседатели Э.Г. Вартанян, О.В. Матвеев), координирующий работу по изучению кубанских и зарубежных славян. За это время удалось провести пять научно-практических конференций международного и регионального уровней, выпустить под эгидой Центра девять книг [97–105]. Кроме того, сотрудники Центра постоянно участвуют в Кирилло-Мефодиевских чтениях, проводимых Армавирским филиалом Краснодарского краевого института дополнительного профессионального педагогического образования, в конференциях, организованных Институтом славяноведения, Болгарской академией наук, Польским национально-культурным центром в Краснодаре и других, печатают свои труды в зарубежных, столичных и региональных изданиях. Каждый год ширится круг наших друзей и коллег в России, Белоруссии, Болгарии, Польше, на Украине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бардадым В.П.* Радетели земли Кубанской (о выдающихся людях Кубани). Краснодар, 1998.
2. *Бойчук С.Г.* Общественно-просветительская и научная деятельность Е.Д. Фелицына. Краснодар, 2010.
3. *Громов В.П.* Историк-краевед П.П. Короленко // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994.
4. *Кирей Н.И., Бондарь Н.И.* Краеведческая деятельность Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) в 1897–1932 гг. // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1987.
5. *Колесников В.А.* Историография Хоперского казачьего полка: от генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Л. Юдина // Кубанский сборник / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. Т. II(22).
6. *Кухаренко Я.Г.* Овцы и чабаны в Черномории // Новые материалы по этнографии кубанских казаков / Под ред. М.В. Семенцова. Краснодар, 1993.
7. *Кухаренко Я.Г., Туренко А.М.* Исторические записки о Войске Черноморском. (Комментарии Б.Е. Фролова) // Кубанский сборник / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. Т. I (22).
8. *Матвеев О.В.* Из исторического и военно-культурного наследия казачества Кубани. Краснодар, 2011.

9. *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Кубанское казачье войско. Краснодар, 1996 (репринт изд. 1888 г.).
10. *Короленко П.П.* Черноморцы // Черноморские казаки. М., 2009; *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту // Черноморские казаки. М., 2009.
11. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Краснодар, 1992 (репринт изд. 1910–1913 г.).
12. Песни казаков Кубани / Запись текстов и подготовка к печати И.Ф. Вараввы. Краснодар, 1966.
13. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967.
14. *Бондарь Н.И.* Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар, 2003.
15. *Гангур Н.А.* Материальная культура Кубанского казачества. В 2-х т. Краснодар, 2009.
16. *Гангур Н.А., Шаповалова А.В.* Традиционный костюм черноморского казачества (конец XVIII в. – 1860 г.). Краснодар, 2011.
17. *Фролов Б.Е.* Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009.
18. *Хачатрян (Капышкина) С.Ю.* Детские игрушки в традиционной культуре кубанских казаков // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год. Дикаревские чтения (10) / Под ред. М.В. Семенцова. Краснодар, 2004.
19. *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Очерки истории форменной одежды кубанских казаков (конец XVIII в. – 1917 г.). Краснодар, 2000.
20. Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник / Автор-сост. Б.Е. Фролов. Краснодар, 2007.
21. *Александров С.Г.* Физическое воспитание детей и молодежи кубанского казачества (середина XIX – начало XX в.). Краснодар, 1999.
22. *Матвеев О.В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): Категории воинской ментальности. Краснодар, 2005.
23. *Мануйлов А.Н.* Обычное право кубанских казаков. СПб., 2007.
24. Традиционная культура и дети: природа, общество, человек / Под ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 1994; Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995.
25. Из культурного наследия славянского населения Кубани / Научн. ред., сост. Н.И. Бондарь. Краснодар, 1999.
26. *Бондарь Н.И.* Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы. Краснодар, 1999.
27. Православие, традиционная культура, просвещение / Под ред. Н.И. Бондаря, М.В. Семенцова. Краснодар, 2000.
28. Кубанские народные сказки и легенды / Сост. В.В. Воронин. Краснодар, 2001.
29. Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2002.
30. Кубанские народные колыбельные песни / Отв. ред. Н.И. Бондарь, муз. ред. С.А. Жиганова. Краснодар, 2002.
31. Очерки традиционной культуры казачеств России / Под ред. Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. М.; Краснодар, 2002. Т. I; 2005. Т. II.
32. Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и культурного наследия северокавказского казачества / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2003.
33. Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность / Сост. и научн. ред. Н.И. Бондарь, В.В. Воронин. Краснодар, 2005.
34. Закон «О государственной политике в области сохранения и развития традиционной народной культуры в Краснодарском крае». Мир материнства и детства этносов и этнических групп ЮФО и Кубани. Методические материалы научно-практической конференции (2–3 ноября 2007 г. г. Краснодар) / Под ред. Н.И. Бондаря, В.В. Воронина. Краснодар, 2007.
35. Молодежь и молодежные субкультуры этносов и этнических групп ЮФО: традиции и современность / Научн. ред. Н.И. Бондарь, сост. Н.И. Бондарь, В.В. Воронин. Краснодар, 2008–2009.
36. Кубань – Украина. Шевченковские чтения–2008. Историко-культурные связи Кубани и Украины: к 70-летию В.Г. Захарченко / Ред., сост. Н.И. Бондарь, 2008.
37. Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Материалы научно-практической конференции / Под ред. Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009.
38. Традиционная культура народов Краснодарского края и Северного Кавказа. К 100-летию Леонида Ивановича Лаврова. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Краснодар, 21 ноября 2009 г.) / Научн. ред., сост. Н.И. Бондарь, О.В. Матвеев. Краснодар, 2009.
39. Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2009.
40. *Бондарь Н.И., Жиганова С.А.* Фольклор и этнография Кубани. Краснодар, 2009.
41. Фольклор Кубани: Христианские легенды / Автор-сост. В.В. Воронин. Краснодар, 2010.
42. Вторичные формы традиционной культуры: материалы научно-практической конференции. Краснодар, 26–27 ноября 2010 г. / Научн. ред., сост. Н.И. Бондарь, В.В. Воронин. Краснодар, 2010.

43. *Бондарь Н.И.* К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (Часть I: XIX – начало XX в.) // Из культурного наследия славянского населения Кубани / Под ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 1999.
44. *Бондарь Н.И.* Кубанское казачество в контексте проблемы: этнос – пространство – время // Старый Свет: археология, история, этнография. Краснодар, 2000.
45. *Бондарь Н.И.* Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества) // Православие, традиционная культура, просвещение / Под ред. Н.И. Бондаря и М.В. Семенцова. Краснодар, 2000.
46. *Кирей Н.И., Селицкий А.И.* Н.И. Бондарь – исследователь традиционной культуры славян Кубани // Мир славян Северного Кавказа / Научн. ред. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. Вып. 5. К 60-летию профессора Н.И. Бондаря.
47. *Бондарь Н.И.* Кукушка (Материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2002.
48. *Бондарь Н.И.* Угол/угол, глухой угол, куток (Материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2003.
49. *Бондарь Н.И.* Жид/Жыд (Материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Дикаревские чтения (9) / Под ред. М.В. Семенцова. Краснодар, 2003.
50. *Бондарь Н.И.* Осина (Материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2004. Вып. 1.
51. *Бондарь Н.И.* Хлеб/Хлиб: пища и символ // Живая старина. 2006. № 3.
52. *Бондарь Н.И.* Дел/Дид – Баба (Материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия / Под ред. А.М. Авраменко, В.К. Чумаченко. Краснодар, 2007. Вып. 2.
53. Курень. Антология кубанской литературы конца XVIII – начала XX века / Под ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 1993.
54. *Мова (Лиманский) В.С.* Из литературного наследия. Краснодар, 1999.
55. *Федина Т.Ю.* Русско-украинские связи в художественной жизни Юга России (начало XX в.). Краснодар, 2009.
56. Вторые кубанские литературно-исторические чтения / Научн. ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2000.
57. *Федина А.И.* Санкт-Петербург в судьбах выдающихся кубанцев XIX века: опыт историко-биографического исследования. Краснодар, 2006.
58. *Бондарь Н.И.* Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиций в условиях Кубани // Кубань – Украина. Шевченковские чтения. Историко-культурные связи Кубани и Украины: к 70-летию В.Г. Захарченко / Под ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 2008.
59. *Бондарь Н.И., Матвеев О.В., Ракачев В.Н.* Материалы к историко-этнографическому справочнику «Народы Кубани»: Белорусы // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. Вып. 4.
60. *Кузнецов И.А.* Чехи Кавказа // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 1999.
61. *Колесов В.И.* Некоторые дискуссионные вопросы истории чехов Кубани // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность. Краснодар, 1999.
62. *Румянцева Г.В.* Календарные ржания чехов села Варваровка (по материалам ФЭЭ-97) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. Дикаревские чтения (4) / Научн. ред. сост. Н.И. Бондарь, М.В. Семенцов. Белореченск, 1998.
63. *Вольхина Ю.С.* Чехи Кубани: традиционная культура и ее современное состояние // Итоги фольклорно-этнографических исследований Кубани за 1998 год. Дикаревские чтения (5) / Под ред. Н.И. Бондаря. М.В. Семенцова. Краснодар, 1999.
64. *Вольхина Ю.С.* Обряд повторного погребения у чехов с. Кирилловка // Православие, традиционная культура, просвещение / Научн. ред., сост. Н.И. Бондарь, М.В. Семенцов. Краснодар, 2000.
65. *Пукиш В.С.* Черноморское побережье Кавказа и его чешские поселенцы в чешских литературных источниках конца XIX – начала XX в. // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. Вып. 4.
66. *Пукиш В.С.* К вопросу о конфессиональной принадлежности и календарной обрядности чехов Кавказа (конец XIX – начало XX в.) // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. Вып. 4.
67. *Пукиш В.С.* О словацких переселенцах на Кавказе // Кубанский сборник / Под ред. А.М. Авраменко, Г.В. Кокуньо. Краснодар, 2008. Т. III (24).
68. *Пукиш В.С.* «Мы не такие католики, как поляки...»: к вопросу о религиозных представлениях чехов и поляков Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2011. Вып. 6.

69. *Пукиш В.С.* Штрихи к портрету чешской колонии Екатеринодара и Новороссийска в начале Первой мировой войны (глазами полковника Йозефа Швеца) // Вопросы южнороссийской истории / Под ред. С.Н. Киторова. М.; Армавир, 2008. Вып. 14.
70. *Киторов С.Н.* Чешский след в истории Армавира // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2005. Вып. 2.
71. *Матвеев О.В.* «Среди них вспыхнул патриотизм славян...»: чехи Кубанской области и Черноморской губернии в годы Первой мировой войны // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2009. Вып. 5: К 60-летию профессора Н.И. Бондаря.
72. *Птицын А.Н.* Чешские учителя на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2011. Вып. 6.
73. *Домашек Е.В.* История чешских поселений Черноморского побережья Северного Кавказа (вторая половина XIX – 1914): Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007.
74. *Пукиш В.С.* Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010. Ростов-на-Дону, 2010.
75. *Матвеев О.В.* Книга по истории и культуре северокавказских чехов // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2011. Вып. 6.
76. Поляки в России: XVII–XX вв. Материалы международной научной конференции / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2003.
77. Поляки в России: история и современность / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2007.
78. Поляки в России: вехи в истории / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2008.
79. Поляки в России: эпохи и судьбы / Под ред. Х. Граали, А.Л. Петрожицкого, А.И. Селицкого. Краснодар, 2009.
80. *Цифанова И.В.* Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процессов адаптации. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.
81. *Боголюбов А.А.* Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2008.
82. *Селицкий А.И.* Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар, 2008.
83. *Матвеев О.В.* Новые книги о поляках Северного Кавказа // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2009. Вып. 5: К 60-летию профессора Н.И. Бондаря.
84. *Матвеев О.В.* «Бо ти ляхи израдливи люди...» Образы поляков в исторической картине мира кубанского казачества // Polacy i roszanie – przezwyciezanie uprzeden. Lodz, 2006.
85. *Матвеев О.В.* Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30–50-е годы XIX века: история повседневности // Кубанский сборник / Под ред. А.М. Авраменко и Г.В. Кокунько. Краснодар, 2008. Т. III (24).
86. *Матвеев О.В.* «Пилсудских нам не надо...» Повседневность поляков Кубано-Черноморской области глазами партийного сообщества в 1920-е годы // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х годов / Ред.-сост. Е.Ф. Кричко, Т.П. Хлынина. Ростов-на-Дону, 2009.
87. *Матвеев О.В.* Поляки и русские в глазах друг друга (по материалам Кубанского областного жандармского управления начала XX века) // Синергетика образования. Армавир, 2010. № 2 (18).
88. *Шкуро В.И.* Кубанское казачество и зарубежные славяне: Эпизоды боевого содружества // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2004. Вып. 1.
89. *Матвеев О.В., Ракачев В.Н.* Сербский след в истории Кубани // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007. Вып. 3: Памяти В.П. Попова.
90. *Матвеев О.В.* Следы югославян в истории Кубани и Черноморья второй половины XIX – начала XX в. // Синергетика образования. 2009. № 1(14).
91. *Жабчик С.В.* Связи населения Кубани и Черноморья с южными славянами в конце XVIII – начале XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010.
92. *Киторов С.Н.* «Называли их учителями по огородным делам» (из истории болгар Средней Кубани) // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2005. Вып. 2.
93. *Матвеев О.В.* Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX – начале XX в. // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. Вып. 4.
94. *Матвеев О.В.* Устная история болгар Темрюкского района (по итогам полевого сезона 2004 г.) // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2005. Вып. 2.
95. *Бондарь Н.И.* Болгары Кубани: некоторые аспекты этнокультурной памяти // Славянский мир, Запад, Восток: памяти профессора Д.Г. Песчаного / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008.
96. *Матвеев О.В.* Из истории славяноведения в Кубанском государственном университете // Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего. Материалы международной научно-практической конференции / Научн. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев. Краснодар, 2011.
97. Освобождение Болгарии и славянский мир. Материалы научно-практической конференции, посвященной 130-летию освобождения Болгарии от османского ига / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008.
98. Славянский мир, Запад, Восток: памяти профессора Д.Г. Песчаного / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008.

99. Год Болгарии в России: проблемы истории и культуры славянских народов. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009.
100. Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2010.
101. Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007. Вып. 3: Памяти В.П. Попова.
102. Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. Вып. 4.
103. Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2009. Вып. 5: К 60-летию профессора Н.И. Бондаря.
104. Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2011. Вып. 6.
105. Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего. Материалы международной научно-практической конференции / Научн. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев. Краснодар, 2011.

© 2013 г. И.И. КАЛИГАНОВ

БОЛГАРИЯ И БОЛГАРЫ ГЛАЗАМИ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XIX ВЕКА (воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 годов С.А. фон Кёниг)

В статье анализируются воспоминания сестры милосердия Софьи Александровны Кёниг. Она обладала тонким художественным вкусом и оставила нам превосходные описания живописных мест Болгарии. Она фиксировала то, что не мог бы описать русский солдат или офицер – например, тырновскую женскую баню, парфюмерию тогдашних болгарских женщин. Вместе с тем, Кёниг, как и многие русские, нередко делала неверные выводы о болгарях из-за незнания болгарского языка и народных обычаев.

The article considers the memoirs of medical nurse Sophia Aleksandrovna Kenig. She had refined artistic taste and wrote wonderful descriptions of picturesque landscapes in Bulgaria. She was fixing her attention on things, which a soldier or an officer would never describe, be it a women's baths in Tarnovo, or cosmetics used by Bulgarian women. By the same token, Kenig, as many Russians, was coming to false conclusions about the Bulgarians due to not-knowing the language and folk traditions.

Ключевые слова: русско-турецкая освободительная война 1877–1878 гг., С.А. Кёниг

О русско-турецкой освободительной войне 1877–1878 гг., принесшей болгарскому народу избавление от османского ига, существует значительное количество разнообразной литературы: художественной, мемуарной, публицистической, документальной и др. Охватить всю эту совокупность литературных источников в одной статье задача, разумеется, непосильная. Мы пытаемся осветить эту тему вначале в серии статей [1], а затем объединить их в единое целое. При этом следует оговориться, что данная война интересует нас не сама по себе, как отражение в литературе последовательного хода развития военных действий против турок, блестяще проведенных нами военных операций или, наоборот, досадных просчетов, которые повлекли огромные потери. Все это подробно описывалось в свое время в газетных и журнальных репортажах с полей сражений, комментировалось военными корреспондентами и специалистами русского Генерального штаба. Великолепным примером здесь может служить «Иллюстрированная хроника войны 1877 г.», выходившая в Санкт-Петербурге как приложение к «Всемирной истории». Любопытный читатель найдет в ней все, что связано с ходом упомянутой войны. Он обнаружит там рассказы о блестящем форсировании русской армией Дуная – сложной задачи, осуществленной с минимальными для нас

Калиганов Игорь Иванович – д-р филол. наук, проф., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья написана на основе доклада на Международной интердисциплинарной научной конференции «История и культура славян в прошлом и настоящем».

жертвами [2], о героической обороне Шипки русскими солдатами и болгарскими ополченцами, которые выдержали яростный натиск пятикратно превосходивших их по численности батальонов Сулеймана-паши, описание трех штурмов Плевны и других ярких эпизодов.

Подобные сюжеты находятся на периферии нашего исследовательского внимания. Оно приковано лишь к тем фактам, которые связаны с эмоциями и восприятием русских людей, попавших в страшный смерч войны. Для нас важно, что чувствовал русский человек в той ситуации, как он оценивал самого себя и то, что его окружало, как он воспринимал народ и страну, которые пришел освобождать, и какие нравственные уроки усвоил после этой войны. В этом плане наибольшую ценность имеют романы, повести, очерки и рассказы писателей В.И. Немировича-Данченко [3–5], В. В. Крестовского [6], воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. баталиста В.В. Верещагина [7], многочисленные и обстоятельные письма из Болгарии знаменитого врача С.П. Боткина [8] и свидетельства многих других известных русских людей той эпохи. Часть этой литературы была проанализирована нами в наших предыдущих публикациях и выступлениях, и процесс этот продолжается [9].

Здесь мы предлагаем вашему вниманию небольшую миниатюру, в которой рассматриваются воспоминания о русско-турецкой освободительной войне Софьи Александровны Кёниг – вдовой майорши, отправившейся на войну в Болгарию по своей инициативе вместе со 101-м пехотным Пермским полком, в котором служил ее покойный муж [10]. Благодаря обращению к императору Александру II, она получила высочайшее разрешение остаться на фронте в качестве сестры милосердия и находилась в болгарских землях до самого окончания военных действий. Воспоминания вышли много лет спустя во время уже другой, Первой мировой, войны и были посвящены, по словам автора, «дорогим пермцам» в надежде, что кто-то из них еще жив и вспомнит добрым словом ее – оставшуюся на белом свете одну как перст. Несмотря на сетования С.А. Кёниг по поводу того, что многое уже позабылось, и на худость своего пера, воспоминания ее получились очень живыми и изящными. Они свидетельствуют не только о цепкости памяти мемуаристки, но и о наличии у нее большого художественного вкуса.

Для подтверждения второго можно привести описание автором живописной местности в русле речки Златарицы, протекающей в горном ущелье на фоне величественных покрытых снегом балканских гор. Спутник Софьи Александровны сравнил их со швейцарскими Альпами, но было здесь, по ее словам, и нечто другое: особое мимолетное состояние природы и солнечного света, которое может больше никогда не возникнуть вновь. Прогуливаясь как-то с командиром полка, они обратили внимание на то, что белые вершины гор при заходе солнца покрылись розовой дымкой. Картина эта, пишет Кёниг, была чудная! И далее: «Казалось, лес своею бархатной бахромой окаймлял розовое облако, легкое, как газ, а огромные деревья как будто были укреплены на нем на фоне. Эта картина была достойна кисти великаго художника, но ни один из них не мог бы передать на полотне величие, очарование, блеск и красоту ея, когда природа снежные горы одевает в розовый газ. Я моим несмелым пером не берусь передать.... Но вот картина скоро изменилась, снег переменял цвет на голубой, потух золотистый отблеск. И серая сумерки стали заволакивать, а из вида терялись контуры. Не раз еще гуляли мы при заходе солнца, но чудная картина не повторялась больше» [10. С. 358].

К упомянутым достоинствам следует добавить и способность С.А. Кёниг улавливать в единичном типичное или замечать в нем нечто обобщенно-символичное. Чего стоит, например, ее мгновенный этюдный набросок с полковым батюшкой, несущим на марше ружье выбившего из сил молоденького русского солдата. Вывод не звучит в этом месте мемуаров, но угадывается сам собой: вера крепит дрогнувшее в руке оружие, особенно, если эта война за веру. Или в эпизоде с пе-

ресечением русскими солдатами знаменитой Долины Роз, когда кусты роз, словно протестуя против непрошенного вторжения, цеплялись за шинели и сапоги пехотинцев и впивались своими колючками в ноги лошадей кавалеристов. Они будто мстили за небрежное отношение к ним наших солдат, попиравших их при переходе и сокрушавших усеянные шипами стебли тяжелыми ружейными прикладами. Розы словно хотели приостановить саму войну, независимо от того, кто и против кого воюет. Подобные неожиданные сравнения возникают и при описании Кёниг по пути к Тырнову прекрасной долины со струящейся серебристой рекой Янтрой и тучными лугами с пасущимися на них овцами. Софья Александровна заметила кружащие над овечьими отарами стаи орлов, высматривавших добычу, и стала свидетелем того, как один орел внезапно камнем упал вниз и после недолгой борьбы взмыл в воздух с ягненком в когтях. Ощущение покоя, умиротворенности и чувство восхищения красотой природы сменились у нее размышлением о совсем другом. Она подумала о том, как часто вся наша жизнь, молодость, любовь и надежда на счастье и не ведают о существовании злого рока, который способен подвергнуть нас судьбоносному испытанию, принести быструю смерть и разом развеять все наши радужные мечты [10. С. 343].

Если проанализировать приведенные в мемуарах факты, можно сделать вывод, что С.А. Кёниг – сильная, незаурядная женщина с ясной жизненной позицией и твердыми нравственными принципами. Как и подобает сестре милосердия, она готова непреклонно защищать раненых турок от грубого обращения русских солдат или расправы над ними ожесточившихся местных болгар. «Раненый, обессиленный, страдающий от боли турок уже нам не враг – он заслуживает сострадания и милосердия», – говорит она потенциальным обидчикам турок в полевом госпитале. А на упреки в сочувствии к врагу она отвечает, что долг сестер милосердия заключается именно в милосердии, с которым они обязаны относиться ко всем раненым и больным, независимо от их веры, национальности или принадлежности к противной стороне [10. С. 86]. Бескорыстность ее служения святому долгу на святой войне доказывает и тот факт, что, получив вместе с разрешением командования остаться на фронте и неожиданное единовременное пособие от наследника цесаревича Александра Александровича в 300 рублей серебром, Кёниг почти все эти деньги тратит на помощь нашим вечно полуголодным и полураздетым солдатам. В то же время она отказывается послать докладную записку о награждении ее каким-либо орденом, как ей стали советовать выдававшие деньги офицеры. «Да Вам после такого облагодетельствования наше командование любую награду выдаст!», – хором твердили они. Но услышали в ответ гордые, достойные слова: «Награду не просят – ее заслуживают! Заслужу – сами представят и пришлют!».

В мемуарах Кёниг интересными являются и те их места, которые вряд ли смог написать мужчина. Говоря о пересечении Долины Роз, она не преминула упомянуть о том, что ей рассказывали об этом райском уголке земли женщины г. Сливена. Они поведали о том, как летом по обоим берегам р. Тунджи начинают повсюду цвести розы, как воздух наполняется их божественным ароматом, и женщины выходят для сбора лепестков в лучших своих праздничных одеждах, потому что работа эта считается священнодействием. Потому что розовое масло из Казанлыка, где его вырабатывают, расходуется по всей Европе для варки мира и ценится на вес золота. Розовая эссенция входит в состав почти всех духов, ее добавляют в воду восточные красавицы, умывающиеся по утрам, и точно такую же ароматную воду Кёниг принесли каждое утро болгарки, в домах которых она временно становилась на постой. По словам мемуаристки, у нее и поныне хранится маленький, отделанный золотом флакончик с розовым маслом, которое она рискнула употребить только в Великую пятницу страстей Господних для плащеницы. А наши солдаты, находившие розовое масло в покинутых турками домах, использовали его совсем

по другому назначению. Они смазывали им свои грязные сапоги, и поэтому при переходе долины Тунджи кустарники роз царапали солдатам руки и цеплялись за их шинели в отместку за поругание своей вековой славы и чести [10. С. 621].

Только в женских мемуарах, пожалуй, можно натолкнуться и на описание женской бани и того, как протекает банная процедура у болгарских женщин. С.А. Кёниг попала в женскую баню в г. Тырнове благодаря приглашению хозяйки дома, в который ее определили на постой. Согласно этому описанию, баня состояла из двух помещений – почивальни и помывочной. Первая из них представляла собой большую комнату, посреди которой располагались полки вроде стола в несколько ярусов почти под потолок. На них в разных позах сидели и лежали закутанные в белые косматые простыни молодые красивые отдыхающие женщины. Они лакомились различными восточными сладостями и вели между собой неспешные разговоры. Их наружность говорила о принадлежности к высшему слою болгарского общества, что подтвердилось, когда хозяйка начала представлять их Кёниг. Второе помещение было гораздо просторнее предыдущего и все было сделано из мрамора: пол, неглубокие ниши с вделанными в них скамейками, бронзовыми кранами и раковинами под ними для воды. Здесь же находилась банщица в переднике, на руки которой были надеты специальные перчатки для разминания тела и очищения кожи. Сама процедура мытья заняла около часа, после чего был «скатан» верхний слой кожи, а сама она сделалась гладкой, как атлас. Процедура завершалась омовением в бассейне, достаточно глубоком, чтобы в нем можно было поплавать. Счет, переданный Кёниг на следующий день, не показался ей особенно большим.

В бытовой неприглядности, нестроении и хаосе войны женский взгляд автора, естественно, привлекают редкие незатронутые военным смерчем очаги уюта. Таким предстал перед ее взором «конак» – резиденция паши в Тырнове. Она увидела прекрасно ухоженный сад с кустами роз и бархатистой зеленью, наподобие миртовых растений, увитые виноградной лозой красивые деревянные решетки над мраморными площадками, узорчатые вертикальные мраморные плиты с множеством трубок и водой, падающей из них в мраморную чашу и затем разбегающейся по мелким водяным отводам для напоения влагой сухой земли вокруг кустов роз и рабаток. Ее поразили широкие двустворчатые двери дома и ведущая наверх роскошная мраморная лестница с бронзовыми перилами, а также деревянные куполообразные потолки с изумительно тонкой резьбой, покрывающей, как кремовое кружево, лазоревый свод купола. Под стать потолку были и стены, сплошь покрытые резьбой и живописью, изображавшей цветы и фрукты. Вдоль стен шли широкие диваны, обитые толстой шелковой материей. По углам диванов лежали подушки, а на полу – циновки. Некоторые из окон тянулись во всю ширину стен без простенков и были задернуты легкими занавесками. Весь дом содержался в исключительной чистоте, ничто в нем не было разбито или разграблено. Причем на вопрос о том, кто его караулит, болгары ответили Кёниг, что караульщиков как таковых нет. И она была поражена болгарской честностью и уважением болгарами права собственности даже по отношению к имуществу своих врагов турок. Этот вывод подкреплялся также ее наблюдением, что болгары никогда не входят в чужой дом обутыми – обувь и часть одежды они оставляют за порогом либо на улице, ничуть не опасаясь, что кто-то может их украсть [10. С. 366–367].

Повышенное внимание читателя вызывают и другие пассажи, в которых приводится характеристика еще одной черты национального характера болгар – теперь уже отрицательной – жадности. Она пишет, что при выходе из деревни Чермет жадный болгарин отказывался продать булочки (хлебцы) голодным, двое суток ничего не евшим русским солдатам. Лишь после того, как она дала ему золотой и пригрозила, что полк не станет биться за болгар, если сюда попытаются прорваться турецкие таборы, болгарин начал выставлять хлебцы на прилавок, которые

сметались проходящими мимо солдатскими шеренгами. Следует отметить, что сюжеты с отказом или нежеланием продать хлеб русским солдатам встречаются на страницах воспоминаний о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и ряда других ее участников: В.И. Немировича-Данченко, С.П. Боткина и др.

После нашего более чем сорокалетнего изучения Болгарии мы можем свидетельствовать, что обе эти, отмеченные русскими мемуаристами, черты национального характера болгар (честность и жадность) являются мнимыми. Они обязаны своим существованием незнанию авторами особенностей местного национального быта и неспособности реконструировать причинно-следственную связь в отвратительном, на первый взгляд, поведении. Да как же это так: не продавать хлеб своим голодным освободителям?

Мнимая болгарская честность (ничего не было взято из пустого, никем не охраняемого дома турецкого паши) вызывалась страхом болгар перед карой турок за растаскивание имущества своего недавнего правителя. Утаить факты подобного воровства болгарам никак бы не удалось – в случае возвращения турецкие солдаты перерыли бы все дома и амбары местных «неверных» и виновных постигли бы страшные истязания и мучительная смерть. А обувь и одежду, оставляемые за порогом дома своими соплеменниками, болгары не брали совсем не по причине своей необыкновенной честности. Что потом делать с этой ворованной обувью и одеждой? Ни надеть, ни продать их в маленьком городке – сразу всем все станет известно, и постигнет вора жестокое наказание, а весь род его – бесчестие и позор. Что же касается имущества в домах, брошенных простыми турками, то болгары растаскивали его за милую душу [3. С. 224; 8. С. 79].

А странное поведение болгар, отказывавшихся продать хлеб нашим голодным солдатам, разумеется, вызывалось не их неприязнью к русским, а уже полученными от них горькими уроками. Отметим, что болгарин согласился продать хлеб после того, как С.А. Кёниг дала ему наперед золотой. Сама она, правда, приписывает изменение позиции болгарина воздействию своих угроз не защищать более болгар от турок. Только вот на каком языке она ему это объясняла? Ранее сама Кёниг упоминает, что болгарский язык понимает плохо и постоянно отвечает невпопад. А из того, что банщица говорила ей об устройстве бани и способе ее отопления, ей удалось разобрать немного [10. С. 82, 344]. Наверное, и болгарский торговец хлебом мало что понял из угроз Кёниг об альтернативном отказе русских солдат защищать болгар. Скорее всего, ранее у болгарина другие оголодавшие наши солдаты отняли хлеб силой без всякой оплаты. Ведь не у всех наших пехотинцев была такая благодетельница, как Софья Александровна, готовая отдать болгарину целый золотой. Отсюда и такое странное поведение болгарина по отношению к русским освободителям, которое сразу изменилось после получения золотого...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калиганов И.И.* Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии (в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее) // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* М., 2009; *Калиганов И.И.* Болгары глазами русских в XIX столетии (национальный характер, взаимное восприятие) // *Славянский мир в глазах России.* М., 2011.
2. *Калиганов И.И.* Переправа. Начало Освободительной войны 1877–1878 гг. для русской армии // *Родина.* 2010. № 11.
3. *Немирович-Данченко В.И.* Год войны. (Дневник русского корреспондента). 1877–1878. СПб., 1879. Т. II.
4. *Немирович-Данченко В.И.* После войны. Очерки и впечатления русского корреспондента в освобожденной Болгарии. СПб., 1880.
5. *Немирович-Данченко В.И.* За Дунаем. Война с турками за освобождение славян 1877–1878 // *Очерки и рассказы из сочинений В.И. Немировича-Данченко.* М., 1907. Вып. I.
6. *Крестовский В.В.* Собрание сочинений. СПб., 1879. Т. V. Двадцать месяцев в Действующей армии в 1877–1878 годах.

7. На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. художника В.В. Верещагина. М., 1902.
8. Письма С.П. Боткина из Болгарии. 1877. СПб., 1883.
9. *Калиганов И.И.* Освобождение Болгарии от османского ига в русской художественной литературе XIX–XX вв. // Международная конференция «Болгария и Россия в XVIII–XXI вв. Quo vadis? Пути и Переутья. София, 16 мая 2011 г. София (в печати); *Калиганов И.И.* Освобождение Болгарии от османов глазами россиян (художник В.В. Верещагин и врач С.П. Боткин, военные летописцы М.А. Газенкамф и Е.И. Утин) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Москва, 30 мая 2011 г. М., (в печати).
10. Воспоминания сестры милосердия С.А. Фон-Кёниг (ныне Чириковой). (Дорогим пермцам на память 1877–1878 гг. от их сестры милосердия) // Исторический вестник. СПб., 1916. Т. XXXVI. № 10–12. Октябрь–декабрь.

Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. 583 с.

Выход монографии «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830», написанной шестью полонистами из Института славяноведения РАН (С.М. Фалькович, Н.М. Филатовой, О.С. Каштановой, Г.В. Макаровой, Л.П. Марней, Б.В. Носовым), несомненно, является событием в российской историографии, очень важным также и для польских исследователей. Период 1815–1830 гг. в Польше называется историей Конгрессового королевства, в России же до смерти наместника Ф.Ф. Берга употреблялся термин «Царство Польское», а затем, в соответствии с усилившейся русификацией, – «Привислинский край».

Библиография, касающаяся этого периода, неизмеримо богата (достаточно посмотреть на помещенный в монографии перечень использованной литературы). Однако это по большей части исследования, посвященные отдельным вопросам, связанным с данной эпохой. Обобщающего, фундаментального труда, к тому же учитывающего международный контекст того времени (победоносные кампании Наполеона, создание Варшавского княжества, поход 1812 г. и вступление русских в Париж, и, как следствие, Венский конгресс и его решения по польскому вопросу) до сих пор не было, а на польском языке их нет и сейчас (если не считать параграфы в учебниках и справочные пособия). Несомненно, это связано с тем, что на польском языке нет основанной на ныне доступных, а ранее неизвестных источниках, в том числе и биографии Александра I, бесспорно наиболее расположенного к полякам, особенно в начале царствования. Несомненное влияние на императора имели князь Адам Ежи

Чарторьский и другие сановники польского происхождения, благодаря которым Александр поддержал проект введения преподавания на польском языке в университетах в Вильно и Варшаве, в Кременецком лицее и др. Он был неординарной личностью при всей противоречивости взглядов и поступков. Возникшие вокруг его имени легенды и мифы, особенно касающиеся неожиданной смерти в Таганроге, не разгаданы и по сей день. Его план присоединить к Королевству Польскому так называемые забранные земли, который вызвал смятение в среде декабристов и даже породил планы цареубийства, был тесно связан с намерением даровать конституцию по образцу польской всей Российской империи. Мечте о либеральном царе-самодержце никогда не суждено было сбыться, и Александр I это осознавал. Не потому ли он выбрал смерть? Об этом мы, вероятно, никогда не узнаем. Однако и вззошедший на престол после него Николай I не захотел отдать под имперский суд связанных с декабристами членов Патриотического общества. В качестве любопытного факта стоит добавить, что этот царь, самодержец и легитимист, оказав уважение конституции, утвердил приговор сеймового суда, вопреки своим убеждениям, и короновался польским королем при поддержке поляков. Перемены наступили лишь после 1830–1831 гг., после поражения Ноябрьского восстания и назначения И.Ф. Паскевича на пост наместника.

Как уже упоминалось выше, раньше выходили в свет работы, затрагивавшие отдельные вопросы истории Польши первой трети XIX в. К их числу относится подготовленная в Институте славяноведения книга Л.А. Обушенковой «Королевство

Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие» (М., 1979). Она фигурирует в рецензируемом труде только один раз в виде строчки в перечне использованной литературы, хотя Л.П. Марней, автор главы III «Особенности экономического развития Королевства Польского и Российской империи в первой трети XIX в.», ссылается на эту книгу десятки раз! Конечно, это мелкое упущение не уменьшает значения всего труда. Однако было бы лучше, если бы во «Введении» был представлен краткий обзор историографии по теме и источников, впервые вводимых в научный оборот в этом, несомненно, очень нужном труде. Затрудняет восприятие текста отсутствие списка употребляемых сокращений, которые даются только в примечаниях при первом упоминании. Очень жаль, что в столь обширном издании нет никаких иллюстраций.

Монография вызывает вопросы и побуждает к размышлениям. Оставим их читателям (и другим рецензентам) и рассмотрим только структуру труда в целом. Он состоит из семи глав (и многочисленных параграфов, названия которых, правда, практически сливаются с текстом, так как не выделены курсивом или жирным шрифтом), «Введение» и содержащего выводы «Заклучения», написанных ответственным редактором книги С.М. Фалькович, а также приложения и указателя имен (в котором, к сожалению, как это обычно для книг, изданных в России, даются только фамилии и инициалы, и читатель все время остро ощущает отсутствие полных имен, не говоря уже об отчествах). Особого внимания заслуживает помещенный в «Приложениях» переведенный на русский язык текст Конституционной хартии Царства Польского 1815 г., так как до этого он был издан только по-польски и по-французски.

Глава I, озаглавленная «Россия и создание конституционного Королевства Польского», написана Г.В. Макаровой. Хронологически глава частично выходит за временные границы, определенные авторским коллективом, но это необходимо для того, чтобы показать значение в европейской политике начала XIX в. сформировавшегося тогда «польского вопроса». Опираясь на широкий круг источников, преимущественно опубликованных, автор путем детального анализа показала, как изменилось видение способов его решения с учетом всех факторов, как объективных, так и субъективных, включая личное отно-

шение к Польше Александра I. Она также подробно описала роль царя во время Венского конгресса и его влияние на создание автономного Королевства Польского.

Глава II, написанная Б.В. Носовым, посвящена рассмотрению «Социальной структуры Королевства Польского». На основе богатой литературы автор представил ряд сведений о Королевстве Польском, его территории и обществе. Он показал его социальную, национальную и профессиональную структуру. Характеризуя отдельные социальные группы (шляхту, мещанство и крестьянство), Носов сравнил их положение в период Королевства Польского и в годы существования Княжества Варшавского. Специальная часть главы посвящена характеристике Войска Польского – его численности, личного состава, особенностей рекрутского набора. Чтение текста и усвоение представленной информации облегчает наличие таблиц: 26 из них включены в текст самой главы, а семь помещены в приложения к ней.

В главе III Л.П. Марней анализирует «Особенности экономического развития Королевства Польского и Российской империи в первой трети XIX в.». Она характеризует состояние экономики Королевства в 1815 г., описывает ее успешный рост к моменту разразившегося Ноябрьского восстания. Внимание автора привлекли также действия государства, поддерживавшего экономическое развитие края, создание промышленности, строительство дорожно-транспортной сети. Кроме того, Марней дала характеристику экономических отношений, связывавших Королевство Польское с империей, проследила различия в хозяйственной политике обоих государственных образований, которые, несмотря на общую цель укрепления государства, стремились к ней разными путями.

В главе IV Б.В. Носов осветил проблему «Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского». В начале главы представлены принципы политики Реставрации и обоснована невозможность их применения в отношении Польши. В дальнейшем подробно изложено содержание данной Королевству конституции и охарактеризованы правительственная структура, деятельность сейма и судебная система государства. Автор также обращает внимание на смену политических элит в Королевстве Польском и их позицию в отношении России.

«Польское общественное движение и политику царской администрации (1815–

1830)» исследовала С.М. Фалькович в главе V. Опираясь на богатую источниковую базу, автор описала настроения, господствовавшие в польском обществе в исследуемый период, представив, прежде всего, выступления легальной оппозиции в сейме, а также деятельность тайных обществ на польских землях (Национальное масонство, Патриотическое общество, а затем Заговор подхорунжих). Она показала действия органов государственной власти при Николае I, направленные на раскрытие польских тайных обществ и выявление их связей с революционными организациями в России.

Глава VI монографии, написанная О.С. Каштановой, озаглавлена «Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском (1815–1830)». Избранная автором тема представлена очень подробно, начиная с конца XVIII в. по 1830 г. Каштанова показала эволюцию отдельных сфер искусства, творческую среду того времени и ее главных представителей, а также польско-русские отношения в области культурного и научного обмена, подтвердив, что Королевству Польскому суждено было стать пресловутым «окном», через которое в Россию шли свежие веяния европейской общественной мысли и культуры.

Восприятие польским и русским обществами друг друга и его изменения на про-

тяжении 15 лет, о которых идет речь, стали предметом заинтересованности Н.М. Филатовой, автора главы VII «Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг.». Основываясь на материале многочисленных мемуарных сообщений того времени, автор пришла к выводу, и не без основания, что в итоге эта попытка обоих народов сблизиться оказалась неудачной.

Монография, о которой идет речь, несомненно, представляет собой ценное исследование, приближающее нас к истории Королевства Польского. Комплексный анализ многих аспектов функционирования государства делает этот труд тем более ценным. Учитывая, что это исследование написано по-русски и адресовано, главным образом, российским читателям, хотелось бы надеяться, что оно прояснит для них многие вопросы, и в особенности историю взаимоотношений народов – угнетенного и господствующего. Эта история отягощена многочисленными стереотипными представлениями, требующими опровержения. Не подлежит сомнению, что к этой книге с пользой для себя обратится и не один польский исследователь истории XIX в.

© 2013 г. М. Кулик
(Институт истории Польской
академии наук)

Славяноведение, № 1

Náboženství v 19. století. Nejcírkevnější století, nebo období zrodu českého ateismu? Praha, 2010. 328 s.

Религиозность в XIX в. Век церковного могущества или период возникновения чешского атеизма?

Уже в заглавии коллективной монографии чешских ученых сформулирована, пожалуй, наиболее существенная проблема в области изучения духовной жизни Чешских земель XIX в. Церковная реформа Иосифа II, наполеоновские войны и революция 1848 г. внесли существенные коррективы в процедуру католического богослужения в Австрии и создали предпосылки к обретению равноправия между протестантскими церквями, еврейской общиной и католической церковью. Следствием этого стало повышение межконфессиональной мобильности населения, переплетение

идей просвещения и национализма с религиозными представлениями, что к концу XIX в. в Австро-Венгрии трансформировалось в любопытный синтез рационализма, гипертрофированного антиклерикализма и напряженного внутреннего духовного поиска. Посему название книги очерчивает противоречия эпохи, устанавливает экстремумы, между которыми мечется сознание австрийских (и в данном случае чешских) интеллектуалов в поиске баланса между истиной и пользой.

В то же время народные массы оказались на полпути от пышного католического

1830)» исследовала С.М. Фалькович в главе V. Опираясь на богатую источниковую базу, автор описала настроения, господствовавшие в польском обществе в исследуемый период, представив, прежде всего, выступления легальной оппозиции в сейме, а также деятельность тайных обществ на польских землях (Национальное масонство, Патриотическое общество, а затем Заговор подхорунжих). Она показала действия органов государственной власти при Николае I, направленные на раскрытие польских тайных обществ и выявление их связей с революционными организациями в России.

Глава VI монографии, написанная О.С. Каштановой, озаглавлена «Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском (1815–1830)». Избранная автором тема представлена очень подробно, начиная с конца XVIII в. по 1830 г. Каштанова показала эволюцию отдельных сфер искусства, творческую среду того времени и ее главных представителей, а также польско-русские отношения в области культурного и научного обмена, подтвердив, что Королевству Польскому суждено было стать пресловутым «окном», через которое в Россию шли свежие веяния европейской общественной мысли и культуры.

Восприятие польским и русским обществами друг друга и его изменения на про-

тяжении 15 лет, о которых идет речь, стали предметом заинтересованности Н.М. Филатовой, автора главы VII «Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг.». Основываясь на материале многочисленных мемуарных сообщений того времени, автор пришла к выводу, и не без основания, что в итоге эта попытка обоих народов сблизиться оказалась неудачной.

Монография, о которой идет речь, несомненно, представляет собой ценное исследование, приближающее нас к истории Королевства Польского. Комплексный анализ многих аспектов функционирования государства делает этот труд тем более ценным. Учитывая, что это исследование написано по-русски и адресовано, главным образом, российским читателям, хотелось бы надеяться, что оно прояснит для них многие вопросы, и в особенности историю взаимоотношений народов – угнетенного и господствующего. Эта история отягощена многочисленными стереотипными представлениями, требующими опровержения. Не подлежит сомнению, что к этой книге с пользой для себя обратится и не один польский исследователь истории XIX в.

© 2013 г. М. Кулик
(Институт истории Польской
академии наук)

Славяноведение, № 1

Náboženství v 19. století. Nejcírkevnější století, nebo období zrodu českého ateismu? Praha, 2010. 328 s.

Религиозность в XIX в. Век церковного могущества или период возникновения чешского атеизма?

Уже в заглавии коллективной монографии чешских ученых сформулирована, пожалуй, наиболее существенная проблема в области изучения духовной жизни Чешских земель XIX в. Церковная реформа Иосифа II, наполеоновские войны и революция 1848 г. внесли существенные коррективы в процедуру католического богослужения в Австрии и создали предпосылки к обретению равноправия между протестантскими церквями, еврейской общиной и католической церковью. Следствием этого стало повышение межконфессиональной мобильности населения, переплетение

идей просвещения и национализма с религиозными представлениями, что к концу XIX в. в Австро-Венгрии трансформировалось в любопытный синтез рационализма, гипертрофированного антиклерикализма и напряженного внутреннего духовного поиска. Посему название книги очерчивает противоречия эпохи, устанавливает экстремумы, между которыми мечется сознание австрийских (и в данном случае чешских) интеллектуалов в поиске баланса между истиной и пользой.

В то же время народные массы оказались на полпути от пышного католического

«барочного» культа, связанного скорее с региональной идентичностью, к идее чешской национальной самобытности. Чешское национальное самосознание в XIX в. стало мощнейшим фактором влияния на духовные поиски; проявлялось в отказе от помпезного обряда и веры в чудеса, в обращении к себе, к духовности, построенной не на церковной, а на гуманистической основе, очищенной от религиозных догматов. Однако избавляясь от внешних признаков религиозности, человек «долгого XIX века» вплотную подошел к атеизму, формально оставаясь в рамках принятой им прежде конфессии.

Авторский коллектив под руководством З. Нешпора тщательнейшим образом исследует религиозную жизнь чехов, богемских немцев и евреев на протяжении всего XIX в., выявляя переломные моменты в восприятии культа, сакрального пространства и самой религиозности разными социальными и национальными группами. Книгу открывает краткая вводная статья, несколькими точными штрихами очерчивающая национальные противоречия в чешских землях и раскрывающая особенности чешского религиозного мировоззрения, которые выразительно проявляются при сравнении с аналогичными процессами в польских землях. Если поляки воспринимали свою принадлежность к католической церкви как базис собственной национальной идентичности, то среди чехов эта идея не прижилась: со второй половины XIX в. особую популярность завоевывает фигура Яна Гуса, ставшего одним из символов чешской самобытности и противостояния привнесенному немцами клерикализму (s. 11). Авторы привлекают внимание читателя и к такому процессу, как уравнивание в правах католиков, протестантов и евреев и инкорпорация ранее закрытых социальных групп в единую социальную структуру.

Неоспоримыми преимуществами данной работы являются синтетический подход к подаче материала, внимание к деталям и локальной истории при исследовании таких феноменов, как малые (свободные) протестантские церкви, старокатолическая церковь и православие в Чешских землях. Естественно, наряду с этими темами весьма внушительным выглядит католический блок, в рамках которого М. Гажи и К. Кайзерова сделали успешную попытку разграничить «барочное» католичество и «современный» католицизм, веру и обряд в восприятии народных масс, выявить

влияние мощных идейных течений (просвещение, национализм, рационализм) на самоидентификацию как паствы, так и католических священников. М. Гажи настоятельно рекомендует разделять понятия «католичество» и «католицизм» (в чешском языке «katolictví» и «katholicismus») (s. 16). Если первое, по его мнению, определяет религиозно-экзистенциальную составляющую человеческой жизни, то второе используется для обозначения социально-политического движения в Австро-Венгрии во второй половине XIX в., программа которого выстраивалась на базе религиозных норм. Внимание исследователя также привлекают формы народной религиозности, различные шествия, престольные праздники, паломничества и случаи явления святых и Девы Марии, зафиксированные в Чешских землях (s. 66). Однако исследуя «католицизм большинства», автор соглашается с выводом М.Ц. Путны о том, что XIX век для католической церкви – это «дорога в гетто», в котором она оказалась уже в следующем столетии (s. 95).

К. Кайзерова в главе «Римская католическая церковь и немцы в Чешских землях» привлекла обширный фактический материал о немецких теологах и священнослужителях в Богемии и Моравии, указала на преемственность гуманистических идей Б. Больцано. В целом материал, собранный Гажи и Кайзеровой, позволяет поставить под сомнение факт «объединения алтаря и трона» в Австрийской империи (Австро-Венгрии) в XIX в., выявляет жесткие ограничения, вводившиеся австрийским государством по отношению к католической церкви; от этой части книги можно было бы, однако, ожидать большего количества отсылок к Святому престолу, более подробной характеристики отношения Римских пап к событиям в Центральной Европе.

В блоке, посвященном религиозным меньшинствам, З. Нешпор, К. Кайзерова и М. Мацкова углубились в проблему смешения национального самосознания и религиозного восприятия в рамках протестантских церквей, признанных в Австрийской империи Толерантным патентом (1781). Несмотря на малочисленность их последователей, чешские протестантские общины и протестантская риторика сыграли немалую роль в политической жизни Чешских земель второй половины XIX в. (s. 157–159). Среди протестантов нашлись реформисты, стремившиеся приблизить основы вероучения к окружавшей их

действительности, дабы сохранить силу и свежесть слова Евангелия (s. 160–161). Как ни странно, эти усилия привели их последователей на грань отказа от идентичности религиозной в пользу идентичности национальной, и не последнюю роль в этом выборе сыграли идеологические установки чешских немцев, привнесенные из Германии, о том, что протестантизм является немецкой национальной конфессией (s. 143–145). Католическая церковь в XIX в. на подобную сделку с современностью не пошла; ее иерархи, опасаясь развала мощнейшей международной структуры, не рискнули уступить веяниям моды и идеям католической реформы. Вместо того, чтобы дать пищу для размышления интеллектуалам, католическая церковь предпочитала оставаться покровителем народных масс, большинства, которое являлось активным потребителем нарядного барочного обряда и внушающих благоговение готических символов.

Особо стоит отметить главу М. Црговой «Перемены в религиозной жизни евреев»: она дала полноценное представление о процессах, приведших к разрушению традиционной еврейской общины в Австро-Венгрии и в Чешских землях в частности, к появлению таких идейных течений, как еврейский земский патриотизм и гаскала (еврейский вариант просвещения) (s. 189). При этом автор выявила и причины нарастания волны антисемитизма во второй половине XIX в. По ее мнению, тезис о том, что евреи разрушали традиционную католическую религиозность в австрийском государстве второй половины XIX в.,

не лишен истины, однако в основе этого лежит сложный механизм включения в социальную жизнь групп подданных, ранее управлявшихся автономной общиной, а совсем не злонамеренность приверженцев сионизма.

Раздел «Альтернативные формы религиозности», завершающий книгу, подобрал материалы о старокатолической церкви (К. Кайзерова), «свободных» протестантских общинах (З. Нешпор), православии (П. Марек) и антиклерикальном движении в сочетании со спиритизмом (З. Нешпор). В Чешских землях эти течения так и остались маргинальными, но миссионерская деятельность протестантских священников из Германии, Шотландии и Швейцарии, интерес к восточному христианскому обряду среди чехов и попытки восстановить существовавшую в Средние века общину Чешских братьев стали приметам времени на рубеже XIX и XX вв.

В результате авторы убедительно показали, что к началу Первой мировой войны в интеллектуальных кругах Чешских земель значительно снизился интерес к сакральному, к вопросам теологии; общественная мысль перешла в национально-политическую плоскость. И тем не менее религиозность чехов продолжала существовать в латентной форме, проявляясь в первую очередь как обращение к глубинам собственной души, постепенно трансформируясь в гуманистическо-демократические представления о возможности существования справедливого общественного порядка.

© 2013 г. Бирюкова Е.В.

Славяноведение, № 1

В. ПУКИШ. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010.
Ростов-на-Дону, 2010. 368 с.+ илл.

Книга В.С. Пукиша представляет собой первое систематизированное научное исследование истории и этнографии чешского (и в меньшей мере словацкого) населения Северного Кавказа. Черноморская губерния и Кубань (ныне Краснодарский, Ставропольский края и Республика Адыгея) стали второй родиной многих чехов, переселявшихся сюда по инициативе правительства России во второй половине XIX в.

На новом месте чешские переселенцы развили интенсивную разностороннюю хозяйственно-экономическую деятельность, во многом способствуя подъему экономики и культуры края. Велик их вклад в земледелие, виноградарство, виноделие, пивоварение, промышленность, торговлю, развитие городской и музыкальной культуры Северного Кавказа. К сожалению, судьбами и современным состоянием «новороссийских»

благодаря беседам с носителями информации (методы полевого этнографического исследования и «устной истории»), особо ценно, поскольку позволяет ощутить реальное биение жизни и степень идентичности самих информантов.

Автор приводит статистические сведения о чехах Северного Кавказа, собранные им в советских и современных российских источниках. Это позволяет раскрыть реальную картину жизни чехов этого региона и сопоставить ее с дореволюционными данными, проследить динамику социодемографических процессов.

Большое внимание автор уделяет культуре северокавказских чехов, проблеме сохранения традиций их народной культуры и знания классического наследия, межкультурной коммуникации с русским населением, школьному вопросу. Здесь исследование В. Пукиша приобретает более выраженный этнографический характер. Автор тщательно анализирует профессиональную принадлежность чешских поселенцев и ее эволюцию в советский период с его гонениями на религию; бытование обрядов и традиций, принесенных с родины,

и их редукцию; описывает открытые или идентифицированные им памятники материальной культуры, в том числе некрополи. Небольшая глава посвящена словакам на Северном Кавказе, где справедливо указывается на объективные трудности вычленения собственно словаков из переселенцев, приехавших в Россию из Венгерского королевства, составлявшего часть монархии Габсбургов.

В приложениях даны интереснейшие материалы (воспоминания старожилов, список фамилий чехов, документы чешских организаций 1920-х и 2000-х годов, записи фольклора и кулинарные рецепты), позволяющие почувствовать реальную жизнь северокавказских чехов во многих ее аспектах. Издание хорошо иллюстрировано. Содержание книги, конечно, намного богаче, многограннее, чем это отмечено в данной рецензии. Монография В. Пукиша может стать основой серьезного исследовательско-просветительского проекта, посвященного истории и современности чехов Северного Кавказа.

© 2013 г. Г.П. Мельников

Славяноведение, № 1

Болгария и Россия (XVIII–XX вв.): взаимопознание. Сб. статей. М., 2010. 476 с.

Двустороннее научное сотрудничество ученых из Института литературы Болгарской академии наук и Института славяноведения Российской академии наук по проекту «Болгария и Россия (XVIII–XX вв.): взаимопознание» завершилось изданием сборника статей. Его основу составляют доклады, зачитанные на научной конференции, состоявшейся в Софии в 2007 г., и на междисциплинарном форуме «Болгария и Россия – пути к взаимности», прошедшем в 2008 г.

Руководители проекта, как подчеркнул Г.Д. Гачев (трагически ушедший из жизни в 2008 г.) во вступительной статье «О многогласии в науке (вместо предисловия)», отказались от жесткой детерминации темы, установив только «рамки Пространства и Времени». А поскольку удалось собрать для этого проекта великолепный коллектив исследователей, то их творческая энергия

создала новые сюжеты и повела к переосмыслению многих «классических» проблем.

Р. Дамянова, ответственный редактор с болгарской стороны, в статье «Болгария и Россия: взаимопознание (некоторые размышления)» изложила свои мысли по вопросу о принципах и основаниях взаимного познания как процесса получения знаний о другом, через которое происходит и самопознание. Автор отметила основные вехи в процессе взаимного познания болгар и русских, различные формы и пути проявления, которые видятся автору в виде спирали.

Раздел сборника «Представления друг о друге у болгар и русских» открывает статья «Образ болгарина у “западника” Тургенева и “славянофила” Леонтьева», которая принадлежит перу Г.Д. Гачева.

Тургенев и Леонтьев «взираются в болгарина» из России, с учетом ее интересов. Ин-

саров как человек дела, характер, личность появляется у Тургенева для углубления самопознания русских. Писатель уловил черты антропологического типа болгарина. Инсаров им изображен как исключительно положительный образ героя. Леонтьев, политик и дипломат, «описывает-оценивает» болгар в сравнении с другими народами, дает общую характеристику их положения в мире в русском контексте, насколько они содействуют русским интересам на Балканах.

Я. Милчаков в статье «Социология забытых литературных культов (А.Н. Апухтин, М.П. Арцыбашев)» реконструировал восприятие болгарского читателя произведений двух русских авторов. Появление беллетристики Арцыбашева, особенно роман «Санин», вызвали острейшие литературные споры и моралистическую полемику в Болгарии. Произведения Апухтина были менее известны болгарской читающей публике конца XIX – начала XX в. Но они тоже имели хождение, в основном в «элитарном» кругу. Милчаков выявил причины последующего забвения произведений Апухтина и Арцыбашева в Болгарии, называя в их числе и идеологическую конъюнктуру.

Заслуживает внимания статья И.И. Калиганова «Большевицкая Россия в болгарской маргинальной литературе 20–40-х гг. XX в.», анализирующая литературу, в которой представлена альтернативная точка зрения на Советскую Россию в отличие от печатной продукции болгарских коммунистов, широко распространяемой в Болгарии в те годы. После сентября 1944 г. она была запрещена, изъята из библиотек и уничтожена. Сохранились единичные экземпляры в наиболее крупных библиотеках. Некоторые авторы старались уличить во лжи советских пропагандистов, другие стремились к дискредитации СССР как такового. Калиганов высказал наблюдения о составе авторов, многие из которых оставались анонимными или скрывались под псевдонимами.

Н.Н. Пономарева в статье «Комедии Йордана Радичкова и Станислава Стратиева в Советском Союзе» отметила, что наивысших достижений болгарская комедия достигла в 70–80-е годы XX в. Ее отличали нестандартные подходы к художественному воплощению важных процессов современности, широкое использование многообразия средств комического, что в советской комедии тех лет встреча-

лось нечасто. Н.Н. Пономарева характеризует этот жанр как реализм, но не критический и тем более не социалистический, а реализм сатирический и аллегорический (Стратиев), мифологический и философский (Радичков).

В обширной теме русско-болгарских отношений в 20–30-е годы XX в. проблема русско-болгарского межкультурного диалога остается еще до конца не раскрытой. К ней обратился Р. Русев в статье «Русская эмиграция в Болгарии 1918–1944 гг. (в контексте русско-болгарского культурного диалога, межславянского культурного общения и славянской идеи)». Автор рассмотрел деятельность Общества русско-болгарской дружбы, основанного русскими эмигрантами с целью взаимного знакомства с нравами, обычаями, культурой и творчеством болгар и русских.

В. Балеvский в статье «Трагичная судьба деятелей славянской культуры. Размышления над книгой “Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век”» (М., 2006)» подчеркнул, что указанная книга – великолепное издание, которое знакомит читателей с трагичными судьбами ученых, писателей, поэтов, русских, болгар, поляков, чехов, словаков, сербов, уничтоженных жестокой машиной коммунистического безвременья.

Статья М.Г. Смольяниновой «Иван Вазов и Федор Достоевский о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.» вносит важный вклад в полемику, которая ведется в современной болгарской историографии по проблемам болгарского возрождения. Появился ряд «сочинений», стремящихся произвести ревизию в исторической науке. Многие болгарские ученые выступили с протестами против подобной фальсификации болгарской истории, например, Илия Тодев. Для М.Г. Смольяниновой, прекрасного знатока болгарской художественной литературы, значимым аргументом в опровержении подобных инсинуаций является именно литература эпохи Возрождения, ставшая художественной летописью национальной истории Болгарии: произведения Софрония Врачанского, Любена Каравелова, Ивана Вазова. Смольянинова также обратилась к творчеству Ф.М. Достоевского, который был потрясен равнодушием Европы к массовой резне болгар весной 1876 г.

К. Михайлов в статье «Престиж и престижность в болгарском обществе» рассмотрел парадигму психоэвентических проявлений сознания болгарского народа, в

основе которых лежит несоответствие слов и поступков. Автор привлек значительный пласт поговорок, пословиц и притч, отметил наиболее характерные черты мировосприятия болгарина, которые проистекают, прежде всего, из его отношения к собственности. В системе ценностей, где работают механизмы престижности, прослеживается «двойная мораль». Автор анализирует ее проявления, уточняет характеристики, типы поведенческих моделей. К. Михайлов предлагает называть это явление «плавающей моралью».

Э. Тачева в статье «Одесса и Одесский круг болгарских литераторов в литературном контексте болгарского возрождения» выдвигает в качестве основного тезиса утверждение, что Одесский круг болгарских литераторов формировал новые культурные направления просвещения, осуществлял их синтез с динамикой следующей культурной эпохи.

Второй раздел «Литературные встречи и пересечения» открывает статья Д. Ивановой «Русские издания Библии и болгарская традиция перевода Библии в эпоху Возрождения». Новоболгарские переводы Библии сыграли важную роль в национальном пробуждении, стали фактором ускорения консолидации общества, а также развития и обогащения литературного языка. На основе текстологического и лингвистического анализа автор доказывает, что для новоболгарских переводов Библии наряду с церковнославянской Библией использовались и две версии русского перевода – русский текст Евангелия, изданного Российским библейским обществом в 1823 г., и русский синодальный перевод, а также греческие источники.

Г.К. Венедиктов в статье «Первые болгарские возрожденческие книги в Москве» подчеркнул, что книга, прежде всего, печатная, не просто была носителем, выразителем и распространителем определенного содержания (информации) или средством воспитания, а стала мощным осознанным инструментом борьбы за освобождение народа от иноземного духовного и социального, а затем и политического гнета, за создание национальной школы, развития на родном языке просвещения, литературы, периодической печати.

Л. Минкова, много и плодотворно работавшая в архивах России и Украины, предложила статью «Захарий Княжеский и русско-болгарские связи второй половины XIX в.», в которой поставила задачу изуче-

ния жизненного пути просветителя во всей его целостности.

Ю. Николова в статье «“Свадьба” – неизвестный перевод гоголевской “Женитьбы” 1870 года. Функциональные и смысловые инвенции» исследует текст рукописи «Свадьбы», найденной в 1952 г. в библиотеке Свиштова, обосновывает авторство Игната Иванова, сделавшего перевод «Женитьбы» Н.В. Гоголя и адаптировавшего его специально для свиштовского народного (любительского) театра.

В статье «Русская литература и возникновение жанра романа в болгарской литературе» Д. Господинов обосновывает точку зрения, что русская литература оказала большое влияние на болгарскую литературу в период ее первых шагов не через романную традицию, а через очерки.

Статья Х. Манолакева «П.Р. Славейков и М.Ю. Лермонтов (о вероятном интертекстуальном диалоге в поэме “Источник белоногий”») посвящена компаративному изучению одного из главных произведений болгарского литературного канона. Автор предположил, что поэма «Демон» являлась первоисточником для болгарского автора. Славейков стремился не просто к диалогу с русской литературой, а к продуманному восприятию новых идей и нравственных проблем, собственных современным европейским тенденциям.

Р. Илчева в статье «Болгары и Болгария в русской романтической поэме первой трети XIX в.» корректирует устойчивые представления, согласно которым первым литератором, затронувшим болгарскую тему, считается А.С. Пушкин, издавший в 1834 г. повесть «Кирджали». Р. Илчева обнаружила две прежде неизвестные поэмы: «Любовь в тюрьме» (СПб., 1828) неизвестного автора и «Пленник» П. Родивановского (СПб., 1832). Следует заметить, что, хотя в повести «Кирджали» болгарская тема заявлена буквально с первой фразы («Кирджали был родом болгар»), но в самом произведении нет ничего болгарского и романтического. В Кирджали, как деликатно замечают некоторые ученые, в частности, И.И. Калиганов, воплотился собирательный образ балканского разбойника – гайдука.

В. Добрева в статье «Фигура чужепоклонника в болгарской возрожденческой комедии» обратила внимание на то, что амбивалентность в динамике между «мы и Европа» в возрожденческой комедии разрабатывается через систему персонажей,

акцентирование фигуры чужепоклонника (балканца, изображающего из себя европейца), через окарикатуривание чрезмерного увлечения чужим, которое доводит до нигилистического отношения к своему.

А. Вачева продолжила тему возрожденческой комедии в статье «О предполагаемом образце комедии Добри Войникова “Плохопонятая цивилизация” (“Бригадир” Д.И. Фонвизина)». В болгарской русистике обычно подчеркивается оригинальность сюжета пьесы Д. Войникова. Но, как полагает Вачева, русский текст подсказал концепцию отрицательных образов, послужил моделью для болгарского автора.

Н. Пытова в статье «Фрагменты из публицистики Р. Жинзифова и полемика о болгарской национальной идентичности» охарактеризовала «Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору» как программную, раскрывающую все публицистическое творчество Жинзифова.

К. Кунчев в статье «На периферии Российской империи. Болгарское обычное право, азиатский адат, каноны шариата и поэма Г.С. Раковского» сравнил Болгарию периода возрождения, «насилно загнанную Османской империей в “чрево адово”», и «вторую» Болгарию (Волжско-Камскую Булгарию), «подвергнутую еще большому геноциду со стороны царской России». Обвинения, бросаемые болгарской историографией в сторону России, – явление отнюдь не новое. Однако демонстрация незнания прошлого собственного Отечества – дело удивительное. Кунчев провел «некоторые параллели в трагической судьбе двух народов одной крови, но по иронии судьбы с разными языками и верой – болгарской и татарской». Следует напомнить болгарскому ученому-литературоведу о том, что немногочисленная орда хана Аспаруха, называемая в научной литературе протоболгарской, пришла в Мизию в конце VII в., но была ассимилирована славянами, как прежде произошла естественная ассимиляция ими местных фракийских племен. Сам протоболгарский язык, по мнению болгарского историка В. Бешевлиева, исчез после XII в. вместе с растворением протоболгарских элементов в славянской массе (Първобългари: бит и култура. София, 1981).

К сожалению, формат рецензии не позволяет обстоятельно ответить на пассажи Кунчева о сходности процессов национального возрождения у болгар и у татар. Отме-

чу лишь некоторые сюжеты из болгарской истории. Кунчев заявляет, что «волжские болгары помнят наш общий корень» – время Великого Кубрата, а болгары на Балканах «старательно ищут свои корни в Индостане», имея в виду романтические теории Г.С. Раковского, который «выстраивает свою уникальную теорию о происхождении болгарского народа. В поэме «Лесной путник» («Горски пътник»), по мнению Кунчева, «мелькают не очень хорошо обоснованные Раковским аллюзии с далеким нашим азиатским языческим прошлым – в духе его умозрительных, но гиперболических, “романтических” теорий» (с. 334). Хорошо известно, что Раковский всецело разделял отстаиваемую Ю.И. Венелиным идею о славянстве болгар Аспаруха, подчеркивал абсурдность мнения «о превращении болгар-татар или турок в болгар-славян» в течение «нескольких десятков лет» с конца VII в. до конца IX в., до принятия князем Борисом христианства. Следует также напомнить, что Раковский корректировал и дописывал поэму «Лесной путник» во время пребывания в Одессе (1858–1859), публичная библиотека которой славилась книжными богатствами. Там он познакомился и всецело принял идею русского ученого А.Д. Черткова, который доказывал, что праотцами славян являлись пелазго-фракийские народы, вышедшие из Индии и расселившиеся по Европе, а на Балканах они стали автохтонным населением. Культурой они далеко превосходили греков, которые на Балканском полуострове были пришлым народом. Раковский поставил задачу выснить, «какое родство имеет индийский древний язык санскритский с болгарским». Затем санскритский язык превратился у Раковского в «сам-скрытый» язык, на котором разговаривали древние болгары. Источником для «уникальной теории» Раковского были труды русских ученых Венелина, Черткова, Хомякова и др. Сожалеть, как это делает Кунчев, что Раковский не видит истоков болгар в военно-политическом объединении «Великая Булгария» во главе с кутригуром Кубратом из рода Дуло, утверждать, что для Раковского болгарский народ и его предки были не славянами, значит не понимать сущности болгарского возрождения. Известны негативные отзывы некоторых видных деятелей болгарского возрождения, таких как Л. Каравелов (1834–1879), Хр. Ботев (1847–1876) на сочинения П.И. Шафарика и Гильфердинга, в которых доказывалось

покорение славян Балканского полуострова угро-финской ордой Аспаруха. Поэтому исторические сочинения Раковского приветствовали его соотечественники: «Теперь приверженцам Шафарика, Карамзина и Гильфердинга остается ловить ветер и всем тем, кто думал, что болгары есть самое последнее семя рода человеческого». Присылались и более восторженные отзывы: «Слава и благодарность за ваши дорогие труды, которыми вы срываете темную завесу с болгарского народа. Живите, новый Венелин!» (Архив на Г.С. Раковски. София, 1952. Т. 2). Следы азиатского адата или шариата, обнаруженные Кунчевым в поэме «Лесной путник», это невольная дань не родовой памяти о протоболгарах Аспаруха, а результат 500-летнего совместного проживания болгар и турок в одном государстве, где турки были титульной нацией, и остальные народы волей-неволей приспособлялись, перенимая бытовую культуру, обычаи и т.п.

Кунчев также считает, что деспотические империи рождают революционные организации, «подобные БРЦК или “Совету волжских болгар мусульман” с их идеологами ранга Левского и Ваисовых – отца и сына» (с. 330). Сопоставлять Васи́ла Левского, организовавшего внутреннюю сеть комитетов, чтобы поднять общеполитическое восстание против турок и образовать независимое государство, с Б. Ваисовым (1810–1893) значит вновь объявлять о своем непонимании и незнании болгарской истории, не говоря уже о движении ваисовцев. В «Исламской энциклопедии» сказано, что Багаутдин Ваисов – это известный татарский богослов, который разработал учение на основе идей суфитского братства Накшбандийа. В 1862 г. он основал общину и открыл в Казани духовное училище. Ваисов проповедовал неприятие сложившихся принципов жизни мусульман, требуя уничтожения мечетей, прекращения деятельности имамов, обвиняя мусульман в безнравственности – в таких новшествах как подражание русским в одежде, открытое лицо женщины, европеизация образования, обучение в светских русских школах и пр. Булгарская теория этногенеза татар позволяла ему начать новые процессы по очищению веры. Ваисов ставил целью освободить земли бывшей Волжской Булгарии от «неверных» и поселиться там, создав мир последователей «чистого ислама». Искренне желая обновления современного ему общества, Б. Ваисов искал образцы для

подражания в мусульманской умме времен пророка Мухаммада. Этнические взгляды ваисовцев, связавшие группу татар России с историей Арабского халифата и именем пророка Мухаммада, позволили им встать на путь политического радикализма. Он выразился на рубеже XIX–XX вв. в стремлении отменить существовавшее государство, заменив его совокупностью общин-государств, руководимых религиозным лидером, истинным мусульманином из рода пророка.

Статья Кунчева, являющаяся лишь малой частью разрабатываемого им проекта, демонстрирует дефицит научной информации, образовавшийся в результате событий конца XX в., скудость обмена научной литературой между Россией и Болгарией. Недостаток знаний в совокупности с растревоженным национальным чувством может порождать подобные антинаучные заявления. Необходим диалог, необходимы встречи и сотрудничество ученых России и Болгарии.

Д. Чавдарова в статье «Болгаро-русский диалог в творчестве Вазова: (не)проблематическая любовь» утверждает, что восприятие произведений поэта в разных политических ситуациях имеет свою специфику. Критическая оценка русской политики особенно сильна в стихотворениях времен Первой мировой войны.

В статье Н.В. Злыдневой «Гео Милев в зеркале русского авангарда» на материале героико-романтической поэмы «Септември» (1924) рассматривается проблема связи творчества болгарского поэта с русской советской культурой 1920-х годов. Эта связь обусловлена как личными контактами, так и типологической близостью – проникновением духа символизма поставангардной поэтики катастрофы.

Ц. Ракёвский в статье «Авангардное и поставангардное: “Сентябрь” и “Египетская марка”» сравнивает поэму Гео Милева с повестью О. Мандельштама, обнаруживая в текстах обоих произведений общий сверхзнак – деталь с мифологическим генезисом, характерной авангардистской и поставангардистской поэзии и прозы. С. Стойчева в статье «Николай Рерих и Николай Райнов» отмечает то общее, что объединяет эти две соразмеримые фигуры в русской и болгарской культурах. В поисках общих корней человечества они начали с изучения родной культуры, средневековых, фольклорных и литературных памятников, и закончили изучением культуры Востока.

Для Рериха – это Монголия, Синдзяни, Тибет, для Райнова – Египет. М. Костова-Панайотова в статье «Бунтарь или покорный грешник (Агасфер Николая Минского)» пришла к выводу, что в поэтических произведениях Н. Минский творит и новый миф о божестве-создателе: не небесного Творца, а творца, объединившего все пространства, после акта сотворения отступившего в глубины ради вечного претворения и возрождения мира. Предметом статьи Н. Попаз-Кула «Голос русской литературы в поэзии бессарабских болгар» является почти не известный болгарскому литературоведению пласт поэзии, созданный в последние четыре десятилетия. В.Н. Федотова в статье «Болгарская музыка и Россия» представила основные этапы развития музыкальной культуры Болгарии и ее связь с русской музыкальной культурой.

Третью часть сборника составили воспоминания о Г.Д. Гачеве, которые принадлежат перу болгарских ученых Р. Дамяновой, И. Радева, Н. Драговой, С. Гаринской, Э. Константиновой, К. Топалова, Я. Милчаковой, А. Йорданова.

Сборник «Болгария и Россия (XVIII–XX вв.): взаимопознание» предоставляет не только интересные и значимые плоды научного творчества болгарских и российских ученых, но и позволяет составить представление об основных направлениях научных исследований, которые в настоящее время разрабатываются в России и Болгарии. Сборник также раскрывает плодотворность сотрудничества и свидетельствует о необходимости расширять диалог между учеными двух стран.

© 2013 г. М.М. Фролова

Славяноведение, № 1

И. МАДАЧ. Трагедия человека. М., 2011. 621 с.

В 2011 г. в серии «Литературные памятники» издательства «Наука» вышла «Трагедия человека» знаменитого венгерского поэта и драматурга Имре Мадача. Издание подготовил Ю.П. Гусев – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, переводчик, автор многих работ, посвященных венгерской литературе.

Помимо самого текста «Трагедии человека» в переводе с венгерского Д.Ю. Анисимовой (сцены 1–8) и Ю.П. Гусева (сцены 9–15) в книге содержится несколько переводов на русский язык финальной сцены драмы (перевод В. Мазуркевича 1903 г., Н. Холодковского 1904 г., З. Крашенинниковой 1905 г. и Л. Мартынова 1964 г.), а также приложения (статьи, примечания и список иллюстраций к «Трагедии человека»).

Драма «Трагедия человека» была написана И. Мадачем в 1859–1860 гг. и стала самым значительным произведением в творческой биографии венгерского литератора. Основой сюжета поэмы стала фантастическая история о том, как изгнанные из рая Адам и Ева, вкусившие от плода познания, погружаются Люцифером в гип-

нотический сон, чтобы узнать, что ожидает человеческий род в будущем:

Да будет так. Я в сон вас погружу
И до конца ваш путь вам покажу.
И вы увидите: история – пуста,
Борьба бесплодна, истина проста...

Люцифер демонстрирует спящим основные вехи развития истории человечества, разные исторические эпохи, где герои оказываются непосредственными участниками событий. Так, например, в сцене четвертой Адам – это владыка Древнего Египта, молодой фараон, Люцифер – его министр, а Ева – одна из рабынь-египтянок, затем действие переносится в Древнюю Грецию, Афины, где Адам уже военачальник, а вскоре он перевоплотится в крестоносца, средневекового алхимика, затем он окажется в Париже, Лондоне, и, наконец, в тундре, пристанище последних людей. Изящно чередуя эпохи, Мадач, на первый взгляд, отдает своих героев во власть Люцифера, ведущего их, безропотных, за собой, но на самом деле, как справедливо замечает Ю.П. Гусев, комментируя особенности проблематики данной поэмы, Адам следует за Люцифером лишь формально, на самом

деле он влеком желанием свободного выбора и в финале сознательно избирает тот путь, который Люцифер на протяжении всей поэмы представлял несостоятельным. В финале «Трагедии» Бог прощает Адама за непослушание и благословляет его. Размышляя о судьбах человечества и поднимая широкий круг философских проблем, Мадач заметно выделяется на фоне своих современников.

Ю.П. Гусев в статье «Имре Мадач и его «Трагедия человека»», помещенной в приложении к настоящему изданию, отмечает, что фигура Мадача действительно стоит особняком в венгерской литературе XIX в. Сравнивая Мадача с другими венгерскими литераторами той эпохи, автор полагает, что круг проблем, затрагиваемых им, гораздо шире национальных рамок, которыми ограничивается творчество многих поэтов, что нашло отражение именно в драматической поэме «Трагедия человека». Однако исследователь доказывает, что нельзя рассматривать появление этого произведения, полностью абстрагируясь от конкретно-исторической ситуации в Венгрии после революции 1848–1849 гг. Вероятно, что сама форма – драматическая поэма стала результатом не только следования образцам (Гёте, Байрон, Лермонтов и др.), но и поиска в постреволюционной Венгрии с ее репрессиями, по выражению Ш. Штрикера, «надежной точки для ориентации», коими стали Бог и Рок, а не конкретные исторические события и фигуры, не имеющие мифологического, внеисторического воплощения.

Однако статья Ю.П. Гусева не исчерпывается лишь исследованием непосредственно текста поэмы; в начале статьи даются краткие сведения о Мадаче, других знаменитых представителях этого дворянского рода и постепенно автор переходит к обзору литературного творчества писателя в целом, замечая при этом, что именно создание поэмы «Трагедии человека» позволило его творчеству стать фактом не только венгерской, но и мировой литературы. Интересной представляется уже сама история написания данного произведения, связанная с необычайной мобилизацией душевных и творческих сил драматурга, узнавшего о своей неизлечимой болезни, а также с успешным выступлением Мадача с речью на Государственном собрании, после которой о нем, как пишет автор статьи, заговорили во всей Венгрии. Удачным для Мадача обстоятельством стал и тот

факт, что рукопись его драмы была высоко оценена Яношем Аранем – известным венгерским поэтом, членом Общества Кишфалуди. Именно благодаря Араню, высоко оценившему философскую глубину поэмы, «Трагедия человека» с необходимыми редакторскими правками увидела свет уже в 1862 г.

Безусловной заслугой Ю.П. Гусева, составителя этой книги, стала не только подробная статья о поэме Мадача, но и размещение в приложении к «Трагедии человека» переведенных им статей венгерских исследователей об истории создания, философских проблемах и сценическом воплощении драмы. Обратимся к первой из них – статье Ч. Андора «История создания «Трагедии человека»».

Ч. Андор – известный венгерский литературовед, председатель Литературного общества Имре Мадача – подробно исследует историю создания главного произведения Мадача. Уже в самом начале статьи автор указывает на заблуждение, бытовавшее многие годы, относительно сроков создания поэмы: из-за надписи «нач 17 фев 1859 конч 26 мар 1860» (с. 363) считалось, что это произведение было написано чуть более, чем за один год, однако, как убедительно доказывает Андор, опираясь на черновые варианты, это совсем не так. Одной из главных заслуг Андора стала публикация в своем исследовании отрывков из воспоминаний современников Мадача, из которых им были почерпнуты важные сведения о создании поэмы. Так, например, в тексте приводятся отрывки из воспоминаний Кароя Петери, коллеги Мадача, которому тот рассказал о рождении замысла «Трагедии человека» (первоначальное название – «Люцифер») во время своего пребывания в тюрьме (после подавления революции в 1848 г.), а также воспоминания современников, сохранившиеся благодаря первому биографу Мадача – Меньхерт Палади. Помимо важных сведений биографии Мадача, связанных с созданием «Трагедии человека», автор, на мой взгляд, весьма интересно и довольно подробно исследует сплетение науки, религии и фантастики в поэме, что, конечно же, играет очень важную роль для понимания и осмысления текста Мадача, обладавшего, как отмечает Ч. Андор, широкой эрудицией и мощным воображением, что позволило ему красочно воссоздать «в рамках одного, строго лимитированного религиозного мифа множество разных, красочных, неповторимых миров» (с. 379),

что, безусловно, стало причиной серьезно-го интереса к поэме переводчиков и литературоведов.

Автор следующей статьи – «Свободный выбор меж добром и злом. К пониманию “Трагедии человека”» – Й. Бардош, венгерский литературовед, предпринявший очень удачную попытку «расставить такие акценты и ориентиры, которые помогли бы читателю воспринять “Трагедию человека” соответственно ее глубокому значению и уникальности» (с. 392). Бардош вводит своеобразную «систему ключевых понятий», которые помогают, как он считает, представить основу философской концепции Мадача. Здесь мы встречаем такие «понятия», как Господь, Люцифер, Ева, Адам, Дух Земли, Толпа (масса). Интересно, что Бардош приводит в качестве иллюстраций к ним не только цитаты из самой поэмы, но и мнения других литературоведов, их определения данных понятий у Мадача, что позволило автору создать более полный спектр значений, обозначающих главные фигуры драмы. Затем автор обращается к композиционному анализу поэмы и описывает ее драматическую, триадическую и внутреннюю структуры, подчиненные решению главного вопроса, которым, как считает Бардош, задается Мадач: «есть ли вообще у бытия, у сотворенного мира смысл и цель?», – и исследователь справедливо замечает, что если такой разумный план и существует, то он непостижим для человеческого разума. Углубляясь в анализ философского уровня «Трагедии человека», Бардош приходит к выводу, что философская концепция Мадача очень близка не столько к концепциям Гегеля и Канта, что отмечалось многими литературоведами, сколько к системе взглядов датского мыслителя Серена Кьеркегора, предтечи экзистенциализма. Особенно очевидна эта близость, как подчеркивает автор, в финале поэмы, где выбор Адама сродни дилемме «или – или» у Кьеркегора (по названию его знаменитого философского труда).

Анализ философии «Трагедии человека» продолжается и в статье Б. Биро «“Цель человека – вечная борьба”. Философия “Трагедии”». Автор исследует истоки и предпосылки появления поэмы Мадача в мировой литературе, проводя параллели между жанром средневековой мистерии и жанром книги Мадача, указывая и на сходство между «Трагедией» и поэмами эпохи романтизма и опровергая, в отличие от других исследователей творчества

Мадача, большое сходство «Фауста» Гёте и «Трагедии человека» Мадача, подробным образом анализируя ряд сцен данных произведений и акцентируя внимание на различной трактовке образов Господа и Люцифера/Мefистофеля. Продолжая поиск философских истоков «Трагедии», Биро обращается к гностическому учению и опирающемуся на него масонству, в связи с этим особенно интересен отмечаемый исследователем факт того, что дед Мадача – Шандор Мадач был лидером венгерского масонского движения, а на рубеже XIX–XX вв. именем Имре Мадача была названа масонская ложа в Венгрии. Совпадение или нечто большее? Обращение к гностикам и иррационализму дает Биро возможность выявить специфику персонажей в свете философской концепции поэта, который во второй половине XIX в. отдает предпочтение иррационализму, тогда как в то время господствующее место в философии занимали позитивисты. В финале статьи автор утверждает, что обращение к гностицизму может решить парадоксы поэмы, которая через 150 лет после своего создания не перестает быть интересной читателям и зрителям.

О сценическом воплощении «Трагедии человека» говорится в статье «Четвертое измерение. “Трагедия человека” на сцене» венгерского искусствоведа и литературоведа Л. Петерди Нады. Важность появления «Трагедии человека» была настолько ощутима, что именно 21 сентября, день первой постановки драмы Имре Мадача в 1883 г., стал Днем венгерской драмы с 1983 г., положив начало новой традиции. Но что в сущности представляет собой «Трагедия человека»: «книжную драму – или произведение для масс» (с. 550)? Задав этот вопрос, автор статьи повествует о тех сложностях, с которыми столкнулся Э. Паулаи, поставивший «Трагедию человека» на сцене Национального театра. Л. Петерди Надь отмечает, что этот спектакль «был скорее сценической иллюстрацией к “Трагедии”, чем самостоятельной трактовкой», но он сделал это произведение доступным для широкой театральной публики, которая вскоре увидела и другие постановки «Трагедии». Некоторые сцены из разных постановок (1957 г., 1960 г., 1983 г.) читатели могут увидеть благодаря прекрасным иллюстрациям, размещенным в книге, среди которых представлены фото усадьбы семьи Мадачей, репродукция титульного листа первого издания «Трагедии челове-

ка», карандашного рисунка Имре Мадача и иллюстрации знаменитого художника М. Зичи, в течение многих лет находившегося при дворе императора Александра III и выполнившего иллюстрации к «Герою нашего времени» М.Ю. Лермонтова и «Витязю в тигровой шкуре» Ш. Руствели.

«Трагедия человека» Имре Мадача была переведена на русский язык с венгерского впервые: предыдущие поэтические переводы выполнялись с немецкого или через подстрочник. Работа с текстом оригинала позволила Ю.П. Гусеву и Д.Ю. Анисимовой, по моему мнению, точнее отразить специфику произведения, сохранив

стихотворную форму (в отличие от перевода З. Крашенинниковой). Снабженная Ю.П. Гусевым обширным комментарием и иллюстрациями и сопровождаемая статьями известных литературоведов и искусствоведов о творчестве венгерского литератора, эта книга адресована не только знатокам и исследователям венгерской литературы, но и широкому кругу читателей, которые могут не только познакомиться с текстом знаменитой драмы, но и получить подробный литературоведческий и философский анализ произведения.

© 2013 г. *Н.А. Лунькова*

Славяноведение, № 1

Съпоставително езиковзнание. Анотирана библиографија 1976–2009. Софија, 2009. 424 с.

Сопоставительное языкознание. Аннотированная библиография 1976–2009

«Сопоставительное языкознание» – один из самых известных и авторитетных лингвистических журналов. С 1976 г., когда вышел первый номер «Бюллетеня по сопоставительному изучению болгарского языка с другими языками» (свое современное название «Сопоставительное языкознание» «Бюллетень...» получил в 1978 г.), на страницах журнала было опубликовано почти четыре тысячи научных работ более чем 1300 авторов: статей, рецензий, хроник, библиографий. В них на материале более чем 50 языков решаются проблемы общего языкознания, контрастивного исследования языков, языковых контактов. Помимо этого, в журнале публикуются исследования в области теории и практики перевода, а также истории лингвистики (как мировой, так и болгарской). Некоторое количество работ посвящено иностранной болгаристике. На страницах журнала постоянно появлялись рецензии и аннотации на многие лингвистические работы, некоторые из которых открывали собою новые страницы в истории языкознания («Функциональная грамматика» А.В. Бондарко; «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка; «Литература Slavia orthodoxa» Р. Пиккио и многие другие). С самого начала «Сопо-

ставительное языкознание» было нацелено на широкую международную общественность: статьи в журнале печатаются, кроме болгарского, на русском, английском, немецком, французском и испанском языках. У истоков журнала стоял виднейший болгарский лингвист Светомир Иванчев, который был главным редактором издания с самого начала до 1990 г. С 1990 г. по 2007 г. во главе журнала стоял Живко Бояджиев, а в настоящее время – Петя Асенова.

Аннотированная библиография под общей редакцией П. Асеновой (редактор Х. Стаменов, отв. редактор Р. Железарова) включает в себя библиографическую информацию по всем работам, опубликованным в «Сопоставительном языкознании» с 1976 по 2009 г., а также краткие аннотации на русском, английском, немецком или французском языках. Каждая библиографическая ссылка снабжена цифровым индексом. Аннотированная библиография делится на следующие разделы: 1. Сопоставительные исследования (индексы 1–649); 2. Языковые контакты (650–683); 3. Теоретические вопросы языкознания (684–774); 4. Теория и практика перевода (775–826); 5. Дискуссии, обзоры и научные сообщения (827–1287); 6. Из истории мирового языкознания

(1288–1293); 7. Из истории языкознания в Болгарии (1294–1323); 8. Грамматики болгарского языка эпохи национального возрождения (1324–1329); 9. Болгарский язык за границей (1330–1346); 10. Столетие Софийского университета (1347–1358); 11. По поводу... (1359–1368); 12. Рецензии и аннотации (1369–2974); 13. Годовщины (2975–3258); 14. Хроника (3259–3643); 15. In Memoriam (3644–3752); 16. Библиографии (3753–3940). Завершают издание указатели: имена авторов опубликованных работ; имена авторов рецензированных книг; языки, сопоставленные с болгарским; географический указатель.

Этот справочный источник значительно упрощает составление подборки по любой интересующей читателя проблеме, входящей в круг тем «Сопоставительного языкознания». Например, достаточно быстро можно получить список статей по лингвистической балканистике, опубликованных в журнале: всего таких статей 72, большая их часть использует сербскохорватский (сербский и хорватский) материал (26 статьи), затем следует румынский язык (20), новогреческий (16), македонский (2), и по одной работе посвящено албанскому и цыганскому языкам. В семи статьях рассматриваются несколько балканских языков. Болгарский в абсолютном большинстве работ является языком сопоставления по умолчанию, поэтому он в библиографии не учитывается. На основании этого списка мы попытались составить предметный указатель статей по балканистике, опубликованных в журнале (цифры в скобках отсылают к библиографии в конце рецензии):

артикуль (македонск. 1056, румынск. 11, с.-х. 115, 116);
вид глагола (албанск. 599, греческ. 113);
балканизм как лингвистическое явление: что считать балканизмом (балканск. 20, 329, 1131, румынск. 14);
балканизмы в грамматике (румынск. 366, 496, 649);
возвратность глагола (румынск. 224);
временная система глагола (греческ. 307, 645, румынск. 495);
грамматикализация (греческ. 498);
двуязычие (греческ. 1085, румынск. 343);
дейксис (с.-х. 116);
преподавание иностранных языков (греческ. 668, с.-х. 655);
история языка (сербск. 352);
история литературного языка (сербск. 978, 979, 981, 982)

история лингвистических учений (сербск. 979, 983);
каузирование в системе глагола (греческ. 436);
категория лица (с.-х. 565);
лексические заимствования и кальки (арумынск. 349, греческ. 349, 158, 663, 930, македонск. 829, румынск. 297, 350, 651, 654, 1169, сербск. 829);
лексикология, сравнительная (балканск. 527; румынск. 351, с.-х. 34, 50);
морфемика (румынск. 296);
морфонология (хорватск. 497);
патронимия и ономастика (румынск. 670, цыганск. 661);
повторительность в системе глагола (с.-х. 1154);
психолингвистика (греческ. 668);
синтаксис (греческ. 425, 426, 196, 353);
система местоимений (румынск. 204, с.-х. 115);
словообразование (с.-х. 489);
стилистика (с.-х. 537);
тайные говоры (балканск. 658);
теория и практика перевода (сербск. 791, 806, 977);
фонология (балканск. 1147, с.-х. 546);
фразеология (греческ. 437, 572, сербск. 806, с.-х. 537);
частицы, вопросительные (с.-х. 458);
этимология (румынск. 650, сербск. 1165, 1166);
этнолингвистика (румынск. 12, 13).

Как несложно заметить, тематика статей по балканистике исключительно разнообразна. Самой разработанной в публикациях «Сопоставительного языкознания» областью является морфология балканских языков (как именной, так и глагольной системы), чуть менее подробно представлена лексикология. Учитывая, что к каждой библиографической ссылке дается аннотация, такая частная библиография может оказаться достаточно полным дайджестом по выбранной теме.

Кажется, что изданию не хватает именно такого предметного указателя. Это значительно повысило бы его ценность для лингвистической типологии. Кроме того, некоторые из аннотаций (к счастью, исключительно редко) несут на себе слишком яркую печать эпохи: например, в аннотации к библиографии болгаристики в БССР на с. 256 Октябрьская революция в России называется «Великим Октябрем». На наш взгляд, увеличенная стилистическая правка только улучшила бы издание, однако в целом оправданным представляется реше-

ние редколлегии публиковать аннотации к статьям без редактуры, учитывая объем материала, с которым пришлось работать. И итог этой работы – серьезная аннотированная библиография, которая, без сомнения, займет достойное место в ряду справочных изданий современных славистов.

Библиография статей по балканистике, опубликованных в журнале «Сопоставительное языкознание» (для удобства читателей индексы для статей даются по «Аннотированной библиографии»):

11. Алексова В. Наблюдения върху употребата на определителния член в българския и румънския език // СЕ. 1979. № 6. Год. IV.
12. Алексова В. Първото посещение на младоженката в бащиния дом. Названия на обряда в българския и румънския език // СЕ. 2000. № 2. Год. XXV.
13. Алексова В. Термини за ‘встъпвам в брак’ в българския и румънския език // СЕ. 2002. № 3. Год. XXVII.
14. Алексова В., Младенова О. Българо-румънски езикови отношения // СЕ. 1981. № 3–5. Год. VI.
20. Асенова П. За мястото на българския език между балканските езици // СЕ. 1981. № 3–5. Год. VI.
34. Баракова П. За българо-сърбохърватските апроксимати // СЕ. 1988. № 4–5. Год. XIII.
50. Бондарь И. Некоторые *verba dicendi* в русском и сербохорватском языках // СЕ. 1989. № 2. Год. XIV.
113. Гешев В. *Да хвърлех по отсрещния прозорец* – глаголен вид и време при изразяване на хипотетична модалност в гръцки, български и севернославянски // СЕ. 2003. № 3. Год. XXVIII.
115. Гинина С. Анафора, показателно местоимение и определеност на имената в българския и сърбохърватския език // СЕ. 1980. № 4. Год. V.
116. Гинина С. Деиксис и определеност на имената в българския и сърбохърватския език // СЕ. 1980. № 6. Год. V.
158. Дзидзилис Х. За няколко гръцки заемки в българския език // СЕ. 1982. № 5. Год. VII.
196. Иванова Н. Особенности на екзистенциалните изречения в българския и сърбохърватския език // СЕ. 1981. № 2. Год. VI.
204. Илиева К. Наблюдения върху семантиката на личните местоимения в българския и румънския език // СЕ. 1986. № 6. Год. XI.
224. Квоние Й.И. Възвратността в българския и румънския език // СЕ. 1985. № 5. Год. X.
296. Линца Е. Румънско-български морфеманализ // СЕ. 1979. № 6. Год. IV.
297. Лютакова Р. Морфологична адаптация на английските заемки в българския и румънския език // СЕ. 1997. № 2. Год. XXII.
307. Марку Х.Г. Имперфектът в българския и в новогръцкия език – взаимодействие на актуалност, модалност и темпоралност // СЕ. 2005. № 1. Год. XXX.
329. Минчева А. Структурните черти на балканския езиков съюз с оглед на съвременния български език // СЕ. 1981. № 3–5. Год. VI.
343. Младенов М. Българските диалекти в СР Румъния // СЕ. 1981. № 3–5. Год. VI.
349. Младенова О. Български лексикални заемки чрез арумънско посредничество в новогръцкия език // СЕ. 1987. № 2. Год. XII.
350. Младенова О. Една структурно-граматична успорица в българския и румънския език (тип *нов-новеничък, пои-поит*) // СЕ. 1979. № 4. Год. IV.
351. Младенова О. Сравнителен анализ на една лексико-семантична група глаголи в българския и румънския език // СЕ. 1979. № 6. Год. IV.
352. Младеновић А. Термините *славеносрпски* и *славеноболгарски* – един паралел // СЕ. 1990. № 4–5. Год. XV.
353. Молошна Т. За адекватните словосъчетания в българския и сърбохърватския език // СЕ. 1980. № 1. Год. V.
366. Накова В. Относно някои съответствия между употребите на супина в румънския и сегашното страдателно причастие в българския // СЕ. 2008. № 3. Год. XXXIII.
425. Петрова С., Ангелиева Ф. Гръцките съответствия на българското съставно сказуемо // СЕ. 1994. № 1. Год. XIX.
426. Петрова С., Ангелиева Ф. Новогръцките условни периоди в съпоставка с българските // СЕ. 1994. № 5. Год. XIX.
436. Попова А. Някои характеристики на глагола в българския и гръцкия език // СЕ. 1988. № 3. Год. XIII.
437. Попова А. По повод на българо-гръцките езикови прилики // СЕ. 1987. № 5. Год. XII.
458. Савова Д. За употребата на някои въпросителни частици в сърбохърватския и българския език // СЕ. 1988. № 1. Год. XIII.
489. Стефчева Р. Словообразователно-семантична характеристика на транслокативните префиксални формации *пре-* и *про-* в български и сърбохърватски език // СЕ. 2001. № 2. Год. XXVI.
495. Стоянова Д. Относно употребите на аориста и перфекта в българския и румънския език // СЕ. 1991. № 2. Год. XVI.
496. Стоянова Д. Функционално-семантични паралели в употребите на дателни местоименни клитики с посесивно значение в българския и румънския език // СЕ. 1989. № 5. Год. XIV.
497. Стоянова Е. Морфологичен характер на алетрнативите на мястото на етимологичния *ѐ* в българския и сърбохърватския език // СЕ. 2004. № 2. Год. XXIX.
498. Стоянова С., Йончева Г. Към семантико-функционалната характеристика на гръцката лексема *лов* и нейните еквиваленти в българския език // СЕ. 1990. № 2. Год. XV.
527. Ханегрефс Н. Наименования на цветовете в балканските езици // СЕ. 1980. № 2. Год. V.

537. Христофорова А. Журналистическата фразеология в сърбохърватския и в българския език – семантични и функционални аспекти // СЕ. 1999. № 1. Год. XXIV.
546. Цонева Д., Недкова Е. Съпоставителен анализ на фонологичните системи на българския и сърбохърватския език // СЕ. 2002. № 2. Год. XXVI.
565. Шимански М. Съпоставително описание на категорията *лице* (в българския, сърбохърватския и полския език) // СЕ. 1988. № 1. Год. XIII.
572. Янисова Х. Фразеологични единици с кратка винителна местоименна форма в новогръцкия език (паралели с българския език) // СЕ. 2008. № 3. Год. XXXIII.
599. Friedman V.A. Aspectual oppositions in Bulgarian, Albanian and Turkish // СЕ. 1992. № 3. Год. XVII.
645. Valma E. Etude morphosémantique du futur en parlars grecs de la Bulgarie // СЕ. 2009. № 3. Год. XXXIV.
649. Velinova M. Quelques notes sur les déterminants nominaux *един* et *un* en bulgare et en roumain // СЕ. 1989. № 6. Год. XIV.
650. Алексова В. Етимологични дублети в румънския език // СЕ. 1992. № 5. Год. XVII.
651. Алексова В. Критерии за установяване на българските книжовни елементи в румънската лексика // СЕ. 1992. № 4. Год. XVII.
654. Буджишевска В. Из българо-румънските лексикални връзки // СЕ. 1989. № 3. Год. XIV.
655. Васильева Т. Изучение комплексных единиц словообразовательной системы русского языка в славянской аудитории // СЕ. 1991. № 1. Год. XVI.
658. Воденичаров П. Езиково взаимодействие в един таен говор (говора на слепци-просяци от село Добърско, Разложко) // СЕ. 1988. № 2. Год. XIII.
661. Костов К. Още веднъж за личните и фамилни имена от цигански произход в българската ономастика // СЕ. 1993. № 3–4. Год. XVIII.
663. Младенова О. Воурауоуоуриа. Из словното богатство на неописван български диалект в Северна Гърция // СЕ. 1989. № 2. Год. XIV.
668. Петрова С. Психолингвистични проблеми при усвояване на българската лексика от гръцки студенти // СЕ. 1992. № 1. Год. XVII.
670. Стефанов П. Български лични имена от румънски произход в ръкопис от 1720 година // СЕ. 1991. № 3. Год. XVI.
791. Иванова Н. Възрожденската преводна драматургия и историята на новобългарския книжовен език (*Подкондирена тиква* от Йован Стерия Попович) // СЕ. 1990. № 4–5. Год. XV.
806. Недкова Е. Аспекти на взаимовръзката между вътрешна форма и националнокултурна специфика на фразеологизмите в творчеството на А. Константинов с оглед на преводните им съответствия на сръбски и руски език // СЕ. 2002. № 3. Год. XXVII.
829. Айдукович Й. О контактологическом определении понятия «русизм» (на материале сербского, македонского и болгарского языков) // СЕ. 2000. № 1. Год. XV.
930. Дейкова Х. Към въпроса за гръцките заемки в българския език – произход на няколко диалектни думи // СЕ. 2001. № 2. Год. XXVI.
977. Иванова Н. «Мелодија к пролећу» (1765) от Захария Орфелин и «О, пролет прекрасна!» (1845) от Константин Огнянович – специфика на езиковата концептуализация // СЕ. 1999. № 1. Год. XXIV.
978. Иванова Н. Някои проблеми на формирането и функционирането на сръбскохърватския книжовен език // СЕ. 1983. № 2. Год. VIII.
979. Иванова Н. Проблеми и подходи в изследването на сръбския книжовен език от XVIII и началото на XIX век // СЕ. 1998. № 3–4. Год. XXIII.
983. Иванова Н. Сърби и българи между средновековието и новото време – езикови измерения на историческото съзнание // СЕ. 1999. № 2–3. Год. XXIV.
981. Иванова Н. Смесените книжовноезикови типове и барокът. Българската разновидност на южнославянския «илирийски» език през XVII–XVIII в. (I) // СЕ. 1997. № 3. Год. XXII.
982. Иванова Н. Смесените книжовноезикови типове и барокът. Българската разновидност на южнославянския «илирийски» език през XVII–XVIII в. (II) // СЕ. 1997. № 4. Год. XXII.
1056. Молле К. За членуването в българския и македонския // СЕ. 1999. № 2–3. Год. XXIV.
1085. Петрова С. Още за българо-гръцкия билингвизъм // СЕ. 2006. № 3. Год. XXXI.
1131. Русек З. Дали граматическите балканизми са всъщност балканизми – характеристика на фона на други индоевропейски езици (славянски, германски, романски) // СЕ. 2000. № 3. Год. XXV.
1147. Сребранов Р. Рефлектиране на *ѣ и *а в чечкия говор. Балкански и славянски аналози // СЕ. 2005. № 2. Год. XXX.
1154. Стефчева Р. Семантичен и когнитивно-прагматичен аспект на проблема «повторителност» на глаголното действие (върху материал от български и сърбохърватски език) // СЕ. 2001. № 3. Год. XXVI.
1165. Табакова Д. Българският глагол *вървя*, срхр. *vrějeti* и словенски *vrvěti* в етимологичния речник на Петър Скок // СЕ. 1998. № 3–4. Год. XXIII.
1166. Табакова Д. Срхр. *čirš* в етимологичния речник на Петър Скок, бълг. *kirš*, *čirš* // СЕ. 1998. № 3–4. Год. XXIII.
1169. Тодоров Т. Една българска диалектна дума от румънски произход: *пъй* // СЕ. 2004. № 3. Год. XXIX.

«ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СЛАВЯН В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»

23–24 декабря 2010 г. в Институте славяноведения РАН по инициативе научно-исследовательского центра «ЭСТРИКА» («Славянские Культуры: Корни и Крона») состоялась Международная комплексная научная конференция «История и культура славян в прошлом и настоящем». Представляем аннотации докладов участников конференции.

И.Ф. Макарова (ИСл РАН) в докладе «Особенности этнокультурного взаимодействия болгар и сербов в XV–XVII вв.» рассмотрела процессы этнокультурного взаимодействия в этнически контактных зонах Македонии и долины реки Нишава в условиях османских реалий общественной жизни. В качестве источников были привлечены материалы османских налоговых регистров, приписки в славянских рукописных сборниках, произведения агнографии и фольклора, путевые заметки иностранцев.

В докладе *И.И. Лециловской* (ИСл РАН) «Исторические мифы и формирование хорватского национального сознания» прослеживалась мифологическая традиция, взятая на вооружение идеологами иллиризма в 30–40-е годы XIX в.: возрождение легенды о трех славянских братьях Чехе, Ляхе и Русе – родоначальниках чешского, польского и московского государств и трактовка Хорватии как прародины славян – единого в прошлом народа с одинаковым языком.

С.М. Фалькович (ИСл РАН) в докладе «Социальный аспект польских идеологических концепций конца XVIII – середины XIX в.» проследила взаимосвязь возникавших программ национального развития с социальной действительностью и стремлением их создателей привлечь народ к борьбе за возрождение польского независимого государства. Проанализированы различные программы, от умеренных до радикальных или даже утопических, прослежена их эволюция под напором восстаний и революционных событий в Польше и Галиции.

Ю.А. Лабынцев (ИСл РАН) и *Л.А. Щавинская* (ИСл РАН) подготовили доклад «Традиция православного богогласника на пограничьи Славии Восточной и Западной XIX–XXI вв.», посвященный этому широко распространенному среди украинцев и белорусов литературному сборнику. Развитие православной традиции богогласника, по их наблюдению, совпало с эпохой славянского возрождения и укреплением системы всеобщего школьного образования, что способствовало появлению большого числа новых авторов богогласничных текстов и возникновению целой индустрии их переписки вручную и с помощью различных доступных средств тиражирования.

В своем выступлении *А.В. Карасев* (ИСл РАН) рассмотрел тему «Библиотека и ее роль в развитии сербской культуры (Из истории библиотечного дела в Сербии)». Докладчик исследовал становление и развитие библиотечного дела в Сербии середины XIX – конца XX в. на примере Народной библиотеки в Белграде, которая с начала указанного периода превратилась не только в место хранения информации, но и главный центр развития культуры и науки в целом.

Доклад *И.В. Чуркиной* (ИСл РАН) «М.Ф. Раевский и Й.Ю. Штросмайер» был посвящен теме непростых отношений между Дьяковским епископом Йосипом Юраем Штросмайером – лидером хорватской Национально-либеральной партии во второй половине XIX в. и православным приходским священником русского посольства в Вене М.Ф. Раевским. Были вскрыты основные причины все более углублявшихся между ними идеологических расхождений по конфессиональным вопросам.

В докладе *Л.А. Кириловой* (ИСл РАН) «Словенские либералы накануне Первой мировой войны» давалась оценка либеральному движению в словенских землях. Главный ак-

цент либеральные идеологи ставили на национальном вопросе, поэтому словенцы пошли за католиками и христианскими социалистами с их обширной социальной программой. Исследовались в докладе и другие причины общей слабости, разобщенности и непопулярности словенского либерального движения.

М. Китанова (Болгария) выступила с докладом «Отношения между родителями и детьми в болгарских пословицах и поговорках». Вниманию докладчицы было сосредоточено на значениях пословиц и поговорок, характеризующих концепты *мать, отец, дети* с целью выявления фрагментов болгарского пословичного менталитета. По ее мнению, в болгарской пословичной семье центральное место занимает не отец, а мать, что метафоричных пословиц в болгарском фольклоре сравнительно мало. Сделаны были и многие другие важные выводы.

Доклад *Н.А. Фатеевой* (ИРЯ РАН) «“Взводень звонов” В. Брюсова как метатекст диалекта В. Хлебникова» был посвящен указанному «словотворческому» стихотворению Брюсова, написанному в память В. Хлебникова. Анализу подверглись словотворческие парадигмы самого Хлебникова в сравнении их с брюсовскими, и очерчена разница в подходе двух поэтов к словесному материалу.

М.И. Чернышева (ИРЯ РАН) в докладе «Начальная история формирования и развитие русской лексикографии в мировом культурном пространстве» остановилась на огромной роли переводчиков, чья деятельность способствует обогащению родной культуры посредством знакомства с культурой зарубежной. В этой связи были рассмотрены работы известных переводчиков конца XV – XVII в.: Дмитрия Герасимова, братьев Траханиотов, Максима Грека и др. В докладе подчеркивалась важная роль в развитии лексикографии Азбуковников XVI–XVII вв. и многочисленных разнообразных словарей, выпущенных в XVIII в.

Л.Л. Шестакова (ИРЯ РАН) в докладе «Словари поэтического языка в современной лексикографии» подчеркнула, что материалы словарей названного типа отражают особую форму национального языка, в которой реализуется его эстетическая функция. Были рассмотрены разные направления в современной русской поэтической лексикографии: словари языка отдельных поэтов (частотный, толковый, идеографический и др.) и сводные словари поэтического языка, построенные на материале творчества большого ряда авторов. Особое место в докладе было уделено «Словарю языка русской поэзии XX века», создаваемому в ИРЯ РАН.

Выступление *Т.В. Белошапковой* (ГАСК) «Речеведение и когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания» было посвящено выявлению связей между речеведением и когнитивно-дискурсивной парадигмой лингвистики. Внимание концентрировалось на изучении разных сторон дискурса: речеведения, занимающегося объективными надличностными началами исследования речи, и когнитивно-дискурсивной парадигмы, включающей в себя *языковую личность и языковое существование*. По мнению докладчицы, речеведение и когнитивная лингвистика имеют перспективы совместного «сотрудничества».

В докладе *Н.К. Ониненко* (ИРЯ РАН) «От определенной личности к обобщенной (“Декабрь во Флоренции” И. Бродского)» анализу подверглись дейктическая, структурно-семантическая и анафорическая функции синтаксического нуля в указанном произведении.

Доклад «К вопросу о классификации вариантов “Баллады о мертвом брате”» *М.М. Макарецва* (ИСл РАН) являл собой опыт лингвогеографического описания на материале болгарских, македонских и албанских версий одного из мотивов баллады: объяснение запаха, который исходит от брата (копавшего землю или болевшего). Картографирование всех элементов текста «Баллады...», по мнению докладчика, позволит судить о месте появления памятника и путях его распространения.

М. Димитрова (Болгария) в докладе «Литературно-книжное и разговорное в текстах эпохи болгарского возрождения» попыталась установить пропорции разговорной и письменной составляющих в процессе формирования норм новоболгарского литературного языка на базе двух болгарских журналов указанной эпохи – «Любословия» (вторая четверть XIX в.) и «Летоструя» (третья четверть XIX в.). По наблюдению докладчицы, нормативное ядро абстрактных существительных в этих журналах относительно невелико: менее 50%. Его объем увеличился во второй и третьей четверти XIX в. за счет более частого употребления слов разговорного и литературно-книжного характера.

М.А. Малыгина (ИРЯ РАН) в докладе «К вопросу о количестве и происхождении минейных стихирарей XII в.» затронула проблему локализации древнейших рукописей славянского Минейного стихираря. Выступавшая утверждала, что большая часть дошедших до нас рукописей (6 из 8) относится к северо-западной диалектной зоне, т.е. к Новгороду. Один из стихирарей (разъединенный на две части) условно считают псковским, однако в рукописи не обнаруживаются признаки, однозначно указывающие на Псков. Две оставшиеся рукописи с известной долей вероятности можно отнести к Киеву или ближайшим областям.

В своем докладе «Интонационно-речевой код демественного распева» *Г.А. Пожидаева* (ВТУ им. Щепкина) обратила внимание на взаимосвязь речевой и музыкальной интонаций в распевах русского средневековья. По словам докладчицы, речевые модели образуют интонационную базу лексики церковного пения, а распевание поэтического текста превращается в процесс преобразования речевой интонации в музыкальные структуры. Таким образом, речевые модели фактически становятся интонационно-речевым кодом, раскрывающим семантику церковных напевов. Отмечены были и особенности постепенного формирования торжественного, праздничного стиля демества от конца XV – начала XVI в. до конца XIX в.

А. Алитиева (Болгария) в докладе «Болгарская литературная национальная идея (попытка современного осмысления)» рассмотрела бытование национальной идеи в отечественной литературе, начиная с XIX в. до современности. Исследовательница отметила постоянное стремление болгарских писателей сохранить границы «родного», сделать известным Европе «незнаемый» ранее небольшой болгарский народ, очертить границы национальной самобытности и собственного культурного рельефа. Воспроизводство национальной идеи и известная константность в литературе, по мнению докладчицы, фактически консервируют доморощенность и делают невозможным рождение литературного лидера, достойного Нобелевской премии.

И.М. Числов (ГАСК) в докладе «Свято-Саввские традиции Космета (Культурно-просветительская деятельность сербских монастырей Косова и Метохии)» говорил о духовном расцвете сербского православия во время правления династии Неманичей (конец XII–XIV в.) и о важнейшей роли косовских монастырей в деле формирования облика сербской средневековой культуры. Они стали играть такую роль благодаря инициативе первосвященителя Сербской земли – архиепископа Саввы. Ведущие культурно-созидательные традиции Косова поддерживались многие столетия, и проблема сохранения этого края в сербском культурном поле в наше время является одной из самых животрепещущих.

В докладе «Русская тема в начальной поэзии Петра Негоша» *Н.Д. Блудилина* (ИМЛИ РАН) анализировала ранние произведения черногорского поэта: песню «Бой русских с турками в 1828 году» и стихотворения из сборника «Цетинский Пустынный», написанные под впечатлением от поездки в Россию. По ее мнению, в творчестве Негоша переплетались чувства русского патриота с патриотизмом славянским. Будущее славянства и родной земли поэт связывал с Россией, создавал оды в ее честь и во славу русских императоров.

Д.С. Московская (ИМЛИ РАН) в докладе «Локально-исторический метод как язык большой русской литературы: исследования Н.П. Анциферова» обратилась к его научному наследию. Вводя в оборот новые архивные материалы, она показала, как язык научного описания Н.П. Анциферова и его метод изучения художественной *местнографии* зависели от типологической особенности той разновидности русской литературы, которую создавали писатели, тяготевшие к социальной истории или краеведению.

Доклад *Т.И. Радомской* (ИМЛИ РАН) «Особенности духовной проповеди в русской культуре XVIII–XIX вв. (К выходу книги В.П. Зубова “Русские проповедники”))» был посвящен анализу указанной книги, написанной в конце 1920-х годов, но увидевшей свет только сейчас. обстоятельно проанализировав методологию В.П. Зубова для обнаружения и описания в литературных текстах двух основных типов религиозного сознания – мистического и «имманентного», докладчица проиллюстрировала, как эти типы мировосприятия преломляются в русской художественной литературе.

Е.В. Степанян (ГАСК) в докладе «Приемы изобразительности в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”» обратила внимание на такой срез творчества, как изобразительность. Миры различных писателей обладают неодинаковой степенью изобразительности и формы. Проза Ф.М. Достоевского, по утверждению докладчицы, подчеркнуто а-пластична, однако это не мешает ей быть изобразительной на свой лад. Так, например, особую роль в

романе «Идиот» играют упоминания зеленого цвета: он раскрывает в более поздних произведениях писателя идею непрерывности живой жизни и возлагаемой на нее надежды.

В докладе *Т.И. Чепелевской* (ИСл РАН) «История и культура югославянских народов в очерках и корреспонденциях конца XIX – начала XX в. (Е.И. Витте и др.)». рассмотрены документальные свидетельства, посвященные важным историческим событиям на Балканах во второй половине XIX в. и до начала Первой мировой войны. Особое внимание уделялось ею женской художественной публицистике: В.С. Некрасовой, Е.Н. Водовозовой, Э.К. Пименовой. На первое место докладчица поставила произведения Е.И. Витте, обращавшейся не только к истории, но и стремившейся показать приметы того нового, что появилось в жизни этих народов в наступившем XX в.

И.И. Калиганов (ИСл РАН) из своей обширной темы «Освободительная русско-турецкая война 1877–1878 гг. в русской литературе» выделил воспоминания сестры милосердия С.А. Кёниг – вдовой майорши, выхлопотавшей у императора Александра II позволение отправиться на фронт в Болгарию. Автор оставила нам превосходные описания благоухающей Долины Роз, «конака» (резиденции бея) в Тырнове и много другого любопытного. Ее взгляд женщины проникал туда, куда не мог заглянуть русский солдат или офицер – например в тырновскую женскую баню, или останавливался на том, чем вряд ли заинтересовался бы мужчина, – на колоритной парфюмерии тогдашних болгарок. Вместе с тем, Кёниг, как и многие русские, нередко делала неверные выводы о болгарях по причине незнания местных реалий.

Доклад *А.А. Радун* (ГАСК) «Идейный мир польской журналистики (Галиция второй половины XIX в.» был посвящен анализу галицийской консервативной периодической печати второй половины XIX в. («Gazeta Narodowa», «Przegląd Polski», «Czas», «Gazeta Polska») с ее дозволенной русофобией и формировавшемся на ее страницах негативному образу «схизматичной» Москвы, противопоставлявшей прогрессивному Западу.

А.В. Гук (ИРЯ РАН) в докладе «Стилистическое разнообразие поэтического словаря М. Кузмина» проанализировала различные пласты лексики, используемой поэтом в его произведениях. Выбор лексических средств определяется не только темой и сюжетом текстов, но и разнообразием стихотворных форм – от сонета до газеллы. В свободный «диалог» в текстах часто вступают разговорная, просторечная, книжная и специальная лексика. По заключению докладчицы, симбиоз высокой поэтической, устаревшей и заимствованной лексики придает специфику лексической палитре творца и делает его поэтический стиль «узнаваемым».

В докладе *И.Г. Страховской* (ГАСК) «По следам “философского” парохода. (Из цикла “Славянский топохрон”))» говорилось о традиционном противоборстве славянофильства и западничества. «Третьей силой», по словам выступавшей, стало Русское зарубежье. В докладе затрагивались малоизученные факты из жизни русского зарубежья: деятельность литературно-художественного объединения «Веретено», литературного кружка «Братство круглого стола» и видного поэта и ученого Л.И. Страховского-Чацкого.

В.Н. Ковалев (ГАСК) в докладе «Мотивы и образы песенной лирики польского Сопровращения (Армия Крайова)» провел мысль об известном родстве песен польского подполья 1939–1944 гг. с «безымянным» фольклором далеких эпох. Отмечены высокий литературный уровень популярных песен АК и уровень образованности их авторов, исполнителей и слушателей, проанализированы содержание и жанровые разновидности песен и связь поэтов и композиторов при их создании.

Ю.А. Созина (ИСл РАН) в своем докладе «“Мир – это драма”: драматургия Душана Йовановича» проанализировала вышедшее в 2007 г. названное эссе – «Svet je drama». В произведении, по словам докладчицы, речь идет не о проблемах театра, а о самых жгучих вопросах современности: неизбывности человеческих страхов, стремлении людей к очищению, внешнем агрессивном воздействии СМИ, политических играх и особенностях развития нашей цивилизации.

В докладе *М.Ю. Досталь* (ИСл РАН) «Некоторые особенности изучения славянских литератур в СССР накануне Великой Отечественной войны» отмечалась устойчивость «классового» подхода в советском литературоведении при исследовании литературных произведений прошлого и настоящего. Несмотря на официальный отказ от «вульгарного социологизирования» и приемов школы В.Ф. Переверзева, изучение литературы продолжало тогда вестись с акцентом на «классовые» аспекты или более современные «антибуржуазные» и антифашистские тенденции авторов.

М.В. Медынцева (ГАСК) в своем докладе «Синтез искусств в творчестве Яна Шванкмайера» рассмотрела особенности творческой манеры чешского художника. Проанализировав его творческий путь на фоне пестрой художественной жизни Чехии в третьей четверти XX в. и охарактеризовав чешский сюрреализм, Медынцева остановилась на таких приемах Я. Шванкмайера, как визуальный коллаж и игра с тактильностью, синтез аудиовизуального и художественного видов творчества.

В докладе *Е.П. Литвиновой* (ГАСК) «Творческий путь фотографа Йозефа Судека как отражение эволюции чешской культуры XX в.» работы художника анализировались на фоне пересечения в чешской культуре национальных реалистических традиций, западноевропейского модерна и русского авангарда. Докладчица очертила круг произведений Й. Судека, в которых отразились веяния художественных течений пикторализма, конструктивизма, сюрреализма и кубизма. Творчество Й. Судека впервые было представлено как пример заимствования и переработки фотографией идей и средств художественной выразительности из других изобразительных искусств,

Н.В. Шведова (ИСл РАН) в докладе «Сюрреалистическое влияние в поэзии Мирослава Валека (1960-е годы)» утверждала, что присутствие сюрреалистической поэтики ощущалось уже в первом его сборнике «Прикосновения» (1959), а затем последовательно возрастало в последующих сборниках. Это явление в словацкой литературе не было единственным – в 1935–1949 гг. в ней обозначилось движение сюрреалистов, называвших себя «надреалистами» (близким к которым был и М. Валек).

В докладе *Г.П. Мельникова* (ИСл РАН) «Чехия в поисках национально-культурной идентичности (спектакль “Фидловачка”, Прага, Театр На Виноградах, 2010 г.)» прозвучала мысль о том, что современная Чехия вновь столкнулась с необходимостью отстаивать свою культурную идентичность из-за включения страны в процесс интеграции с Западной Европой. Знаковым событием в этом смысле стала постановка классической пьесы Й.К. Тыла «Фидловачка» (1834), где впервые прозвучала песня «Где дом мой», ставшая чешским гимном. Авторы спектакля (сценарий И. Гавелки и К. Новотной, режиссер И. Гавелка) соединили действие пьесы с заседанием Европарламента, обсуждающего символику ЕС. Из этого сопоставления, в центре которого встали проблемы отстаивания национально-культурной идентичности (плюс евроинтеграции и реализации принципа «единство в многообразии»), рождаются новые смыслы и подходы к их решению.

© 2013 г. *Г.А. Пожидаева*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Akimova O.A.</i> (Moscow). «The Lord of his Language»: concerning the attempt of statebuilding in Croatia in the late thirteenth – first half of fourteenth centuries.....	3
<i>Kossik V.I.</i> (Moscow). Vardar Macedonia between the two World Wars.....	11
<i>Gibiansky L.Yu.</i> (Moscow). Balkan countries at the crosshair of Hitler's and Stalin's politics at the beginning of the Second World War: from the defeat of France to the establishment of the «Axis» dominance on the Balkans.....	24
<i>Ulunyan Ar.A.</i> (Moscow). Mystery of the «Breakthrough» Operation, or how Enver Hoxha was preparing to «the chaos after Tito».....	43
<i>Gushev Yu.P.</i> (Moscow). Images of Russia in the work of the classical Hungarian writer Mór Jókai. Some reflexion on a book.....	60
<i>Shirokova L.F.</i> (Moscow). Slovak prose after 1989: tendencies, authors, works.....	68
<i>Starikova N.N.</i> (Moscow). Poetics of dissidence. Concerning the situation with Modernism in the literatures of Yugoslavia.....	76
<i>Lifanov K.V.</i> (Moscow). The problem of dialect basis of the Slovak literary language codified by A. Bernolák.....	83
<i>Matveev O.V.</i> (Krasnodar). Some results and prospects of studying the Slavic population culture of Kuban and the Black Sea Coast.....	91

COMMUNICATIONS

<i>Kaliganov I.I.</i> (Moscow). Bulgaria and Bulgarians viewed by a Russian woman of the nineteenth century (S.A. von Kőnig's memoirs about the Russian-Turkish War 1877–1878).....	99
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Kulik M.</i> Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830.....	105
<i>Biryukova E.V.</i> Náboženství v 19. století. Nejcirkevňější století, nebo období zrodu českého ateismu?.....	107
<i>Mel'nikov G.P.</i> В. Пукиш. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010.....	109
<i>Frolova M.M.</i> Болгария и Россия (XVIII–XX вв.): взаимопознание. Сб. статей.....	111
<i>Lun'kova N.A.</i> И. Мадач. Трагедия человека.....	116
<i>Makartsev M.M.</i> Съпоставително езиковзнание. Анотирана библиография 1976–2009.....	119

SCHOLARLY LIFE

<i>Pozhidaeva G.A.</i> «История и культура славян в прошлом и настоящем».....	123
---	-----

Сдано в набор 18.10.2012 Подписано в печать 03.12.2012 Формат 70 × 100^{1/16}
Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 2,9 тыс. Уч.-изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 273 экз. Зак. 820

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6